ПИОНЕР

11
1985

МИР — ДЕТЯМ, МИР — ПЛАНЕТЕ!

Всесоюзный пионерский лагерь имени В. И. Ленина «Артек» принял эстафету XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Сюда на традиционную международную смену приехали юные делегаты XII Всемирного — мальчишки и девчонки из всех уголков планеты. Волнующей была встреча ребят с Генеральным секретарем ЦК КПСС Михаилом Сергеевичем ГОРБАЧЕВЫМ. Они рассказали Михаилу Сергеевичу об «Артеке», о своих пионерских делах, о том, как весело и счастливо живется им под ласковым крымским небом. А вечером на главном артековском стадионе состоялся большой театрализованный праздник «Дружат дети всей планеты». «Мир! Дружба! Фестиваль!» — на разных языках неслись над Аю-Дагом слова, понятные всем детям планеты.

Обращение участников слета юных борцов за мир к делегатам XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов

Мы, дети из пятидесяти стран планеты, собравшиеся в Международном детском лагере XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, обращаемся к вам, уважаемые делегаты фестиваля. Во имя будущего всех народов — детей, которых сегодня на планете более миллиарда,— защитите землю от новой войны.

Мы требуем мира, потому что война и детство несовместимы. Война калечит детство, рушит мечты, отнимает самое дорогое, что есть у каждого человека,— мать и отца.

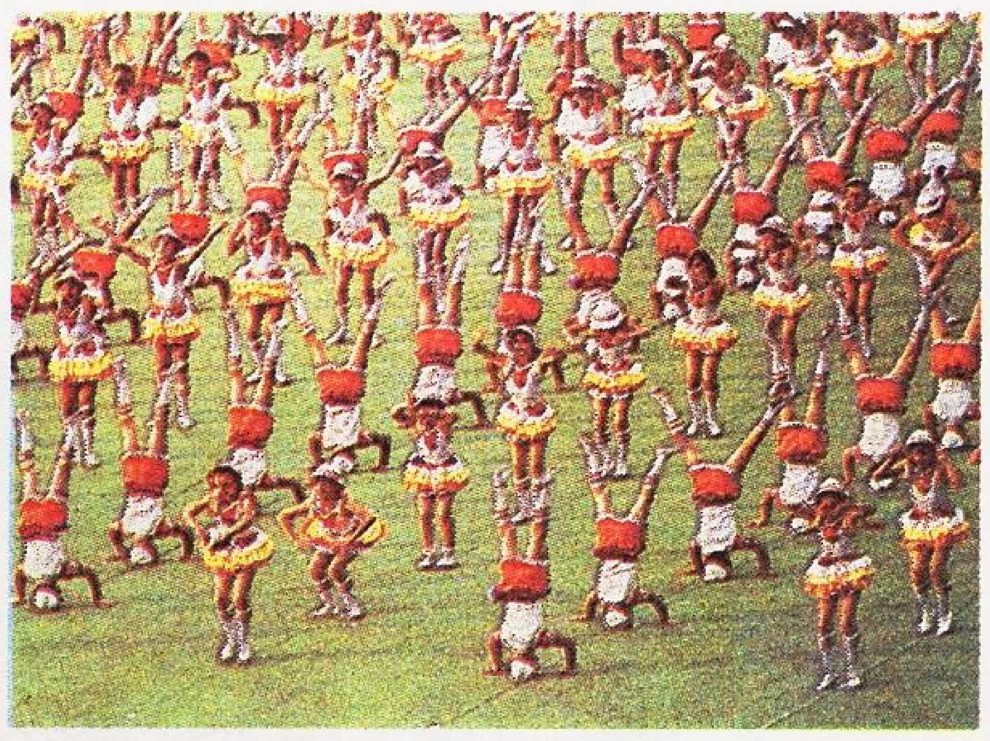
Сорок лет назад отгремели последние залпы второй мировой войны, но еще не было дня, чтобы где-то на нашей планете не свистели пули, не грохотали бомбы, не рвались снаряды. Не было дня без детского горя, без слез.

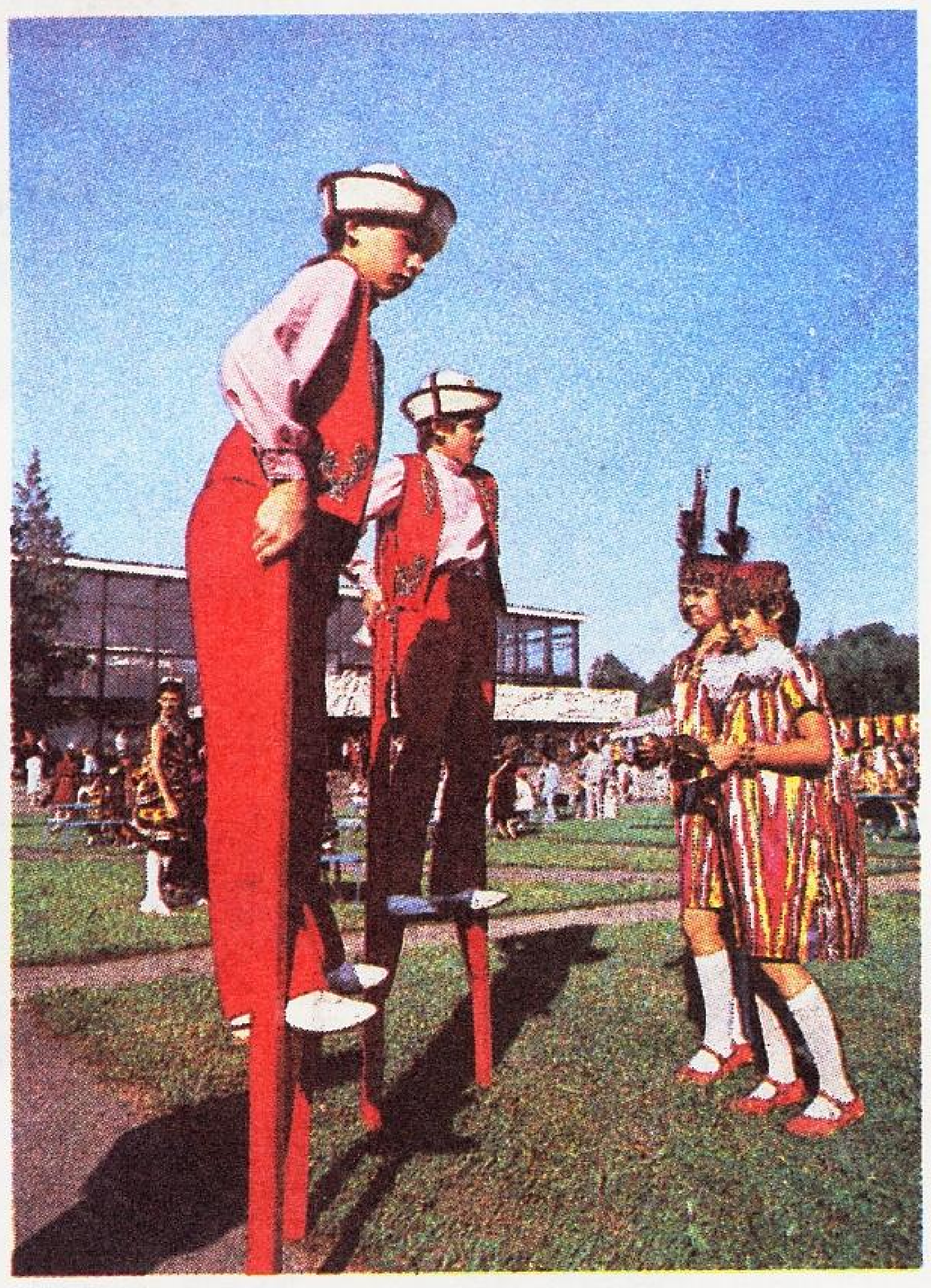
Деньги, которые сегодня идут на гонку вооружений, должны быть отданы детям, чтобы они могли учиться в школах, быть грамотными и вырасти полезными людьми для общества. На эти деньги можно накормить всех голодных детей, вылечить от всех болезней, напоить чистой водой, дать кров.

Война — это преступление против детства. Поэтому мы, юные граждане планеты, поднимаем свой голос вместе с вами, уважаемые делегаты, против нависшей над миром войны. Мы верим: солидарность и дружба, наши совместные усилия победят войну!

Мы навсегда сохраним в сердцах дружбу и добрую волю, которые подарил нам Московский фестиваль.

Фотография В. ГУСЕВА.





ЦИФРЫ И ФАКТЫ

В ноябре исполняется 40 лет со дня создания Всемирной федерации демократической молодежи — ВФДМ, одного из учредителей фестивального движения.

* * *

В XII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве участвовали 20 тысяч делегатов из 157 стран мира и Западного Берлина.

* * *

В дни работы фестиваля из Москвы на стройки Западной Сибири отправился Всесоюзный ударный комсомольский отряд «Стахановец».

* * *

«Фестивальный» — так называется новый детский парк столицы. Он открылся в честь XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Дзержинском районе Москвы.

* * *

Юноша и девушка с цветами, выпускающие в небо голубей мира,— так выглядит памятный Знак

XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Он открыт 2 августа в столичном парке «Дружба».

За фестивальные дни в Клубе советской делегации побывали гости более чем из 150 стран мира.

28 июля свыше 2500 делегатов фестиваля работали на воскреснике на Поклонной горе, где помогали в строительстве памятника Победы.

Если хочешь быть счастливым...

Есть люди, как бы переполненные сами собой, своими переживаниями, обидами. Придешь к такому — он тебе вроде обрадуется, но не потому, что именно ты пришел, а потому, что есть кому выложить все, что у него накопилось. И вот он говорит и говорит, все о себе да о себе, ничуть не интересуясь, есть ли у тебя настроение это слушать. Ты, может, пришел к нему своим поделиться, посоветоваться, да так и ушел ни с чем. А если он тебя и выслушает, и совет даст, доверия ты к его совету не испытаешь, потому что ему твои дела безразличны.

Что же это за чувство — доверие? Почему оно к одному человеку возникает, а к другому — нет? С чего оно начинается?

Чувство, что на человека можно во всем положиться, уверенность, что он не предаст тебя в трудную минуту, что ты можешь поделиться с ним любой своей тайной — он тебя не выдаст,— это и есть, по-моему, доверие.

А начинается доверие, пожалуй, вот с чего: с заинтересованных глаз собеседника. Пришли вы к человеку со своим делом, со своей пробле-

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

НОЯБРЬ 11

Москва 1985 г.
Издательство «Правда»

мой в надежде, что он вам поможет, а у человека тусклый, погасший взгляд — и у вас пропадает желание быть с ним откровенным. Исчезает всякое к нему доверие. Не тянет к таким людям. И наоборот, тянет к тем, у кого загораются глаза, когда им что-то рассказываешь. Ты ощущаешь, что этому человеку ты интересен, и тебе хочется ему душу раскрыть. Ты веришь, что этот человек тебе поможет, потому что он — неравнодушный. Он умеет сострадать, сопереживать.

Такие люди обычно очень скромны, не любят быть на виду, а все-таки выделяются в любом коллективе. Их любят за умение откликнуться на чужую беду, увидеть ее даже раньше, чем о ней расскажешь, и прийти на помощь. И когда собирается коллектив, чтобы выбрать — старосту ли класса, председателя совета дружины, а во взрослых коллективах — своих представителей в органы управления,— то выбирают в первую очередь именно таких людей.

У Светланы Ивановны Норкиной, наверное, еще в детстве, в семье, зародилось это свойство характера — не только сочувствовать, но и активно помогать людям. Может быть, от родителей передалось, по семейной традиции. Тесный их дом в Новосибирске, где прошло Светланино детство, был всегда гостеприимно открыт для друзей, соседей и просто знакомых. Сколько людей отогревало душевное тепло их семьи!

А потом переехали в Омск, и Светлана пошла работать на агрегатный завод. Семнадцатилетняя девчонка, она ни станка еще не знала, ни чертежа не могла прочитать. На первых порах в отчаянье приходила от своей непонятливости, неловкости. Но ей снова повезло — она попала к хорошему учителю. Токарь Геннадий Иванович Макарьев как раз из таких людей—с заинтересованными глазами. Он научил Светлану не только токарному делу. Он ее большему научил — уравновешенности, уважительности в разговоре с людьми, рабочей гордости. Не сразу, но пришли и навык, и умение, и дружба с людьми. К ней потянулись. Ее выбрали профоргом. Она организовывала спортивные соревнования — с детства была хорошей лыжницей. А по шахматам даже одно время держала первое место на заводе. Главное, у нее такой характер: ей подарить приятнее, чем самой получить подарок; ей чужая радость так же дорога, как своя; она чужой победе радуется не меньше, чем своей: искренне, от души. А люди это чувствуют. Доверие рождает ответное доверие.

И вот в 1976 году коллектив завода выдвинул Светлану Норкину, как одного из самых достойных и уважаемых своих представителей, в депутаты районного Совета.

Что самое важное в работе депутата? Конечно, люди. Прежде всего люди с их человеческими нуждами. И вот поэтому каждый раз, когда Светлана Ивановна ведет прием своих избирателей, она очень волнуется. Это посложнее любого экзамена: не сдашь экзамен — тебе самой будет плохо, а тут не разберешься, не поможешь — плохо будет тем, кто на тебя понадеялся, поверил в то, что ты защитишь их интересы. И ты сейчас для своих избирателей уже не просто Светлана Ивановна, а депутат, представитель Советской власти.

Что может депутат? Очень многое. У него есть право обращаться в любое из государственных учреждений страны и, если надо, требовать ответа у руководителей любого ранга, вплоть до министра.

Вот пришел инвалид войны, просит переселить его с третьего этажа на первый: ему трудно подниматься по лестнице.

Пришла молодая женщина, плачет, умоляет разобраться в ее семейных неурядицах.

Соседи просят устроить в интернат для престарелых одинокую старушку.

Пришли молодые муж и жена. Рассказали о своей обиде: им обещали, что если они примут участие в строительстве дома, то по окончании строительства получат в нем квартиру. А их обманули! Ключи от квартиры получил кто-то совсем другой...

Светлана Ивановна записывает, советует, созванивается с горсоветом, с исполкомом, с начальником строительства. Она добьется своего: молодые получат квартиру, виновный будет снят с работы, инвалид войны переедет на первый этаж,— но для всего этого нужны ее энергия, ее душевные силы и деловая хватка, ее депутатский авторитет.

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

В систему органов государственной власти входят Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных республик, Верховные Советы автономных республик, краевые, областные Советы народных депутатов, Советы народных депутатов автономных областей и автономных округов, районные, городские, районные в городах, поселковые и сельские Советы.

Высший орган государственной власти страны — Верховный Совет СССР. В нем две палаты: Совет Союза и Совет Национальностей.

В Верховный Совет СССР одиннадцатого созыва избрано 1500 депутатов. Среди депутатов 35,2 процента рабочих, 16,1 процента колхозников. Членов и кандидатов в члены КПСС — 71,5 процента, беспартийных — 28,5 процента, женщин — 32,8 процента. Депутатов в возрасте до 30 лет — 22 процента, членов ВЛКСМ — 15 процентов. В Верховный Совет СССР избраны депутаты 63 национальностей.

Местных Советов в СССР 52 041. В них избрано 2 304 830 депутатов. 50,3 процента из них — женщины.

Депутаты Советов не являются профессиональными политиками. Это рабочие (среди депутатов местных Советов их 44,4 процента), колхозники (24,8 процента), служащие, студенты (30,8 процента).

Депутатская работа это не только прием посетителей. Это и контроль за всеми предприятиями района, от которого избран депутат. А в районе посчитайте, сколько предприятий: магазины, школы, Дом культуры, стадион, больница, комбинат бытового обслуживания... Конечно, одному человеку невозможно проконтролировать всю их работу. Для этого созданы специальные депутатские комиссии. Для проверок выезжают на предприятия группами по два-три человека от каждой комиссии. Вот обнаружили: районная детская поликлиника ютится в старом, тесном помещении. На ближайшей сессии утверждается решение: построить поликлинику новейшего образца. Было это два года назад, а сейчас уже стоит новое здание, оборудованное по последнему слову техники.

Есть комиссии по делам молодежи, по здравоохранению, по общественному питанию, по вопросам труда и быта. Всего их — семнадцать. Светлана Ивановна входит в состав комиссии, которая занимается вопросами охраны материнства и детства. Это значит, что под ее депутатским наблюдением все детские учреждения района — сады, ясли, больницы, детские дома. Светлану Ивановну там знают и любят, а кое-кто и побаивается, потому что доброта ее строгая, требовательная, и она терпеть не может тех, кто недобросовестно относится к своему делу. Она проверяет, как кормят детей, достаточно ли им дают овощей и фруктов, хорошо ли поставлено у них медицинское обслуживание, хватает ли им книжек и игрушек. Мелочи. Нет, не мелочи, а забота о детстве, важнейшем периоде человеческой жизни. Тут мелочей быть не может. Сегодня эти малыши ползают в своих манежах, делают первые шаги, произносят первые слова, а завтра они — граждане нашей страны. И от того, какими эти малыши вырастут — стойкими или слабыми, дружными или разобщенными, жизнерадостными или угрюмыми,— зависит нравственное здоровье грядущего двадцать первого века, до которого осталось всего-то пятнадцать лет.

Светлана Ивановна убеждена, что самый лучший вклад в Завтра — это человечность и честная, самоотверженная работа Сегодня. Поэтому депутат так досконально, так придирчиво выявляет все то, что мешает сегодня нашему будущему.

Вот такая живет и работает в Омске женщина-депутат. Одна из многих, на чью честность и совесть народ положился, кому доверил свои нужды и надежды.

И чем же оборачивается для народа это доверие?

Если будете в Омске — непременно пойдите посмотреть центральный Дворец пионеров. Омичи с гордостью говорят о нем: «Наш Дворец пионеров». Так оно и есть: по предложению депутатской комиссии, которое было рассмотрено и одобрено на сессии городского Совета, все предприятия города приняли участие в строительстве дворца. И вырос красавец — дом, похожий на океанский корабль. Мебельный завод сделал для него специальную, удобную и изящную мебель. Цветоводы города позаботились, чтобы дом был богато украшен цветами. Ткацкая фабрика подарила чудесный, расшитый серебряной парчой, занавес для сцены. В строительство дворца вложены денежные отчисления от нескольких коммунистических субботников — более двух миллионов рублей. Город подарил этот Дворец пионеров своим детям, и можно прямо сказать: город, который мог позволить себе такой роскошный подарок,— щедрый и заботливый город, где по-настоящему любят детей.

Когда-то еще в древности сказал мудрец Сенека: «Человек, который думает только о себе и ищет во всем своей выгоды, не может быть счастлив. Хочешь жить для себя — живи для других».

Живи для других...

Будь человеком слова, добрым и внимательным ко всем, сумей увидеть и почувствовать чужую беду, чужую боль и вовремя прийти на помощь.

Если сумеешь воспитать в себе эти качества характера — будешь счастливым человеком, потому что сам в себя поверишь, и в тебя поверят. В твое широкое сердце, в твою сильную волю, в твое желание творить добро для людей.

Анна МАСС

В Совете Союза и Совете Национальностей Верховного Совета СССР работают по 17 постоянных комиссий. В их поле зрения многие области народного хозяйства и общественной жизни.

Среди постоянных комиссий Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР есть и комиссии, которые специально занимаются вопросами, связанными с жизнью молодежи.

Комиссии по делам молодежи работают уже свыше 15 лет и в местных Советах. Таких комиссий в стране 12 тысяч, в них входят больше 80 тысяч депутатов. Молодежные комиссии работают в постоянном контакте с комсомольскими органами.

Комиссии по делам молодежи Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР добиваются того, чтобы в Государственном плане экономического и социального развития СССР, государственном бюджете СССР как можно полнее учитывались интересы молодежи, чтобы создавались самые благоприятные условия для образования, труда и быта советской молодежи.

Комиссии по делам молодежи заботятся, чтобы будущие поколения советских людей росли идейно закаленными, духовно и физически совершенными, чтобы молодежь могла лучше трудиться и лучше отдыхать, получать образование, активно участвовать в общественной и государственной жизни страны.

Здравствуй, отряд!

Беседы с третьеклассником Алешкой

Окончание. Начало в №№ 9,10.

БАРАБАНЫ И БАРАБАНЩИКИ

Как бы крепко ни спали мы,
Нам подниматься первыми...

Отрядная песня о барабанщиках.

Маршировать под горн трудно, а под барабан — пожалуйста.

Наверное, многие видели, как шеренги ловких, подтянутых барабанщиков открывают парады. И такой зовущий марш — и строгий, и веселый одновременно — летит у них из-под палочек, что каждому хочется зашагать вместе с ними...

Но не надо думать, что у барабанщиков легкая жизнь.

...Накануне, в день генеральной репетиции спортивного парада, посвященного Дню Победы, погода стояла очень теплая. Да и на следующее утро она радовала — небо синее, солнце ясное. Пока ребята собирались, пока строились, наползли серые облака, дохнул северный ветер — зябкий и режущий. А барабанщики «Каравеллы», которые должны идти впереди колонны юных моряков,— в летней форме.

Ну, попрыгали, поежились, посмеялись и успокоили себя, что холод — это так, минутная шутка майской погоды. Но «шутка» затягивалась. Небо покрылось хмурой пеленой, посыпался дождик, а среди капель — снежные крупинки...

На параде шагаешь несколько минут, а ждешь своей очереди, бывает, не один час. Потому что впереди множество других колонн.

Там хорошо, на площади: празднично гремит духовой оркестр, полощутся яркие флаги, идти в строю, бодро взмахивая руками, совсем не холодно. А за площадью, в переулке, ждет теплый автобус. Но когда это еще будет!..

Командир колонны сказал вожатому.

— Распусти мальчишек, а? Застынут.

Вожатый вздохнул и согласился.

Зато не согласились барабанщики.

— По домам? Еще чего! — возмутился их командир Максимка. Он пританцовывал и прятал под мышками озябшие ладони. Его приятель Павлик сидел на корточках и жарко дышал на окоченевшие коленки. Он поднял сердитые глаза:

— Столько готовились, а теперь убегать?

Алеша и Витя, которые играли в «петушиный бой», подскакали поближе и тоже заявили, что никуда не пойдут.

— Прикажем — и пойдете,— хмуро проговорил озабоченный вожатый и поглядел на небо.

— А мы вас на совет вызовем! — заявил Максимка.— Дело срываете!

У нас в отряде любой человек может вызвать на совет кого угодно. Самый маленький — самого большого. И может сказать: отвечай за несправедливость. Но, конечно, вожатый и его помощники-инструкторы испугались не совета. Они понимали, какое важное дело этот парад. Они знали: барабанщики спорят не потому, что им хочется покрасоваться перед зрителями. Просто они — барабанщики. Первая шеренга. Идти впереди — их долг. И сегодня, в День Победы, они добавят празднику капельку торжества и гордости. На площади, на трибуне, стоят старые солдаты, ветераны, которые громили фашистов, брали Берлин. Эти люди должны знать: нынешние ребята — народ стойкий и, если придется, выдержат беды и трудности, не испугаются опасностей...

Подскочили еще барабанщики, подняли такой возмущенный крик, что и вожатому, и им самим стало жарко... И тут раздалась команда: строиться!

— Ура-а!!

Когда вышли на мост перед площадью, восемь барабанщиков так грянули свой «Марш-атаку», что оркестр примолк и подхватил ритм только через полминуты...

Однажды в отряде у нас вышел спор. Все с той же вожатой Галей из соседней школы. Она пожаловалась:

— Не могу понять наших мальчишек! Сперва столько народу записалось в школу горнистов и барабанщиков, а теперь туда никого не загонишь, прогуливают занятия.

— А чем они там занимаются? — спросил Володька — наш нынешний командир барабанщиков.

— Как чем? Сигналы разучивают, марши...

— А где они их потом играют?

— Ну... на сборе дружины. На смотре...

— Раз в году,— усмехнулся Володька.— А в остальное время горны и барабаны на тумбочке красуются, и к ним не подходи.

— А что, по-твоему, барабаны — это игрушка? — возмутилась Галя.— К ним надо относиться с уважением!

— Уважение всякое бывает,— сказала Анюта. Это инструктор «Каравеллы», она в отряде с двенадцати лет, а сейчас уже закончила факультет журналистики и учит наших ребят корреспондент-

скому делу. Она часто пишет о пионерах в газеты и журналы.

— Недавно я была в одном отряде барабанщиков,— сказала Анюта.— Это четвероклассники. Боевые такие ребята, разговорчивые. Они мне хитрый вопрос задали: «Анюта, вот если ты идешь мимо пионерской комнаты и вдруг видишь — тумбочка с барабанами горит. Что ты будешь делать?» Ну, я глаза вытаращила: «Неужели думаете, что не попытаюсь спасти?» А они даже затанцевали от радости: вот как подловили! «А вот и нет! — кричат.— Ты не можешь! Человек без пионерского галстука не имеет права брать барабан!»

Наши ребята смотрели друг на друга и не знали: то ли возмущаться, то ли смеяться? Надо же, до чего доходят любители правил! Это, наверно, им такая «вожатая Галя» разъяснила.

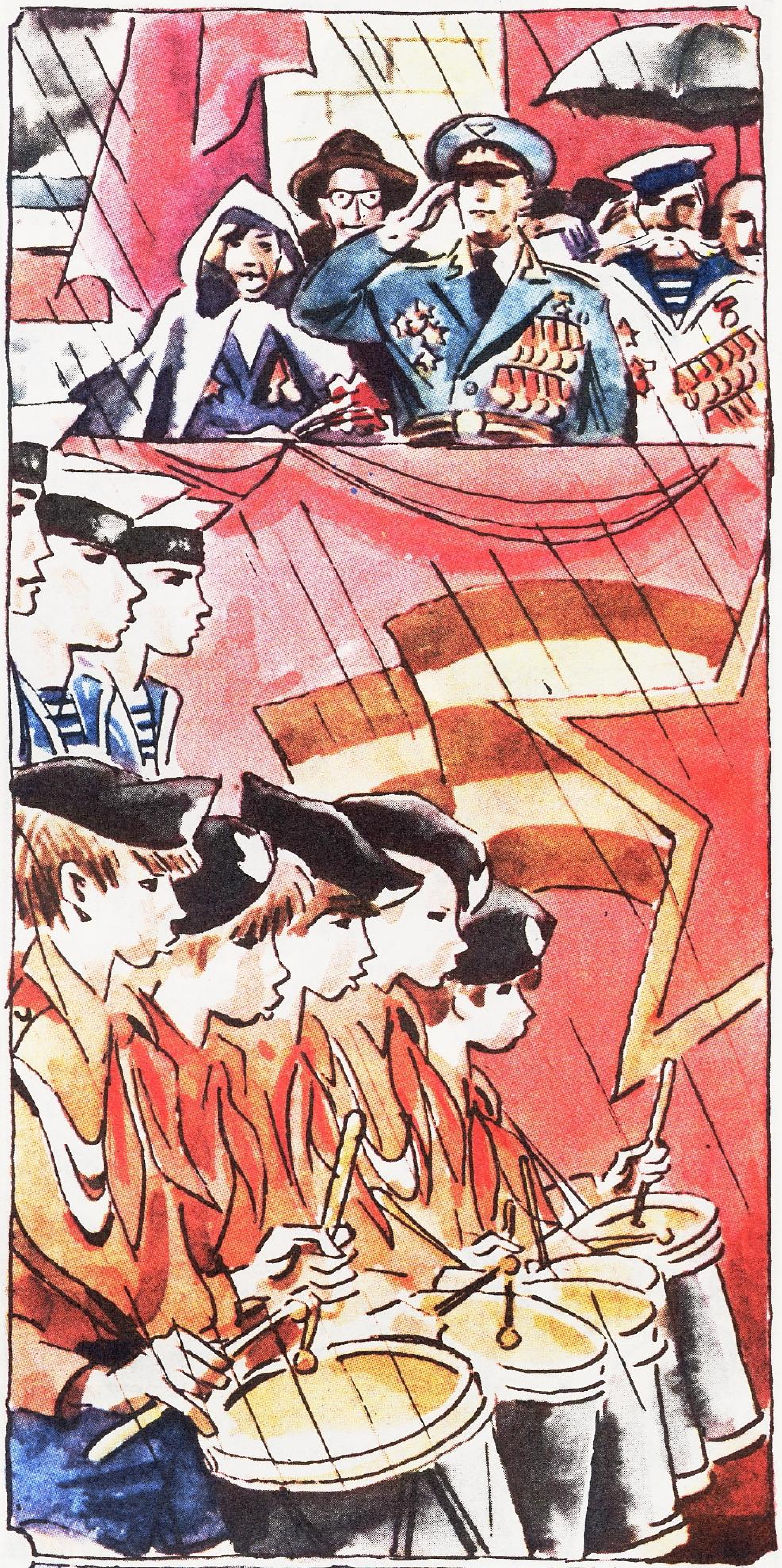
И вспомнили ребята давний случай, когда отряд располагался в доме на краю леса.

Шел тогда с речки домой барабанщик Валерка (который сейчас уже не Валерка, а военный человек, лейтенант, служит в пожарных войсках). Идет он и видит: у березняка по сухой траве ползет сизый дымок. На Валерке не то что галстука, а вообще ничего, кроме мокрых от купания трусиков, не было, потому что день стоял жаркий, а речка в двух шагах. Валерка плечом толкнул раму в отрядном полуподвале, выхватил из штабной комнаты барабан и грянул тревогу. А когда из соседних подъездов повыскакивали ребята, он кинулся к березкам и начал давить барабаном язычки предательского огня...

— Главное все-таки не барабаны, а барабанщики,— сказал Володька. Хотя свой барабан он очень любит. Его подарили Володьке крымские пионеры, которые приезжали к нам летом на слет юнкоров. Володька бережет свой барабан — большой, гулкий, веселый. И грустит, что скоро надо передавать его кому-то из младших ребят. Такому, как Алешка. Потому что Володька уже вырос, а в барабанщиках у нас пионеры помладше.

Приходит время, старшие ребята уступают тем, кто поменьше, барабаны и свое место в первых шеренгах. Но треугольные нашивки со скрещенными палочками они с рукавов форменных рубашек не снимают. Каждый, кто был барабанщиком, навсегда остался им в душе.

Главное все-таки не барабаны, а барабанщики. И действительно, им часто приходится подниматься первыми, когда отряд ждут трудные дела.



Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

ПОХОД

Мы открываем в походе себя и друг друга.
Это, пожалуй, важней неоткрытых планет.
Из отрядной песни.

Что за пионерская жизнь без походов? Без палаток, без костров, без ночных дежурств, без запутанного маршрута в лесной чаще?

Конечно, Алешкиному отряду тоже захочется в поход. И, конечно, сначала взрослые испугаются: ах, зачем это? Вдруг что-нибудь случится! Вы еще маленькие.

Но, чтобы мамы, бабушки и учительница не волновались, в поход надо идти со взрослыми. Только это должны быть такие взрослые, которые не будут все время говорить: «Не отходи — потеряешься, не подбегай к воде — утонешь, не лезь в кусты — исцарапаешься». Они должны научить вас разжигать костер, ставить палатки, варить походные обеды, укладывать рюкзаки, не бояться ночной темноты и скверной погоды...

Может быть, вы скажете: «А где мы возьмем такого взрослого? У нас вожатая — девочка из восьмого класса, с ней нас не пустят». Но выход

есть: можно договориться с шефами-комсомольцами с завода. Или с чьими-нибудь отцом, старшим братом. Если поискать, всегда найдутся люди, готовые помочь ребятам...

И тогда — в путь.

...Когда отряд собирался в первый поход, кто-то нас отговаривал:

— Куда вас понесло? Подумаешь, великие путешественники! Вы что, хотите открытие сделать? В наше-то время!..

Конечно, в маленьком походе больших открытий не сделаешь. Но кое-что новое можно узнать. Нашли в лесу неизвестный родник — разве не открытие? Он нужен людям. Отыскали редкий цветок, который считался исчезнувшим в здешних местах,— разве это не важно для науки? А сколько открытий делают красные следопыты, которые шагают по местам боев! А сколько разных редкостей находят юные историки! Только скучные люди говорят, что вся Земля разведана и путешествия не нужны.

Но если даже вы не отыскали в пути ничего нового, не думайте, что поход прошел зря. Вы увидели, как крадется в траве хитрый еж, какой узорчатый мох растет на камнях, как опускается в озерную воду красное расплющенное солнце, как летит над болотом утиный выводок, как зажигаются среди черных лесных вершин бледные летние звезды. Приглядитесь — и вы поймете, как замечательна наша родная сторона. Это будет для вас тоже открытие. Важное и радостное.

После нашего первого такого похода восьмилетний Алька серьезно сказал:

— Ничего не случилось, а будто вокруг Земли обшагал...

А на самом деле случилось: он и увидел многое, и себя испытал.

Поход — это ведь еще и проверка твоих сил, Алешка. И твоих товарищей. Проверка, чего стоит ваш отряд, годится ли он для общего дела. Вы начинаете по-новому смотреть и друг на друга, и на себя. И здесь бывают тоже очень важные открытия.

Вот, например, тихий, незаметный в классе Костик. Никто на него и внимания особого не обращал. А в походе он, когда все уже еле ноги тащили, шагал бодро, да еще Светке помог ведро нести. И на привале первый отправился за дровами.

А шумный, горластый и чересчур озорной Андрюшка... «Ага,— скажете вы.— Он, конечно, быстро скис, это не в классе дурака валять!» Нет. Просто он стал тише, деловитее. Тоже взял у девочек тяжелую поклажу. И целый день смотрел вокруг молчаливо и удивленно. А ночью, когда маленький дежурный Толик поеживался у костра от всяких ночных теней и шорохов, Андрюшка вылез из палатки.

— Давай вместе подежурим, ладно? Мне что-то не хочется спать...

Пускай, Алешка, у вас в походе будет побольше хороших открытий: и вокруг, и в самих себе, и в товарищах...

СБОР

«На линейку!» — проиграл горнист.

«Тра-та-та-та... Быстро!» — простучали барабанные палочки. Встала шеренга — ловкая, стройная.

— Товарищ председатель совета отряда! Первое звено к сбору готово!

— Второе готово!

— Третье готово! Только Гриша Малеев заболел...

— Четвертое готово!

— Внимание! На флаг...

Опять застучал барабан. Прошагали на правый фланг флаговый и его ассистенты...»

Это мы сидим кружком и читаем Алешке малень-

кий рассказ из стенгазеты: как проводить в пионерском отряде сбор.

— **Неправильно! — сказала строгая Галя,** которая опять зашла к нам в гости.— Рапорт отдается не так. Сначала надо...

— Ох,— сказал Володька, который всегда с ней спорил. И сморщился, будто больным зубом попал на твердый орех. А капитан «Горизонта» Санька старательно, будто задачку растолковывал первокласснице, проговорил:

— Ну, ты пойми: в одном отряде могут так, в другом иначе. Разве самое главное, как скомандовали и отрапортовали? Главное, чтобы это был с б о р.

Володя добавил:

— А в вашей школе вообще никаких сборов. Даже пионерских командиров на классных собраниях выбирают, хотя ты и знаешь все правила, как рапортовать и строиться.

— Ну и что! — обиделась Галя.— Собрание — это очень важное мероприятие. Между прочим, слова «сбор» и «собрание» от одного корня происходят.

— Корень один, а смысл разный,— возразил Санька.— Собрание — это в классе, а сбор — в отряде!

И все стали вспоминать, какие у кого были сборы. Всякие. Иногда — праздничные: пригласят ребята гостей — героев, участников войны, знаменитых рабочих, послушают их рассказы, сами стихи прочитают, песни отрядные споют. А случается, что и чаепитие с конфетами после этого устроят.

Бывают сборы деловые, когда надо решить какой-то важный вопрос: например, кого выбрать шефами к октябрятам или как подготовить концертную бригаду на конкурс политической песни (и решать надо самим, не дожидаясь учительницу или старшую вожатую).

Бывают торжественные сборы-линейки, когда надо наградить победителей в соревновании, поздравить кого-то с радостным событием, отметить какую-то важную дату.

А может быть, сбор случится срочный и неожиданный: пришла машина, необходимо быстро погрузить макулатуру; в соседнем детском саду ливнем размыло площадку — кто починит качели и деревянных коней? В пятом «А» объявили турнир стрелков из самодельных луков и вызывают нас. Примем вызов? А как сделать оружие?..

Можно решать это с галдежом, криком и спорами — долго и без большого успеха. А можно... Протрубил горнист, встал строй, прозвучала команда. Потом:

— Ребята, внимание! Срочное дело...

Сошелся широкий круг, каждый по очереди сказал, что считает важным для дела. Спокойно, четко, коротко.

— Решили? За дело!

...А если есть неподалеку сквер, лужайка, парк, лесок или просто заросший пустырь и если погода не очень холодная — неплохо провести сбор и там. На лесной полянке или на пустыре можно и костерок развести. В отряде — люди серьезные, баловаться с огнем никто не станет. Такой сбор лучше всего тогда устраивать, когда хочется спеть, поговорить, вспомнить о чем-то хорошем. Или, скажем, кто-то сочинил стихи или сказку и решил почитать товарищам...

— Ага... А если смеяться начнут или задразнят? — опасливо сказал Алешка.

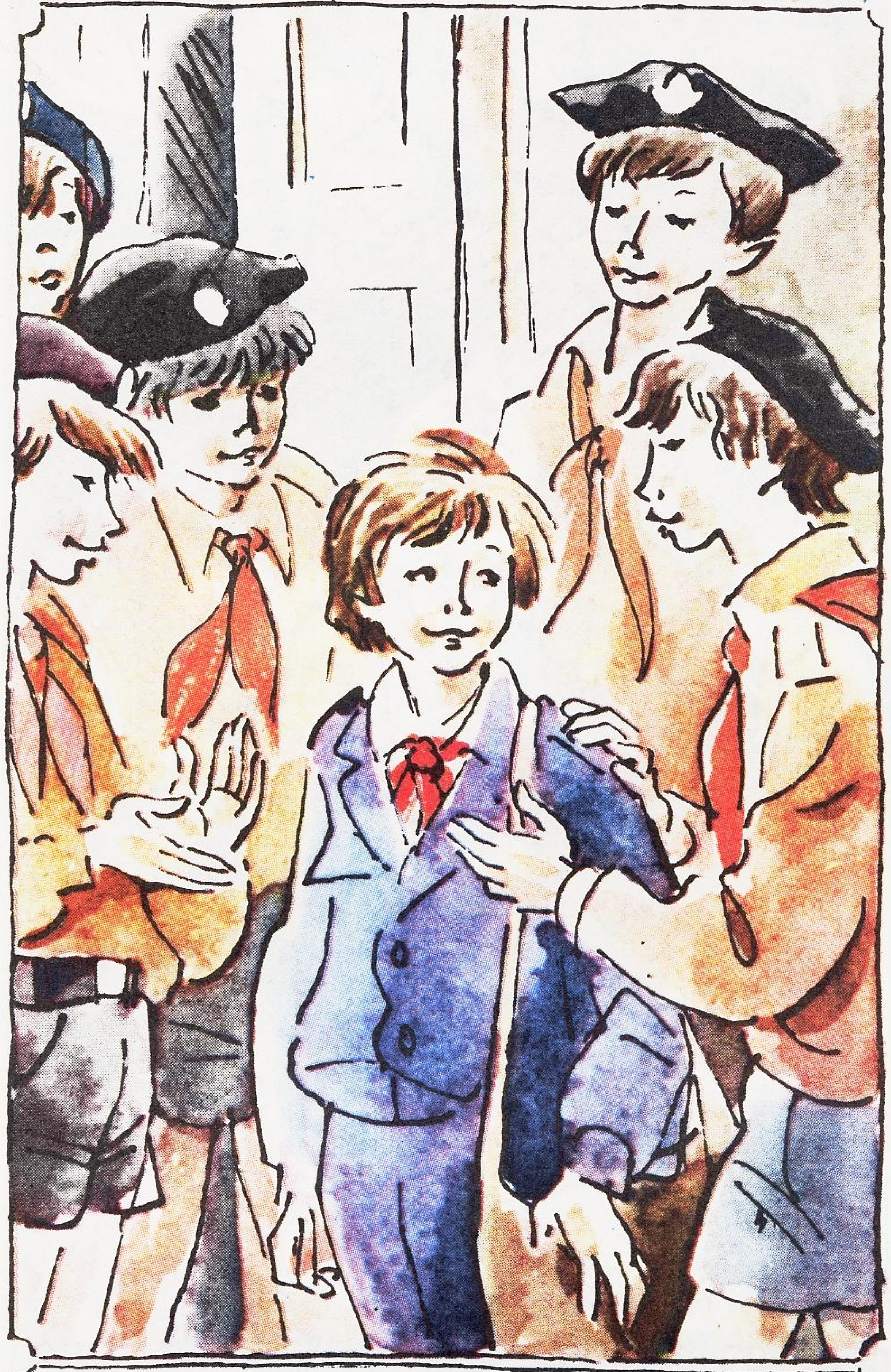
— Если хороший отряд — не станут смеяться и дразнить не станут. Настоящим товарищам можно довериться, они тебя поймут.

Долго еще говорили и вспоминали всякие сборы.

А чтобы третьекласснику Алешке легче было запомнить, тут же продиктовали ему несколько правил. Слушай:

— Сбор начинается с сигнала горниста или барабанщика, а не с криков председателя совета отряда: «Ребята, хватит шуметь, надо начинать, садитесь за парты!»

На сборе решаются все важные вопросы, делают-



ся главные дела отряда. Здесь и командиров выбирают (сами!), и работу начинают, и праздники отмечают. В трудовой десант — со сбора! День рождения у кого-то? Отметить хорошей песней, когда соберется отряд...

— Я бы еще одно правило сказал,— добавил капитан Санька и покосился на Галю.— Настоящие сборы за партами не проводят.

— Ну уж...— фыркнула Галя.

— Вот тебе и «ну уж»...

— И еще одно...— начал командир барабанщиков.— А может, Алешка сам догадается?

— Знаю,— сказал Алешка.— После сбора надо навестить того мальчика... ну, Гришу Малеева из третьего звена, который заболел. Да?

— Молодец, Алешка.

САМОЕ ГЛАВНОЕ

А теперь пора сказать о главном.

Может быть, следовало завести об этом разговор с самого начала. Но мы решили наоборот — этим закончить. Чтобы лучше запомнилось и Алешке, и всем третьеклассникам.

Помните, когда мы говорили об отряде, то часто употребляли слово «дело»? «Общее дело», «отрядное дело». Это не случайно. У настоящего отряда обязательно есть свое дело.

Какое?

Конечно, вы не раз услышите, что главное дело пионера — хорошо учиться. Но это еще не все. Во-первых, хорошая учеба — задача не только пионеров, а всех, кто учится: всех школьников, студентов, учащихся техникумов и профессиональных училищ. Разве кому-то из них позволено учиться хуже, чем ребятам пионерского возраста?

Чтобы получить хорошие отметки, в пионерскую организацию вступать необязательно. У пионеров задача шире: **воспитывать себя настоящими людьми, теми, кто будет работать для хорошей жизни в нашей Советской стране и на всем свете. И, если надо, будет эту жизнь защищать от врагов.**

Для этого нужны, конечно, знания, но еще нужно многое другое. Нужно научиться понимать, что ты живешь не только для себя, но и для других людей. Нужно уметь работать вместе с этими людьми. Нужно уметь чувствовать себя счастливым, когда сделал что-то хорошее для других, когда люди вокруг тебя стали счастливее.

Тогда твоя собственная жизнь станет радостнее и богаче. Если твоя радость сливается с радостью товарищей, она все равно твоя, только делается в сорок раз больше.

А научиться этой общей радости можно только в деле, которое ты делаешь вместе с товарищами. И прежде всего в отряде.

Итак, какое это будет дело?

Вот тут советовать труднее всего. Только одно можно сказать твердо: дело это должно быть интересным для вас и полезным для многих людей.

Может быть, вы организуете в отряде небольшой, но дружный и веселый пионерский театр и станете радовать других ребят, родителей, гостей школы своими спектаклями.

Может быть, у кого-то найдется маленькая любительская кинокамера, и в отряде появится своя студия игровых или кукольных фильмов.

Может быть, вы станете следопытами и для школьного музея принесете много интересных находок.

Может быть, отряд организует бригаду «Гулливер», и вы станете добрыми волшебниками для детсадовских малышей.

Может быть, вы возьмете на себя выпуск одной из стенгазет или рукописного журнала для школы...

Невозможно перечислить все, что хорошего, интересного, нужного может сделать пионерский отряд. Главное, чтобы ребята понимали: отрядная жизнь не должна идти только по привычному, неторопливому пути с одними и теми же ежегодными мероприятиями: металлолом, макулатура, смотр строя и песни, весенний фестиваль искусств, линейка, посвященная концу учебного года,— а потом, с сентября, все снова. Перечисленные дела — это привычные ступеньки, по которым шагают все: и хорошие отряды, и которые так себе, и те, кто отрядом только называется.

А у настоящего отряда, кроме общих для всей дружины дел, должно быть дело свое, с которым ребята живут каждый день и с которым им жить на свете гораздо интереснее. То, которое их объединяет в постоянной жизни. То, которое делает их отряд непохожим на другие. Тогда вы, даже если и не займете призового места на каком-нибудь смотре, все равно будете отрядом дружным, крепким.

Впрочем, если вы такими будете, это поможет вам стать первыми во многих делах.

...Алешка смотрел нерешительно.

— Ну, а какое мы в третьем классе можем дело устроить? — вздохнул он.— Мы недавно хотели первоклассникам к Первому мая концерт показать, танец учили, Владик Локтев скрипку принес, остались репетировать, а какая-то учительница из старших классов пришла и говорит: «Почему вы в этом кабинете без разрешения? Ну-ка по домам!»

Да, Алешка, всякое бывает. Не все дается легко. Есть такое слово — «трудности». В каждом деле, даже самом маленьком, человек обычно сталкивается с трудностями: и с собственным неумением, и с людьми, которые это дело не считают нужным. Надо научиться преодолевать трудности. Без такого умения тоже не проживешь.

— Это я знаю,— сказал Алешка.— Этому меня уже учили... Но вот преодолеем, начнем какое-то дело... Оно же все равно маленькое. Ну газета, ну театр, ну бригада «Гулливер»... Это ведь не значит, что живешь для всей страны...

— Нет, значит,— сказал капитан Санька.— Когда дело одно — оно маленькое, а если этих дел много... Ведь ваш отряд не один, их знаешь сколько!

— Сколько?

— Точно даже не знаю... Но примерно полмиллиона. И если каждый придумает для людей что-то свое, хорошее...

— Ого,— сказал Алешка.— Значит, командиров отрядов тоже полмиллиона. Вот бы собраться нам всем вместе, посоветоваться о делах.

— Кому это «вам»? — спросил командир барабанщиков Володька.

— Ну...— Алешка смущенно засопел.— Потому что меня это... в командиры ребята выбрали.

— Правда? За какие же заслуги? — улыбнулся Володька.

— Не знаю... Наверно, потому что я сказал тогда: «Давайте все-таки дорепетируем. Хотя бы в коридоре».

Ну что же, держись, командир.

И здравствуй, новый отряд.

СВЕРДЛОВСК. ОТРЯДУ «КАРАВЕЛЛА»
И ПИСАТЕЛЮ ВЛАДИСЛАВУ КРАПИВИНУ.

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ДВАДЦАТИЛЕТИЕМ ОТРЯДА.
ПОПУТНОГО ВЕТРА.
САЛЮТ! «ПИОНЕР»

ЛЕТОПИСЬ «ПИОНЕРА»

...Он держал в руках земной шар. А на него смотрели сотни восхищенных и взволнованных глаз. Звали его — Андре Мелансон...

На XIV Международный кинофестиваль, который проходил прошлым летом в Москве, съехались представители многих стран мира. Только в конкурсе детских фильмов участвовало около 30 стран. Целую неделю работало жюри кинофестиваля, просматривая по нескольку фильмов за день. А потом, когда все итоги были подведены, победители объявлены, все собрались во Дворце пионеров и школьников на Ленинских горах, чтобы приветствовать призеров и обладателей главных наград.

Свой приз к этому празднику подготовил и журнал «Пионер». Это был символический земной шар, который украшала разноцветная фестивальная ромашка. Сделали эту работу участники студии декоративного моделирования при Доме пионеров г. Марганца Днепропетровской области Мирослава Морозова, Света Давыденко, Юля Гуцаленко. Свою работу девочки назвали «Дадим шар земной детям!» (ее вы видите на фотографии).

Андре Мелансон — режиссер детского фильма-победителя «Остановить войну!» — увез приз журнала «Пионер» к себе на родину, в Канаду.

Пусть и там на него смотрят только восхищенные и взволнованные глаза...

Фотография В. МАШАТИНА.

Александр ЯКОВЛЕВ

КНИГИ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 10.

Рисунки А. ИВАШЕНЦЕВОЙ.

Узел с вещами был не столько тяжелый, сколько неудобный. Туго связанные концы не позволяли как следует ухватиться, а когда я пытался взять одной рукой, а другой поддерживать снизу, узел оказывался очень тяжелым, руки быстро уставали. И потому я нес его то так, то эдак, часто меняя руки, останавливаясь на мгновение, и потом, поспешая за мамой, расталкивал прохожих.

Это было ужасно! Все смотрели на узел, на меня, начинали думать, что бы это значило, и понимали: мальчик везет вещи на продажу. Они смотрели на меня сочувственно. Только бы не встретить кого-нибудь из класса!

И пока мы шли к метро, и спускались по эскалатору, и пока ждали на перроне поезда, я не смел поднять глаз и только стискивал зубы, понимая, что все это надо вытерпеть — дома нет денег.

Мама, казалось, не замечала ничего. Она как будто легко несла синий чемодан, в котором были платья и ботинки, и даже на ходу оборачивалась ко мне: «Алик, тебе не тяжело? Устал?» «Нет, нет»,— выдавливал я, стараясь не отставать. Но по тому, как мама поджимала губы, особенно независимо вскидывала голову, я видел, что и она чувствует себя униженной.

Надо было ехать на метро до Сокольников, а дальше на троллейбусе или трамвае до Преображенского рынка, нашей конечной цели.

Людей в вагоне метро было много. И вдруг одна толстая тетка в шляпке и с зеленой сумкой, торопясь к выходу, споткнулась о чемодан.

— Что за безобразие! Понаставили барахла всякого, выйти нельзя!

Боже, как я возненавидел ее! Я готов был броситься на нее с кулаками, лишь бы она замолчала! Я обернулся к маме, вдруг побледневшей, с выступившими красными пятнами на щеках.

— Да!— закричала мама.— И поставили! Никому не мешают, только ей, видите ли, мешают!..

— Мама, не надо... Мама, не обращай внимания...— тихо повторял я...

Пассажиры смотрели на нас, переводя глаза с тетки на узел, на маму, на меня, опять на узел.

— Мама, ну пожалуйста...

— Отстань, Алик, не вмешивайся в эти дела!..

Наконец она вышла, и поезд тронулся.

День был холодный, но солнечный. Начало октября. Солнце не грело, а тихо светило откуда-то сбоку.

Мы шли от трамвая по солнечной стороне и молчали. Под ногами шуршали уже потемневшие, коричневые листья; временами с кленов и осин срывался желтый, оранжевый, пунцовый или красно-зеленый лист и, покружив в воздухе, опускался на землю.

В комиссионном я свалил узел возле стола приемщика и сказал, что подожду на улице. «Да, да»,— рассеянно ответила мама. Она как будто равнодушно смотрела, как оценщик перебирает вещи, поднимая вверх платья, потирая пальцами материю старого пальто и близко к носу поднося, как бы обнюхивая, ботинки. Она с готовностью подавала ему вещи и покорно убрала в чемодан две пары ботинок, на которые он, едва посмотрев, презрительно гмыкнул. Я видел через витрину, как он поворошил оставшуюся кучу вещей и начал заполнять квитанции. «Вот и хорошо,— с облегчением подумал я.— Сдали».

Ужасно унизительно сознание собственной бедности. Унизительно и чувство благодарности, когда надо было говорить «спасибо» за старые платья, брюки, ботинки. «Но что же делать, Алик, милый»,— утешала меня мама, когда мы ехали в то воскресенье после большой уборки дачи Зои Владимировны.— Как иначе прожить? У тебя на зиму ботинок нет». Я смирился.

На следующее утро я, как и всегда, проснулся с предчувствием чего-то хорошего. Не печалили несделанная задача по геометрии и то, что надо было возвращать Ленке Гальпериной «Двадцать лет спустя», а мне бывало жаль возвращать хорошие книги.

Утром, когда день только проклюнулся и целехонький лежит перед тобой, ощущаешь себя сильным и легким, готовым ко всему, и так легко делается все. Я в пять минут умылся, оделся, достал из-под подушки завернутые мамой в газету сковородку с яичницей и чайник, поел и даже почистил ботинки. Нет, сегодня должен быть отличный день!

До зоологии я отдал Ленке книгу, а она мне — тетрадь по геометрии с треклятой задачей. Я успел не только переписать задачу, но и прочитать параграф с заданной теоремой. Оторвался только, когда отвечал Аркаша Блинов.

Странный человек Аркаша: с нами он нормальный, а с учителями робеет, стесняется чего-то, отвечает всегда тихо. Биологичка этого не любила.

— Ну что, Блинов, долго в молчанку играть будем?— повысила голос Ада Романовна.— Ты сказал «кошки». Хорошо. Чем отличаются кошки от других млекопитающих?.. Ну? Погромче, чтобы тебя все слышали.

— Голосом... они мяукают,— тихо сказал Аркаша.

— Так,— вздохнула Ада Романовна.

Потом Аркаша уверял, что он слышал не «так», а «как», он клялся, что, стоя рядом, не мог ослышаться. А тогда он удивленно посмотрел на биологичку, на нас и мяукнул. Сначала тихо, потом погромче.

— Блинов!— вскочила со стула учительница. Голос ее, наверно, был слышен на улице.— Вон из класса! Я тебе за такие шуточки двойку в четверти выведу!

Класс лежал на партах от хохота.

На перемене мы по очереди изображали Аркашку и Аду, мяукали дикими голосами, пока не пришла завуч Екатерина Александровна. При ней стихал всякий шум. Мы утихли и решили, что Аркашу надо называть не «Блинчик», а «кот Аркадий». Мы — это наша компания, мушкетеры.

Все мы давно прочитали «Мушкетеров» Дюма — предмет моих заветных мечтаний — и разыгрывали роман на переменах. Роли распределились очень удачно: Гриша Амираджиби, немногословный, по мнению девочек, самый благородный и красивый, был Атосом. Володя Резников, или просто Резник, мягкий, уступчивый, с мелкими, очень правильными чертами лица и по-девчоночьи слабыми руками,— Арамисом. Ленка Гальперина внешне, к сожалению, не походила на миледи, потому что была черненькая и кудрявая, но решили, что миледи перекрасилась, дабы ее не узнали. В остальном Ленка была идеальным воплощением женского коварства и ума. Люба Бычихина в нашу компанию не входила, но ее позвали из-за сходства с госпожой Бонасье: белокура, миловидна, добродушна. Колосов сразу сказал, что будет д'Артаньяном, и мы не стали спорить, хотя, кроме силы, Саша ничем не блистал, а Портосом он быть не хотел. Меня назвали кардиналом, и я согласился. Роль невыигрышная, но зато Ришелье всегда в центре событий и от него многое зависит.

И вот на большой перемене, став у окна и отвернувшись от коридорной суеты, мы начинали.

— Ваше величество,— вполголоса говорил я,— госпожа Бонасье опасна уже тем, что она знает многое.

— Что же делать? — подхватил Колосов, который играл и за короля.

— Нас может выручить только миледи... Ленка, иди сюда! Итак, герцог Бэкингем с помощью госпожи Бонасье увез не только подвески королевы, но и планы наших крепостей. Вам необходимо вернуть их. Так мы отомстим за подвески!

Ленка иронически улыбнулась, чего я в ней не терпел, и сказала:

— Будет сделано, ваше преосвященство.

— Что я узнаю!— заговорил подошедший Гриша.— Наша прелестная миледи опять покидает Францию?

— Да,— небрежно бросила Ленка.— Но вы, милейший граф, никогда не узнаете, куда и зачем я уезжаю!

Это было великолепно! Я загорелся и молил в душе о том, чтобы никто из наших одноклассников к нам не подошел, чтобы не прозвенел звонок...

— Одну минуту, господин Атос,—трогал я Гришу за плечо.— У меня для вас есть важное и срочное поручение.

— Вы, вероятно, ошиблись, монсеньор,— очень удачно отвечал он.— Я служу королю!

— В чем дело, ваше преосвященство? Может быть, д'Артаньян сумеет вам услужить?

— Я тоже ко всему готова,— вставила Люба, которая очень старалась попасть в тон, а у нее это редко получалось...

— Ребята!— возбужденно заговорил подошедший Леша Казаков.— Вы смотрели вчера по телеку КВН? Там от МАДИ мой двоюродный брат выступал. В домашнем задании он жирафа изображал, помните?— Леша довольно засмеялся.

— Слушай, ты очень не вовремя!— сказал Гриша.

— Да ну его,— надулась Люба.— Все испортил.

— А что испортил? Чего вы тут?

— Ничего, ничего. Иди,— попытался я уговорить его, но он заинтересовался и, как всегда, чувствуя что-то интересное, но неизвестное, решил узнать, влезть. Мне стало скучно.

— Нет, правда, чего у вас?..

Конечно, если бы разыгрывали «Героя нашего времени», он был бы Грушницким. А что? Гриша — доктор Вернер, Люба — княжна Мэри... Печорин — это я.

Нет, конечно, все это были пустые фантазии, правда, интересные, захватывающие фантазии. Так не хотелось выходить из них, покидать эфемерный, неопределенный, но и реальный мир, в котором все было ярче, красивее, понятнее, в котором среди кавказских снеговых вершин Печорин гулял с княжной Мэри и влюбленная княжна не могла понять его глубокую печаль, но при далеком топоте копыт Печорин вдруг превращался в д'Артаньяна; и уж тут-то княжна (или госпожа Бонасье) с радостью целовала своего верного рыцаря, но вдруг, заметив кинжал, сверкнувший в лунном свете, она кричала: «Спасайся!» — и звенели шпаги, и текла кровь, черная в ночной темноте, и лишь потом луна, вышедшая из-за туч, освещала недвижимое тело, женщину, напряженно смотрящую вдаль, и быстро удаляющегося всадника...

— Алик, у нас завтра еды нет,— сказала мама.

— А деньги за вещи?

— Я вчера ездила, они еще не проданы. Сказали заехать дня через три.

Я молчал, потому что знал, о чем сейчас пойдет речь, и бессильная жалость прилила к сердцу.

— ...Алик, я к тебе обращаюсь. Что делать?

— Ладно, пойдем в букинистический. Сколько тебе надо?

— Я не знаю... Котлет купить, масла, компота хорошо бы...

— Можно без компота.

— Ты с этими книгами совсем уж... Помешался на книгах!

— А если у Драбкиной занять?

— Я ей уже должна двенадцать рублей, и то она до пятнадцатого лишь согласилась ждать. Алик,— заговорила с ожесточением мама.— Ну что же делать? Рубля два обязательно надо.

— Хорошо. Я дам Игнатьева два тома и Тургенева «Избранное».

— Может быть, Тургенева не надо?

Узел с вещами был не столько тяжелый, сколько неудобный.

Мама как будто пожалела Тургенева, но я знал, на что она нацеливается.

— Катаева я не дам.

— Алик, но тут мы бы сразу получили много рублей пять. А потом бы выкупили его.

— Нет, лучше я обедать не буду, но Катаева не дам. «Белеет парус», «Хуторок», «Квадратура круга» — да как можно! Ни за что!

— Что дадут за Игнатьева? Сколько он стоит?.. Рубль и девяносто копеек. Да еще вычтут. Что я куплю на эти деньги? Ты посмотри на себя, худой какой...

Я смотрел на этажерку, где стояли мои сокровища, и решал.

— Ладно, возьми еще Итало Кальвино...— Незадачливые грабители, ленивые полицейские, чудаковатые ученые, и везде яркое солнце, море, желтый песок Неаполя или глухая ночь Рима с мерцающей рекламой. Эх, жалко, но что делать.— Игнатьев — рубль девяносто, Тургенев — семьдесят копеек, Кальвино — рубль десять, всего — три семьдесят, считай — три пятьдесят, на руки получишь два восемьдесят. Нормально.

— Ну хорошо. Ты пойдешь со мной?

— Да.

— Тогда быстро одевайся.

Книг у меня накопилось довольно много. Дарили знакомые, соседи, Серафима Петровна подарила этажерку с двумя стопами книг. В прошлом году мама поехала весной на дачу к одной врачихе мыть окна и полы, и я поехал. В чулане нашел много всяких книг, несколько мне было позволено взять.

И вот однажды, когда я в очередной раз решил переставить книги на этажерке, мама сказала, что надо что-то продать. Я огорчился, но не слишком. Книг было много, штук сто. Некоторые мне были неинтересны. Мы набрали полный чемодан книг и получили в букинистическом много денег. Книги позволили нам прожить две недели. Это было неожиданно и чудесно. К сожалению, за первым разом все чаще следовали другие.

И я узнал букинистические, приемщиков, продавцов, некоторых постоянных покупателей. Я изучил витрины магазинов и их прилавки и с одного взгляда определял, есть ли что новое, а что купили.

Сегодня мы решили поехать в новое место.

В толкотне и тесноте автобуса доехали до старого здания университета и пошли вдоль его высокой ограды. Накрапывал редкий дождик, но дышалось легко, и печаль из-за теряемых книг незаметно пропала.

В магазине напротив библиотеки Ленина мы не были ни разу. Он оказался совсем маленьким, узким, как пенал. Дверь выходила на здание библиотеки, а единственная витрина смотрела на Кутафью башню Кремля. Людей было немного. Я мельком посмотрел на прилавок, и меня аж в жар бросило. Там лежали, лежали рядом, я глазам своим не верил — «Три мушкетера», «Граф Монте-Кристо» и «Королева Марго».

— Ну что ты,— дернула меня мама за руку.— Иди, занимай очередь.

Я лишь кивнул ей на витрину.

— Боже ты мой...— выдохнула мама.

Я оглянулся, не обратил ли кто на нас внимания. Иначе все, кто есть в магазине, бросятся сюда и немедленно купят эти замечательные книги. Но никто на нас не смотрел. Подошла продавщица.

— Вам показать что-нибудь?

— Нет, нет, потом,— сдержанно ответила мама.— Мы... потом.

Очередь сдавать книги была смехотворно маленькой, три человека. Отойдя в сторону, устроили военный совет. Ясно, что купить надо, но что? Мама хотела «Королеву Марго», я — «Трех мушкетеров». О «Монте-Кристо» не говорили, он был в двух томах, новенький картонный переплет, наверняка больше двух рублей.

— Значит, Алик, ассигнуем полтора рубля, не больше!

— Хорошо. Давай только «Мушкетеров», а?

— Ну ладно, «Мушкетеров».

Мы получили два девяносто пять. Книга стоила девяносто копеек. Конечно, это было не совсем то, что я бы хотел,— Дюма в серии «Библиотеки приключений», толстую красную книгу с множеством иллюстраций. У меня же в руках был потрепанный пухлый том в мягкой обложке. Но все равно это был Дюма! «Мушкетеры»! И, окрыленный удачей, я предвкушал, как дома сяду читать.

— Хоть не ходи с тобой, одно разорение,— говорила мама.

На обратном пути в продовольственном купили пачку пельменей и триста граммов медовых пряников. Это любимые мои пряники, и, представив, как вечером мы будем пить с ними чай, я еще больше обрадовался. Но ведь денег не было. Покупка пряников была расточительством, тем более что рядом продавались «комсомольские» пряники по девяносто копеек, а медовые стоили рубль двадцать.

— Мама, вместо пряников можно было купить сто граммов масла. А то пельмени есть, а масла нет.

— Да, верно, масла нет. Ну ничего, еще маргарин остался. А то у Драбкиной займем... Ты сегодня к Кириллу едешь?

— Да.

— Тебя там покормят, а я как-нибудь.

Тогда, в лагере, Кирилл пробыл одну смену, и то его взяли раньше. Понемногу облик Кирилла стал забываться, но в начале сентября он позвонил, мы поговорили, наши мамы поговорили, и я впервые в жизни самостоятельно поехал в гости, а потом стал часто ездить.

Кирилл походил на плюшевого медведя, большой, очень добродушный; с готовностью он подхватывал мои планы, был готов слушать любые фантазии, и мне было приятно ощущать некоторое свое превосходство. Читал я больше его, часто рассказывал о книгах, а когда надоедало, мы отправлялись гулять, шли в кино, и когда мы бежали по улице, радостно было чувствовать его локоть, видеть лицо, обращенное ко мне. «Мой друг Кирилл»,— говорил я в школе, и жизнь от этого была полнее и радостнее.

У Кирилла было все: отдельная комната с мягким диванчиком, шкафом, письменным столом и двумя книжными полками, уставленными вперемежку учебниками, альбомами для марок, журналами и книгами, в углу стоял велосипед, на подоконнике — большущий аквариум с тремя ярко-красными и одной черной рыбками; в большой гостиной висели и стояли несколько книжных полок, на них — керамика (это слово появилось недавно): глиняные вазы и фигурки, на скользком, как каток, яично-желтом полу лежал мягкий ковер, у стены стояло пианино, на стенах висели яркие эстампы, по мне лучше было бы повесить хорошие репродукции из «Огонька». Когда я это посоветовал, родители Кирилла лишь улыбнулись.

В первый вечер Кирилл листал передо мной большие альбомы, я смотрел, кивал, а сам сравни-

В нашей компании мушкетеров роли распределились очень удачно: Гриша был Атосом, Резник — Арамисом, Колосов играл и за короля, и за д'Артаньяна, а меня назвали кардиналом.

вал. Пианино было у Софьи Александровны, пол у нас и в коридоре натирался по очереди, ковер был у Надежды Васильевны, два шкафа книг — у Серафимы Петровны. Но все это вместе в отдельной квартире на десятом этаже, откуда не надоедало смотреть на широкий Ленинский проспект с машинами, пешеходами, на близкие Ленинские горы и Лужники, все это вместе покорило меня. Вот бы нам так пожить!

А мама после моих рассказов прослезилась: «Господи, какой же ты у меня умница... Смотри, Алик, веди себя хорошо. Вот сразу видно, что хорошие люди, не то что эта баронесса Фондерпшик!»

Так мама называла мать моего одноклассника Андрея Кувшинина, семья которого занимала квартиру под нами. Отец был полковником авиации, имел единственную на подъезд машину, но его я редко видел. Дед Андрея был каким-то членом-корреспондентом, он гулял по вечерам с собакой, и, когда проходил мимо в высокой шляпе, постукивая палкой, я с невольным почтением смотрел на его полное, румяное лицо, седые усы и бородку клинышком. Я ему говорил «здрасте», а он иногда кивал, иногда нет.

Год назад я побывал у Андрея. Он болел, и я принес домашние задания. Тогда мне показалось, что я переступил порог не просто квартиры, но попал в другой мир. Большие, просторные комнаты, казалось, ждали множество гостей. Я с удивлением узнавал планировку нашей квартиры, только там, где у нас были комнаты Славы Романовны и Ефима Натановича с Серафимой Петровной, я видел большую столовую, на массивном коричневом столе в хрустальной вазе, сверкавшей красными, зелеными и синими искрами, стояли розы. Узкие зеркала от пола до потолка, люстра с подвесками, фортепьяно было открыто, и ноты лежали на пюпитре. Солнце высвечивало квадраты на ковре, было просторно и тихо, как в музее.

И я застеснялся своих запачканных ботинок, серой, уже потертой школьной формы и маленького, битком набитого портфеля. Но высоченные стеллажи с книгами увидел я в другой комнате, и Андрей, поколебавшись, дал мне полистать книги. Голова закружилась от нарядных переплетов, я не мог оторваться от этого богатства. Целые полки занимали стихи, стояли собрания сочинений всех известных мне писателей и другие книги, и толстые, большие синие тома энциклопедии, и еще какие-то альбомы... И я попросил Конан Дойля.

— Понимаешь, Алик,— замялся Андрей,— мама не разрешает выносить книги.

— Но я только дома читать буду!

— Все равно. Она никому не разрешает.

— Я тебе завтра же верну. За ночь прочитаю и принесу. Она и не узнает!

Тут его мать и вошла. Высокая, белокурая, подтянутая, с правильными чертами лица, она, наверно, была красива, но глаза, как две льдинки, и сжатый рот придавали ей что-то надменное. «Снежная королева» называл я ее про себя.

Она вошла, и Андрей поспешно рассказал ей о моей просьбе.

— Нехорошо, Алик,— заключила она ровным голосом.— Нехорошо что-то делать тайком, а тем более учить Андрюшу обманывать мать. Я бы тебе

разрешила взять эту книгу, но теперь не могу.

Я готов был провалиться сквозь землю, но ковер держал меня. Пылая от стыда, я дошел до двери и, не поднимая головы, буркнул:

— Ну и ладно.

— Надо сказать «до свидания»,— издали сказала она, и я едва удержался, чтобы не хлопнуть дверью изо всей силы.

Раньше я сочувствовал Андрею, толстому, румяному, постоянному объекту насмешек и издевок, и даже останавливал Сашку Кузовлева, любившего прищемлять щеки Андрея, приговаривая: «Почем нынче пончики?»

Теперь моя жалость прошла.

Но Снежная королева, видно, что-то сказала моей маме. На кухне вечером Софья Александровна успокаивала ее:

— Стоит ли из-за этого переживать? Мы все Алика знаем и любим! — И она перевела разговор на самое волнующее событие: — Вы были в молочной-самообслуживании на Дзержинке? Там действительно нет продавцов, подходи и сам все выбирай. Очень удобно. Но я молоко в пакетах все-таки не беру и брать не буду. Кто его знает... В бутылках оно как-то привычнее.

У Кирилла я не чувствовал такого стеснения, как в квартире Кувшининых. Но и у него я видел себя лазутчиком, вступающим в неприятельский лагерь, и только сдержанность, осторожность и самообладание могли помочь мне благополучно выбраться.

И вот я открываю тяжелую дверь, вхожу в ярко освещенный чистый подъезд, уставленный здоровенными фикусами. За столиком у лифтов сидит и вяжет старуха в светлом платке.

— Здравствуйте,— говорю я вежливо, как учил Кирилл.

— Ты к кому, мальчик? — вглядывается она в меня.

Я вспоминаю фильм «Подвиг разведчика» и говорю негромко, с достоинством:

— В семьдесят восьмую.

— К Алексей Васильича Кириллу?.. Ну иди.

И я иду к лифту, стараясь, чтобы она не заметила автомат под пальто. Нет, пистолет. Хотя пистолет и так не видно в кармане.

Дверь открыла мать Кирилла Евгения Львовна.

— Здравствуйте,— тихо сказал я, забыв, что я разведчик.

— Здравствуй, здравствуй. Кирилл! — крикнула она.— Алик пришел!.. Ну что ж ты, проходи. А ботиночки?.. Снимай, снимай... вот тапочки.

Я чувствовал унижение в этом раздевании на пороге. Вот пришел бы в гости Лермонтов, неужели и ему она бы сказала: «А ботиночки, Михаил Юрьевич? Снимайте, снимайте...» Конечно, я молчал, краснел и стаскивал ботинки, опасаясь, нет ли дырки в пятке.

Кирилл был, как всегда, беззаботен, Евгения Львовна — приветлива, а у меня не шел из головы прошлый приезд. Мы с Кириллом пролистали толстенную английскую энциклопедию, напечатанную очень мелко на тонкой и плотной желтоватой бумаге; там были еще репродукции картин, рисунки орденов, схемы сражений, но уже на блестящей мелованной бумаге и переложенные папиросной, в общем, потрясающая книга. И пришел его отец Олег Васильевич.

— Что, друзья, развлекаетесь?

Мы дружно кивнули. Из кухни доносились запахи ванили, чего-то вкусного, печеного. Мы ждали чая.

— Давайте-ка займемся делом не только приятным, но и полезным, а именно — английским!.. Не вижу радости на лицах.

— Пап, да ну...— заворчал Кирилл.— Я уже сделал уроки, можешь посмотреть.

Мне хотелось заняться английским, очень хотелось, чтобы читать Джека Лондона в оригинале или хотя бы понимать все в этой энциклопедии, но я стеснялся обнаружить свои убогие школьные знания и потому молчал, решив положиться на Кирилла.

— Что за нытье! Вот Алик тоже не хочет заниматься, но молчит... Все. Вот вам Джером Джером. Прочитайте по абзацу и переведите.

Кирилл довольно бойко прочитал и с запинками перевел свой абзац.

— Я посижу здесь, вы не против? — с улыбкой спросила Евгения Львовна, устраиваясь с вязаньем на диване.— Как успехи у мальчиков?

— У Кирюхи могли бы быть больше. Давай, Алик, вот отсюда.

Читал я ужасно. Как-то так получилось, что в пятом классе у нас англичанка долго болела, в шестом полгода были практикантки, очень веселые и добрые, всем ставили четверки и пятерки, долго учили с нами песню про дождь, первую строчку я и сейчас помню. А потом вернулась Клавдия Петровна и, раз послушав меня, сказала: «Да, Добродеев, придется нам мучить друг друга до десятого класса». Она вообще ничего, Клавдия. Но сейчас мне было стыдно перед Олегом Васильевичем.

Я почему-то робел в его присутствии, хотя отец Кирилла был прост, весел, неизменно дружелюбен со мной, знал массу интересных историй, был потрясающе остроумен и вообще...

Он терпеливо поправлял меня, я старался, но мелькание спиц на диване и улыбка Евгении Львовны сковывали.

— Женя, выйди. Парень тебя стесняется.

— Не понимаю, почему. Я пришла послушать, как читает Кирилл.

— Кирилл читает лучше, да, но...

— Наконец-то я услышала от тебя доброе слово для сына. Ведь это невыносимо — твои придирки!

— Евгения, прекрати.

Она ушла. Я подумал, что мужчина и должен быть таким — сдержанным, но твердым. Сказал — и все.

Она ушла, но комок жгучей обиды стоял у меня в горле. В дверях Евгения Львовна оглянулась и обменялась понимающей улыбкой с Кириллом.

Надо мной! Они смеялись надо мной!

Дикая злоба поднялась во мне, я сжал кулаки, чтобы руки не тряслись. Ненавижу. Ненавижу их высокомерие. Больше я сюда не приду. Никогда. Только жаль, что не услышу больше сладкого запаха табака...

Пока Кирилл читал, я следил глазами, и вдруг пришла в голову мысль: а что, если положить под диваном на ковер горящую спичку? Ковер будет тихо гореть, потом диван, шторы... Как изменится в лице Евгения Львовна! Как она испугается, как закричит!.. И пропадет с лица та улыбка бесспорного превосходства, что бесила меня. И тогда я, мы с Олегом Васильевичем быстро потушили бы... Всего-то — взять на кухне спички, прикрыть дверь, и пока на кухне пьют чай...

— Алик! Как говорил Суворов, «служить, так не картавить, а картавить, так не служить». Читай отсюда.

Мы еще немного позанимались, кое-что у меня стало получаться, напряжение спало, и уж совсем я отошел, когда Олег Васильевич подарил мне свою

Что купить? Мама хотела «Королеву Марго», я — «Трех мушкетеров».

книгу, надписав по-английски «Дорогому Алику...», дальше я не понял, но все равно было так приятно.

Потом пили чай с пирогом. Все молчали, лишь ложечки звенели о чашки. В прихожей домработница Ксения Илларионовна что-то переставляла.

Кирилл с удовольствием поедал пирог, облизывая губы и прихлебывая чай, Евгения Львовна маленькими глотками пила чай, зачем-то переставляла сахарницу и молочник на столе; Олег Васильевич, отставив чашку и тарелку с пирогом, вычищал трубку на большой лист бумаги. Тягостно стало сидеть, и я решил уходить.

— Ксения Илларионовна! — не выдержала молчания мать Кирилла. — Да бросьте вы все. Давайте чай пить. Пирог у вас изумительный!

— Я кончила уже. Домой иду, — отозвалась та из прихожей.

Олег Васильевич гмыкнул и ушел. Я стал прощаться.

Кирилл хлопнул меня по плечу и сказал, что позвонит. Я завязывал шнурки на ботинках, а когда поднялся, увидел Евгению Львовну. Она протягивала мне с доброй улыбкой большую черную кожаную папку с двумя блестящими застежками.

— Это тебе, Алик. Она не новая, но хорошая. Мама тебе такой не купит.

Я понимал, что не надо брать. Надо было сдержанно, но вежливо поблагодарить и отказаться, ведь больше я сюда не приду... Но у меня такой драный портфель... можно будет похвастаться в классе... И я взял.

— Спасибо, Евгения Львовна. До свидания.

Дома за меня порадовалась мама. Сказала, что надо как следует поблагодарить добрейшую Евгению Львовну, и я обещал, ничего не став объяснять.

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?

— Ну, что смотреть будем? — спросил Кирилл, когда мы уселись в гостиной за маленький столик.

— Мальчики, только недолго! — сказала с порога Евгения Львовна. — Как вернется Олег Васильевич, отправляемся в кино.

— А мы не опоздаем? — забеспокоился я.

— Нет. До «Прогресса» десять минут идти, чего там... Давай рыцарские замки посмотрим?

— Хорошо.

Мы уже не в первый раз углубились в здоровенный альбом, в котором были цветные фотографии всех рыцарских замков Европы. Сложенные из светлого камня, из красного кирпича, с подъемными мостами, узкими бойницами, вычурными флюгерами, башнями и башенками, стоящие на горе или возле леса, возле озера, горделиво возвышающиеся на зеленом холме или зловеще освещенные лунным светом... Я населял их книжными или придуманными героями, которые скакали на конях, бились саблями в узких воротах, карабкались по карнизам наверх, к башне, где был заперт... И я слышал топот копыт, яростный звон стали, ощущал шероховатость и холод камня, и видел далеко внизу во рву, заполненном водой, отражение бледной луны, и слышал шепот неведомого друга из-за решетки: «Я здесь!»

— О, папа пришел! — воскликнул Кирилл и сорвался в прихожую. — Папа, мы идем? Можно одеваться?

— Через пять минут... Женя, мне никто не звонил?.. Здравствуй, Алик, — заглянул в комнату Олег Васильевич, высокий, худощавый, с коротко стрижеными седыми волосами. Пахнуло душистым табаком и еще чем-то.

Я привстал молча, не зная, как себя вести после того случая.

— Ну чего ты! — возбужденно воскликнул Кирилл.— Давай одевайся!

В кинотеатр отправились пешком. Мы с Кириллом впереди, его родители сзади. Молчали, но Кирилл не любил долго молчать.

— Папа...

— Что такое?

— А когда ты купишь телевизор? У всех ребят в классе уже есть, только у нас...

— Опять? Мой милый наследник, я говорил и тебе и твоей маме, что никогда в нашем доме телевизора не будет. Телевизор — зло!..

Этого я никак не мог понять. Телевизор был несбыточной мечтой для нас с мамой. Мы очень надеялись выиграть его когда-нибудь в лотерею, а пока ходили смотреть передачи к знакомым. Сознательный отказ от обладания такой замечательной вещью был для меня непостижим.

— Кстати, Олег,— громко заговорила Евгения Львовна.— Мальчики очень увлеклись твоей книгой о замках, и Кирюша начал рисовать оттуда. И знаешь, неплохо получается.

— Что ж, Кирюха, второй архитектор в семье будет?

— Да нет, папа, у меня плохо получается.

— Не слушай его, получается нормально. Главное — он хорошо чувствует пропорции. Кирюша, ты покажи папе, когда вернемся, маленький альбом, там особенно удачно.

— Ты же там все обвела! — с обидой воскликнул Кирилл.

— Э, мадам,— расхохотался Олег Васильевич,— ваш сын не умеет хитрить!

— Ну и то хорошо,— смущенно улыбалась Евгения Львовна.

В кинотеатре была обычная суета. Взяв билеты, купили мороженое, бродили по небольшому фойе, пока не прозвенел звонок, а потом искали места, которые оказались прямо в центре. Свет медленно гас, и тут Евгения Львовна наклонилась ко мне:

— Алик, после кино пойдешь с нами чай пить? У нас медовые пряники сегодня.

— Нет, спасибо,— ответил я сразу.— У нас дома тоже медовые пряники.

Неторопливо раздвинулся занавес и грянули «Новости дня» № 18.

— Сейчас по-быстрому пообедаем и поедем,— сказала мама.

— Куда?

— Ну вот, кудыкнул, теперь пути не будет. На кладбище, сегодня бабушкина годовщина.

— Мама, а может быть, ты одна съездишь?.. Мне еще уроки...

— Ничего, успеешь. Уж и не помню, когда мы вдвоем ездили.

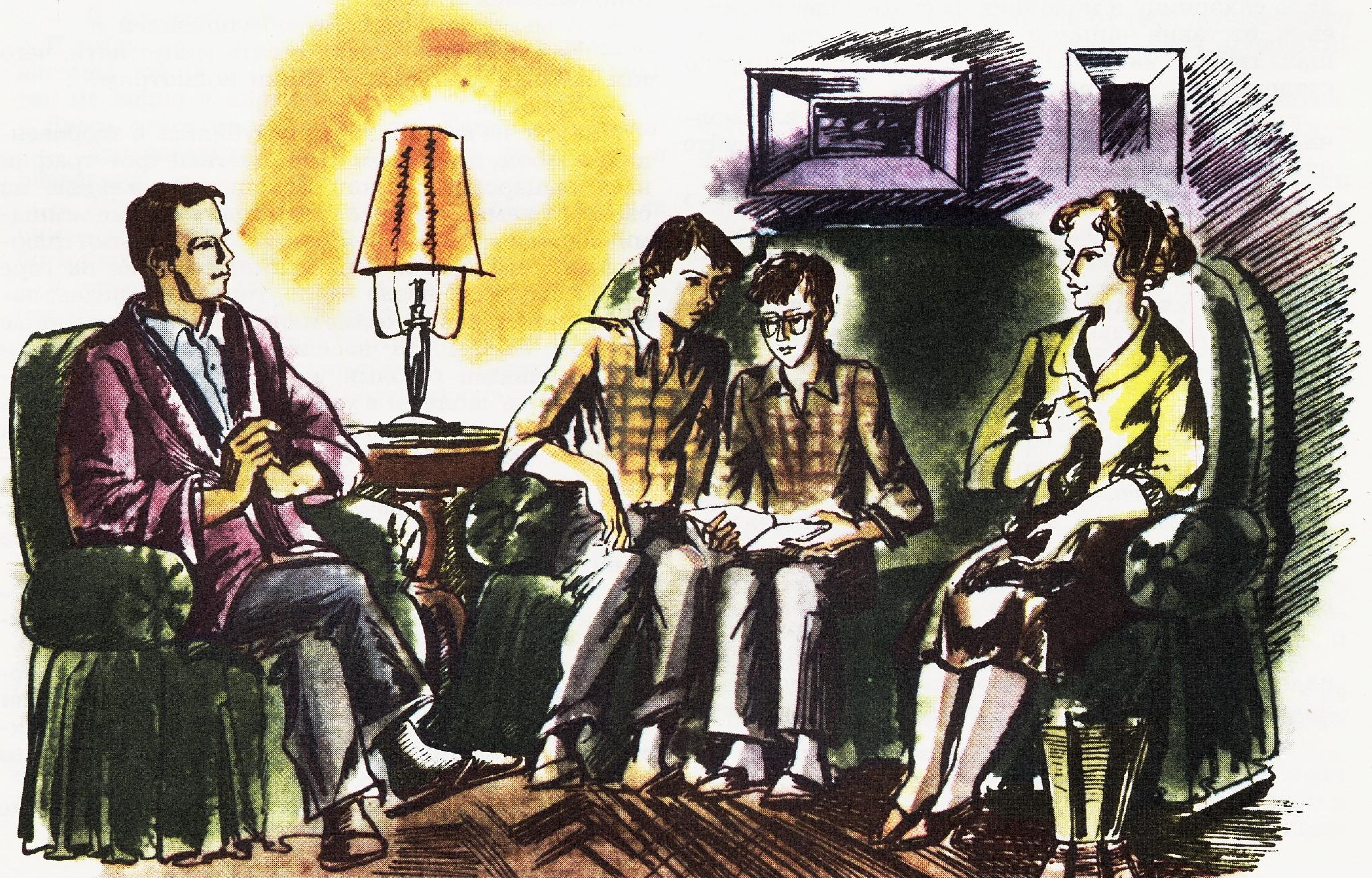
Вначале, как обычно, зашли на рынок. Он был пустоват. В одном углу продавали какие-то темные грибы, в центре — яблоки, картошку, соленые огурцы. Чуть поодаль восточные люди разложили ярко-желтые дыни, рядом — яблоки, гранаты, виноград, но это все не для нас.

В цветочном ряду мы прошли мимо искусственных венков, мимо рассады, крупных красных роз и купили астры да еловый венок. Колючие ветки были сорваны, видимо, недавно, они были без желтизны, не осыпались и немного пахли.

На Ваганьково жгли листья. Огня не было видно, кучи тихо дымились. Густой молочный дым висел белесой полосой над дорожками, я ускорял шаги, пересекая полосу, но горьковатый вкус дыма все равно был ощутим в чистом холодном воздухе.

Нам надо было пересечь почти все кладбище. Мама молчала и смотрела под ноги. Я нес в одной руке венок, в другой цветы. Взбаламученные с утра чувства и мысли мои утихли. В огромном и пустом пространстве, заполненном памятниками и креста-

Читал я по-английски ужасно, а мелькание спиц и улыбка Евгении Львовны и вовсе сковывали.



ми, где фигуры людей были редки — будний день, да и поздновато, лишь редкие громкие крики ворон в вершинах высоких кленов и лип нарушали тишину.

Никогда я не мог равнодушно пройти мимо могилы, где на плите было выбито: «Женя Лукьянов. 1948—1962. От безутешных родителей». Там была и фотография. Парень как парень, открытое, доброе лицо, ворот рубашки распахнут, а губы как будто сдерживают улыбку. Такая фотография.

— Что ты, Алик?

— Ничего.

— Что-то в школе случилось?

— Нет, ничего.

Чувство вины настигло меня. Вины в чем? Перед кем? Не знаю. Быть может, перед тем мальчиком, который был старше меня на один год... Его нет, я есть, но лучше ли я его? Если бы мы поменялись местами, быть может, для других это было бы лучше? Через пять месяцев и мне будет четырнадцать...

В чем моя вина? Быть может, в том, что считаю себя умнее других? Почему? Я слаб, ленив, труслив, бесталанен, но считаю себя замечательным. Да, да! Я свысока смотрю на других, перед собой что скрывать, и считаю других недалекими, простоватыми, а сам завидую, да еще как завидую, начитанности Резника, уму и настойчивости Гриши, силе Колосова, уверенности в себе Кирилла, даже Пончику завидую, даже ему, потому что он родился на четвертом этаже, а я на пятом...

Мама остановилась у ограды, распутала проволоку и открыла калитку. Поглощенный своими мыслями, я как во сне собрал с могилы старые, засохшие цветы, вымел опавшие листья и отнес все это в кучу на дорожке. Потом повесил венок на покосившийся крест, который надо было бы покрасить, но где взять серебряную краску? Я отколупнул серебряную чешуйку, оглянулся на маму, но она стояла в оцепенении, держась руками за ограду.

— Положить цветы?

— Нет, Алик,— очнулась мама.— Ты разбросай их... вот так.

Она вновь опустила глаза на невысокий холмик, который этим летом заново покрыли густым дерном. Что она думала?

— Мама, пойдем,— тихо сказал я.

— Да, сейчас... Как жаль, что бабушка тебя не видит. Если бы она была с нами...

Я боялся, что мама заплачет, но она сдержалась, а когда пошли обратно, лицо ее даже посветлело.

Дневной свет померк, и вдали, там, откуда слышались гудки тепловозов и грохот поездов, небо начинало темнеть. Мы пошли быстрее.

Высокие липы и клены тянули к небу узловатые ветви. Две вороны пролетели, уселись на клен, и одна начала каркать. А небо было высокое, не голубое, не серое, и можно было долго смотреть в него, и тогда вдруг появлялось странное ощущение легкости и ясности. И уверенности в себе, уверенности, что все правильно.

— Алик! Ты совсем меня не слушаешь!

— Ну что еще?

— О чем ты думаешь?

— Тебе неинтересно.

— Почему? Мне все интересно... что у тебя в школе?

— Ну отстань! Что ты понимаешь!

Она обиженно поджала губы, отвернулась, и мгновенное раскаяние охватило меня.

— Прости. Пожалуйста...

Как я сразу не понял — вина велика прежде всего перед родными! Перед мамой, что с того, что ей непонятны и чужды мои книги, что я без нее? Перед бабушкой, я забыл о ней, забыл, но как она меня любила, как она... Да, я хотел ей помочь крутить мясо, засунул пальцы в мясорубку и крутанул другой рукой, и пальцы затянуло, а я, не понимая, как же так, крутил, и в ужасе подумал, что всего меня сейчас утянет в узкую воронку под острый нож... я закричал, бабушка прибежала и всего только повернула назад рукоять мясорубки. В глазах ее светилась такая горячая любовь, что даже тогда, кроха, я ощутил, что эта любовь вытянет меня из любой мясорубки, что не надо бояться, надо верить, да, верить в себя, в это пустынное небо, в голые старые деревья, верить в разумность этого мира...

Как красиво я думаю. Приятно думать, как герои Толстого. «Князь Алик, пожалуйте в карету». Неужели я такая дрянь, что могу только любоваться собой?

Первым уроком была литература. По литературе я шел в отличниках, и потому без волнения слушал, как Антонина Мироновна вызывала отвечать отрывки из «Купца Калашникова». Беспокоило меня другое — несделанная задача по алгебре. Вначале я попросил списать домашнее задание у Гриши. «Нет,— ответил он нравоучительно.— Я могу объяснить, но списать не дам». «Ну и подавись ты своей алгеброй!» — ответил я. А задачи обязательно надо было списать, потому что математичка Екатерина грозилась меня спросить. И тут Пончик — сам! — протянул тетрадь. С чего это вдруг?

Конечно, мне было совестно перед Антониной, глядя ей в глаза, списывать алгебру, но что делать? Екатерина меня обязательно вызовет. Все, даю слово, что на уроках Антонины никогда списывать не буду. Несколько раз я писал себе «Правила жизни», куда входили утренняя зарядка, занятия спортом, ежедневное решение задач по алгебре, шахматы, астрономия, закаливание, чтение биографий знаменитых людей, решал, что буду тверд, честен, решителен... но как-то все не получалось. Одно тянуло за собой другое... Только вчера вечером я говорил маме, что делаю алгебру, а сам перечитывал «Мартина Идена».

— ...Иван Грозный...— донесся голос учительницы...— Слово и дело. Именно поэтому...

Как это замечательно — «слово и дело»! Дело никогда не расходится со словом, слово всегда отвечает делу. А может, все это пустые фантазии?

Как просто было жить раньше, переходить из книжного мира в реальный, когда очень требовали или если книга была неинтересной. Но при этом всегда согревала мысль о тайной калитке, за которой — без сомнения! — меня ждали мои замечательные герои. Уверенность в возможности возвращения в мой второй мир, как в детстве возможности поднести к глазу трубку калейдоскопа с яркими, никогда не повторяющимися узорами, и поворачивать, и поворачивать ее, уравновешивала горести тревоги, с которыми приходилось сталкиваться в первом мире.

Уверенность... да, она осталась. Но все больше занимало настоящее, то, что было вокруг, то слова и словечки, дела и поведение настоящих людей, те кусочки пестрой житейской суеты, за которой я угадывал, но никак не мог увидеть саму жизнь.

— Запишите задание,— объявила Антонина и как-то странно посмотрела на меня. Что я такого сделал?

Географичка еще болела, и нас отпустили после пятого урока.

С Ленкой было легко и интересно,
и мы могли часами болтать обо всем на свете.
Но сегодня оба молчали.

Я предложил Грише навестить Резника, хотелось поговорить с ними обоими, но он был занят.

Домой пошли с Ленкой. Обычно я искал ее одобрения и улыбки. Очень хотелось ее удивить, поразить. С ней было легко и интересно, и мы могли часами болтать обо всем на свете, если она была в настроении. Но сегодня я молчал. Ленка, что было на нее непохоже, тоже молчала, изредка поглядывая на меня.

— Ты, Алик, так в себя погружен, что едва-едва других замечаешь. Вовка вот болеет уже вторую неделю.

— Я знаю. Я давно хотел...

— Ну да, когда тебе кто нужен, ты подходишь, а так — нет, что тебе всякая мелочь человеческая вокруг...

Я был ошеломлен внезапной несправедливостью ее слов.

— Ленка, ты что?

— Скажешь, я не права? Меня ты сегодня не заметил.

— Ты... ты серьезно?

— Ладно, Алик, считай, что я по злобе это сказала. Забудем.

— Нет. Погоди. Ты серьезно так думаешь? Я, по-твоему, такой?

— Видишь ли...

— И другие так думают? Наши?

— За всех говорить не буду. Но мы всегда вместе, а ты — сам по себе. То есть, пожалуйста, как хочется... но мы с Гришей недавно говорили...

— И Гриша... вы... если бы знали... может...

— Что ты, Алик? Извини...

— Не надо.

Сжав губы, я перемахнул Сретенку, услышав за спиной свисток милиционера, возглас Ленки, визг тормозов... На мгновение подумал, как бы они горевали, если бы я попал под машину, но от этой мысли стало неуютно. Нет, не надо. От меня и так ничего-то на земле не останется. Не то — обида!

Они! Мушкетеры!

Как несправедливо устроен свет! Я всех готов любить, меня никто не любит!

Обойдя Трубную, я пошел по Петровскому бульвару, по боковой аллее, но и тут ощущал на себе насмешливые или равнодушные взгляды прохожих. Было так жалко себя...

Когда бы мог весь свет узнать,
Что жизнь с надеждами, мечтами
Не что иное, как тетрадь
С давно известными стихами.

Дома было пусто. Я поставил на плиту чайник и сковородку с котлетами. Читать не хотелось. По радио передавали песню Пахмутовой о Братской ГЭС «Марчук играет на гитаре, а море Братское поет», а потом мою любимую: «Не думай, что все пропели, что бури все отгремели, готовься к великой цели, а слава тебя найдет. И снег, и ветер...» И так захотелось чего-нибудь доброго, милого...

Как хорошо было три дня назад в гостях у бабы Глаши. Там я впервые увидел некоторых своих тетей и дядей, хотя так и не смог узнать причину странной отъединенности нас от большого клана Шубиных.

А собрались как-то вдруг. Сначала мы сидели с мамой и бабой Глашей. Потом подошли тетя Зоя с Лилей, моей троюродной сестрой, и нас, чтобы не слушали взрослые разговоры, посадили играть в шашки.

Лиля, толстая и краснощекая, с аккуратными синими бантами в косичках, играла очень старательно, закусив губу и часто поднимая на меня круглые голубые глаза.

Конечно, я ее общелкал два раза подряд да и третий раз мог, но сестричка моя так расстроилась, что стало ее жалко. Я поддался. Лиля «съела» разом четыре шашки и закричала радостно:

— Бабушка, я выиграла!

Тем временем подошли две другие дочери бабы Глаши, тетя Соня и тетя Роза, с мужьями. В тесноте сидели за круглым столом, пили чай с вареньями, баранками и нашим тортом под негромкие разговоры о том, о сем, мерное тиканье стенных часов и бормотание репродуктора, который слушали лишь на прогнозе погоды.

Все было, как много лет назад, когда я теребил дядю Гришу, дядю Сашу и дядю Федю с просьбой: «Расскажи про войну». А дядя Федя умер.

— Чего не поем? — перекрыл шум за столом голос дяди Гриши.

Женщины пели «Катюшу», и я подумал, что стоило бы об этом написать. Но что? В любом рассказе должно быть действие, что-то должно происходить, а тут едят да говорят, кому это интересно? Но мне почему-то было очень интересно.

Хотя ну что, в самом деле, интересного в многословных женских рассказах о болезнях детей, своих и родственников; пересудах о непутевой Ольге, «побежавшей в третий раз замуж», воспоминаниях о поездке в Серпухов на могилу Федора: «хорошая такая могилка, вся в цветах»; разговорах вполголоса: как будет дальше с продуктами, не подорожает ли хлеб? Никаких ярких событий и происшествий.

Я понимал своих говорливых тетей и молчаливых дядей, ощущал всем нутром родство с этим миром, в котором дышалось легко и свободно, и

чувствовал: это просто родные люди. И на душе становилось тихо и покойно, словно плывешь куда-то вдаль, куда?— не знаешь, а хорошо плыть.

«Окрасился месяц багря-а-анцем...» — громко, пронзительно начала тетя Роза.

Было что-то завораживающее в обычных, произносимых как бы небрежно, врастяжку словах, в простой, тягучей мелодии, звучащей в затихшей комнате.

«Поедем, красотка, ката-а-а-аться,
Давно я тебя-а поджида-ал»,— убавила голос тетя Роза, и женщины за столом дружно повторили.

Почему поют только женщины? Но от их голосов песня звучала угрожающе для красавца ухаря, небрежно садящегося в лодку, взволнованно-радостно для девушки, затаившей боль, и неизъяснимой тоской трогала сердце. И вот они плывут в лодке под белым парусом...

«Ты правишь в откры-ытое мо-о-ре,
Где с бурей не справиться на-ам.
В такую шальную пого-о-оду
Нельзя доверяться волна-ам».

И я поразился, как в нескольких строчках вдруг проглянул характер обеспокоившегося парня. И тут голос тети Розы окреп, погустел, и, как тяжелая, черная волна, падали слова, в которых были любовь, и отчаяние, и приговор:

«Ты вспомни, изменщик кова-а-арный,
Как я доверя-а-алась тебе!»

И все было ясно: погибли оба. Вот как надо писать, подумал я. Интересно, знал ли Лермонтов эту песню?..

Нет. Этот вечер был так хорош, что лучше просто вспоминать. Но хотелось и другого — блестящего, интеллектуального, утонченного... такого, что есть в доме Кирилла.

Мама пришла поздно, и вид у нее был усталый. Она опустила на пол доверху набитую сумку и мокрый зонт и присела на диван.

— Ты обедал?

— Да, я котлету съел. Что так поздно? Промокла? К чаю купила что-нибудь? Завтра муку в домоуправлении давать будут.

Я принялся было разбирать сумку и вдруг вспомнил:

— Да! Я сегодня четверку по алгебре получил!

— Что ты говоришь... Молодец. Вот если бы ты всегда четверки получал... А еще вызывали?

— Нет. Поставить чайник?

— Не надо, я сама. Читай... Опять у тебя новая книга.

Мама загремела кастрюлями, я вновь открыл Ремарка, но болели глаза. По радио кончались последние известия, привычные слова «строительство Асуанской плотины», «успехи народа Кубы»; начался концерт по заявкам.

«А у нас во дворе...»— звучал голос известного певца... «Я гляжу ей в след, ничего в ней нет, а я все гляжу, глаз не отвожу...»

— Ча-ча-ча!— сказала мама и вышла на кухню.

За окном шумел дождь. Теплыми пятнами светились окна дома напротив. На Кировской блестели фарами редкие машины. Светилась круглыми окнами станция метро. Вот еще день прошел.

Все вокруг было настолько знакомое, родное, что я не замечал неторопливого потока жизни, несшего меня изо дня в день. Но что-то менялось во мне, что-то менялось.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Антонина СЫМОНОВИЧ

Сбор рябины

Бусинки рябины
Сыплются в корзину,
Голыми руками
Собираю пламя.
Я тянусь все выше —
Небо в гроздьях вижу,
Будто среди дня
Звезды у меня.
И хватаю смело
Звезды ягод спелых.

Валерий ВОЙЦЕХОВСКИЙ,
участник VIII Всесоюзного совещания молодых писателей

Зима идет

Там,
Где царство
Снежной Королевы,
Снарядили
В путь-дорогу
Каравеллы.
Каравеллы
С ветряными парусами,
Каравеллы
С ледяными корпусами.
В трюмах
Зимние запасы
Снега —
Урожая
Северного неба.
Впереди —
Пространство океана.
Держат курс
На землю
Капитаны.

Отряд говорит

ПИОНЕРСКОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Продолжаем наш разговор о пионерском поручении. Первое слово мальчику! Мы рады, что мальчики стали более активны. Мы ценим их участие.

Ярослав СИДОРОВ, Чукотка, пос. Майский геолог. «Я заместитель председателя совета отряда. Страницей «Отряд говорит с отрядом» я «шевелю» свой отряд. Но звеньевые плохо мне помогают, а многие ребята равнодушны к отрядной жизни. Обидно.

Подойду к звеньевой, скажу: «Инна, пойдем к малышам, им скучно. Поиграем с ними, сказку расскажем». А она: «Че пристал? Сам иди к своим карапузам». Ну, я иду. Снова один.

На уроках кто-то закатывает истерики. Другой после уроков всех бьет, ударит и уйдет. Хочешь помирить тех, кто поссорился, слышишь: «А, подлиза, подлизываешься?» У нас и отличников нет, а двоек — хоть отбавляй!

Помогите мне».

Ира И. *(опять нет полного имени! Что это: трусость, осторожность? Хотелось бы, чтобы все ребята подписывались полным именем!),* **город Солнечногорск, Московская область.** «Председатель совета отряда у нас хорошая. Ходит на собрания, выполняет поручения, волнуется. Только не ценят ее труд, ее работу ребята. Если надо остаться на несколько минут, многие врут, что опаздывают куда-то по срочному делу или просто убегают. И дело остается нерешенным, не доведенным до конца. Если нет рядом классного руководителя, то нечего и надеяться собрать кого-то. А на носу смотр строя и песни.

Все ссорятся из-за пустяков, из-за мелочей. А наши мальчики, они самые неорганизованные, им бы только в футбол погонять.

Опубликуйте, пожалуйста, мое письмо, и пусть каждый задумается, что нет слова «не хочу», а есть слово «надо».

ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ! В письмах Ярослава и Иры СПРЯТАН ОТВЕТ НА ВОПРОС, который они задают. Поразмышляем вместе над рассказанным.

Ярослав в одиночку «шевелит» свой отряд. Предлагает что-то ребятам и постоянно остается один на один со своим предложением. С обидой и болью заключает, что все плохо учатся и ссорятся. И не знает, как ему быть. Он ждет подсказки.

Ира тоже сообщает, что председатель ее отряда все делает сама, а ребята ее не слушают, убегают от ее хороших поручений. Тоже ссорятся и тоже неважно учатся. И председатель недоумевает: почему?

ПОТОМУ, что Ярослав и Ира умеют работать сами, НО не умеют объяснить ребятам СМЫСЛ тех дел, которые организуют. Не умеют УВЛЕЧЬ товарищей предложенным занятием. А до тех пор, пока общая ЗАДАЧА не становится ЖЕЛАНИЕМ каждого, бесполезно произносить высокие слова о «хочу» и «надо».

УМЕНИЕ РУКОВОДИТЬ — это умение понимать тех людей, которыми руководишь. К каждому, ОБЯЗАТЕЛЬНО К КАЖДОМУ, находить свой путь — вызывать к жизни, к действию лучшие его качества и способности. Только так можно объединить вокруг себя людей и повести их на преодоление ПИОНЕРСКИХ ВЫСОТ. Любых высот человеческой жизни. Прочтем еще одно письмо.

Наташа *(как узнать нам твою фамилию, Наташа?),* **город Калачинск, Омская область.** «Когда проходил у нас отчетно-выборный сбор, классный руководитель (опять классный руководитель распоряжается делами отряда!) сказал: «Каждый пусть думает, какое поручение будет выполнять». Я сказала, что хочу работать в культмассовом секторе. Сказала об этом совету отряда. Они согласились. Но классный руководитель стала возражать, что я не связана с Домом пионеров и в музыке ничего не смыслю. И совет отряда спорить с ней не стал. Какое же будет у меня желание участвовать в делах, предложенных советом?»

НАТАША права. Совет отряда, который не умеет отстаивать своего мнения, не считается с желанием членов отряда, не учитывает способности каждого человека, вряд ли может рассчитывать на уважение и поддержку.

«Разве может стать Человеком человек, если он затерян (смотрите, какое хорошее слово выбрано — ЗАТЕРЯН!) для своих товарищей?» — это вопрос из письма **Марины НЕДОРЕЗ из города Могилева Белорусской ССР.** Марина учится в 7-м «А» классе 27-й средней школы. И не боится полностью назвать свое имя и свой адрес. Молодец!

Вот Ира жалуется, что мальчиков, кроме футбола, ничего не интересует. Так, может, и ПОРУЧИТЬ ИМ футбольные состязания? А девочки будут болельщи-

с отрядом

ками. Казалось бы, что за дело? Но состязание без болельщиков очень многое теряет. Кто-то должен болеть, когда другой выполняет главную роль. Если люди в коллективе научатся меняться главными и второстепенными ролями и сумеют болеть друг за друга, радоваться успехам и огорчаться трудностями товарищей, тогда не будет ссор из-за мелочей и дружба возникнет крепкая.*

Галя ХАРЛАМОВА, город Ленинград, 6 «А» класс, 307-я средняя школа. «Мы решили поехать в поход. Наши мальчики сразу предложили, чтоб псход был с игрой «Зарница». Ну, девочки согласились. Мальчишки распределили всех по званиям, а нас нет — мы девчонки. Мы стерпели. Сказали, чтоб мы готовили обед, а двух девочек взяли санитарками. Мы смирились. А когда потом на 8 марта мы хотели собраться у кого-нибудь, мальчишки отказались».

ПОЧЕМУ? Да, потому, Галя, что почувствовали, что вы «стерпели», «смирились», но НЕ ПРИНЯЛИ ИГРЫ. Не сумели в игре, которая мальчикам была интересна и они ее организовывали, оказаться на вторых ролях. Они не почувствовали в вас товарищей. Люди, которые не умеют или не хотят подчиняться, а любят только командовать, всегда терпят поражение. Жизнь сложная штука, и очень важно научиться с другими людьми ВЗАИМОДЕЙСТВОВАТЬ. Этому надо научиться еще в пионерском отряде. Именно в детской игре человек приобретает первые навыки общения, осознает себя, свое место среди других людей. Пионерский отряд должен позаботиться о том, чтобы каждый умел думать не только о себе, но и о ближнем, о его самочувствии, о его будущем.

Айгуля М. из города Кзыл-Орда пишет: «Стоит мне только руку поднять, как девчонки шепчутся: «Опять заикаться будет!» А я заикаюсь, когда волнуюсь. Мы готовили сбор о Гайдаре, все должны были читать стихи и петь. Когда дошла очередь до меня, то все закричали: «Не

давайте ей, она заикается!» Я заплакала. А самое страшное произошло в день моего рождения. Никто ко мне не пришел. Сказали, что идут в кино. Мне ничего теперь не хочется».

ПОНИМАЕТЕ, как это страшно? Человеку ничего не хочется. С этим чувством Айгуля уйдет во взрослую жизнь. И будет страшиться людей, сторониться их, не сумеет раскрыть себя, своих возможностей. И виноват в этом будет ее отряд.

Игорь Ц. из Москвы говорит: «Мы поручали простейшие дела троечникам, они их завалили, а «элита» быстро справляется со своими поручениями. Нужна воля для дела, а у лентяев ее нет».

ПОДУМАЙТЕ, у лентяев нет воли для выполнения дела. Но и не появится позже, если отряд не подумает о своих нерадивых товарищах. Не поможет им пересилить себя, собраться, не заинтересует их тем, что они в состоянии сделать. И будет гулять по жизни человек, отлынивающий от важных дел, никчемный, серенький человечек. А отряду наплевать, что этот человек ПРОДУКТ ЕГО КОЛЛЕКТИВА!

Людмила ЗАЧЕПЕ, город Вольногорск, Днепропетровская область, УССР. «В нашем классе троечников не считали за людей. Но однажды мы одного троечника поставили на пост капитана ЮД. И что же? Он стал незаменимым помощником классного руководителя во время дежурства нашего класса по школе. Другого троечника, который сам нередко нарушал дисциплину, поставили отвечать за сектор порядка. Так теперь все дежурные, как миленькие, выполняют свои обязанности, хорошо убирают класс. Мне кажется, чем больше доверяешь человеку, тем лучше он справляется с любым делом».

Наталья САДОВНИЧЬЯ, село Тамарино, Снегиревский район, Николаевская область. «Раньше в нашем отряде не было дружбы, многие ребята не брались ни за какие поручения. Теперь наш отряд среди лучших, и все мы друзья. А началом дружбы стал сбор «Расскажи мне о себе». На нем мы прислушались (снова заметьте какое верное слово — ПРИСЛУШАЛИСЬ!) друг к другу, узнали получше интересы ребят. И выбрали для отряда такие пионерские дела, которые интересны всем. А запевалами в этих делах стали те, кто в них больше смыслит. Мальчишкам поручили спортивные состязания, девчонкам — литературные викторины. Работу на неделю мы планируем все вместе. Устроили отрядную копилку интересных предложений. «Вынимаем» оттуда идеи и выбираем лучшие. Мы сплотились, и теперь действительно живем по девизу «Один за всех и все за одного». И учиться стали лучше. Как спокойно отвечать у доски, когда видишь дружелюбные взгляды товарищей».

ПРОЧТЕМ ВНИМАТЕЛЬНО последние два письма. В них — разумные размышления и точная подсказка. ХОРОШИЕ ОТНОШЕНИЯ С ЛЮДЬМИ требуют большой и серьезной душевной работы, которая приносит удовлетворение.

ПИОНЕРСКОЕ ПОРУЧЕНИЕ — дело ответственное и значительное. Оно помогает одному человеку понять другого, обоим развить свои способности общения с окружающими людьми, проявить себя в коллективе. Отряд отвечает — ОТВЕТСТВЕНЕН! — за то, сумеет ли человек, выросший в нем, во взрослой жизни ИСПОЛНЯТЬ ЗАДАЧИ и ОРГАНИЗОВЫВАТЬ ДЕЛО.

101459, ГСП, Москва
Бумажный проезд, 14, 11 этаж
«Отряд говорит с отрядом»

Лев РАЗГОН

ДЕРЗОСТЬ ВООБРАЖЕНИЯ

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «ОТКРЫВАТЕЛИ»

Продолжение. Начало в № 10.

Рисунки Л. ХАЙЛОВА.

Он был Главным геологом страны. Вице-президентом Академии наук, заведовал кафедрой в Горной академии, руководил научно-исследовательскими институтами...

Его почта была огромной. Приходили пакеты с документами и письма из всех союзных республик, из многих научных учреждений из-за рубежа. Но однажды среди груды пакетов и конвертов он увидел письмо, написанное четким знакомым почерком. Знакомым, но почти забытым, словно оно пришло из далекого прошлого.

Иван Михайлович Губкин неторопливо, страшась, что его обманет предчувствие, вскрыл письмо.

«Уважаемый тов. Губкин! Прошу меня извинить. Может быть, я пишу не тому, о ком думаю, а его однофамильцу. Часто встречаю Вашу фамилию в газетах — и везде: академик Губкин. Очень прошу ответить, не тот ли Вы Ваня Губкин, которого я когда-то обучал грамоте в земской школе села Поздняково под Муромом...»

Да, он не обманулся. Он сразу узнал этот почерк! Он никогда не забывал человека, который первым открыл для него буквы, выводя их на классной доске бедной земской школы. Николай Флегонтович Сперанский. Он его первый и самый дорогой наставник. Он учил его три года в сельской школе Владимирской губернии. И не просто научил грамоте, но и внушил веру в свои силы, в возможность учиться дальше, познавать науки. Николай Флегонтович добился невероятного — разрешения Ване Губкину пойти учиться в город, в Муром...

«Тот ли Вы Ваня Губкин?..» Тот, тот самый! Он вспоминал теперь, как после долгих споров и размышлений в семье покинул деревню и зашагал по разъезженной пыльной дороге в лаптях, в перешитой старой поддевке, с котомкой за плечами, шел и твердил про себя некрасовское стихотворе-

ние, которое читал в классе под внимательным взором Николая Флегонтовича.

— Ну, пошел же, ради бога!
Небо, ельник и песок —
Невеселая дорога...
Эй, садись ко мне, дружок!

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дело?
Это многих славных путь.

....

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!

...Сон свершился наяву! В 1937 году, уже будучи всемирно известным ученым, Иван Михайлович Губкин написал для молодежи рассказ о своей жизни — «Как я учился». Он впервые напечатал его в «Правде».

«Это рассказ человека, родившегося на год позже Ленина, в 1871 году, о том, каким чудом поднялся он к науке из самых низов, из семьи бедного и неграмотного крестьянина, жившего в самом сердце России — Муромский уезд Владимирской губернии...

Мои родители, как и остальные члены семьи, были люди неграмотные. У моего отца нас детей было пятеро — две сестры и три брата; из братьев — я самый старший...»

Сплоченная крестьянская семья. Их сплотило не только родство, но и необходимость держаться всем вместе перед нуждой и голодом. Верховодила бабушка Губкина по отцу — Федосья Никифоровна. Не только она, но и ее сыновья были еще крепостными. Оставшись после «воли» с крошечным наделом земли, она властно руководила большой крестьянской семьей. Только внуков в селе Поздняково у нее было сорок два человека, все руки на учете. Никого не учили грамоте, никого не отпускали в школу, каждый человек, в том числе мальчики и девочки, начинал работать с тех пор, как научался бегать! Иначе не спастись от голода.

Но вот из всех своих внуков эта властная и очень практичная женщина выделила Ивана. И настояла, чтобы девятилетний Ваня (по деревенским понятиям почти полноценный работник) пошел учиться в сельскую школу. На что она рассчитывала, на что надеялась? На чудо: вдруг выбьется «в люди», станет приказчиком или конторщиком. А это уже жалованье, неслыханное для крестьянской семьи!

Ученик Ваня Губкин не был свободен от крестьянского труда. И каждая минута, когда он не сидел за партой, отдавалась обычной крестьянской работе: в этой семье каждый твердо знал свои обязанности. Но зато уж на занятиях Губкин был первым. Его пристрастие к книге, трудолюбие и способности поражали не только Сперанского, но и тех инспекторов, которые наезжали в Поздняково проверять земскую школу. За три года учения Губкин перечитал все без исключения книги, которые были не только в школе, но и в селе. Узнав, что в соседней деревне есть еще не читанные им книги, в любую погоду отправлялся он туда. Ему давали книги, зная, что этот парнишка относится к ним как к великому сокровищу.

Но не для того отрывался от работы крестьянский сын, чтобы научиться книги читать. Он должен получать от грамотности доход, а для этого надо учиться дальше. И учителя уговаривают властную бабушку отпустить мальчика в город. И бабушка дрогнула...

Муром неподалеку — всего четырнадцать верст. Конечно, знакомых там нет. Но смотритель Муромского уездного училища, поразившийся на выпускном экзамене в поздняковской школе способностями и памятью ученика Вани Губкина, охотно принимает его в свою школу.

Живет Ваня Губкин в подвале, у школьного сторожа. Еду ему приносят из дома, или же он сам за ней бежит: четырнадцать верст — не расстояние! А с третьего класса сам зарабатывает на питание репетиторством. Каждую свободную минуту читал. При сальной свечке, при керосиновой коптилке. Пока не почувствовал, что стал плохо видеть — нажил близорукость.

Нелегко было вначале деревенскому мальчику в городской школе. Одет в поддевку, стрижен в скобку. Но скоро от Вани Губкина отстали: у парня оказались железные кулаки и совсем не кроткий нрав. А главное — первый ученик! Гордость учителей, и они демонстрируют его при каждом посещении начальства.

В 1887 году Иван Губкин кончает городскую школу. Ему шестнадцать лет. Из них семь потрачены на учение. Он не только грамотный, он очень хорошо знает арифметику. Его возьмет в конторщики любой муромский купец. Муром — богатый, купеческий город. На это и рассчитывала семья.

Но у Губкина после семи лет учения осталось такое ощущение, будто его только поманили, только обещали что-то новое, неизвестное. И школьное начальство рекомендует: учись дальше, сможешь выучиться на учителя, приехать в деревню не мужиком, не приказчиком, а учителем, перед которым почтительно снимают шапку... И ему не надо теперь зависеть от помощи, он чувствует в себе достаточно сил, чтобы жить и учиться самостоятельно. Он верит в себя, в свое будущее! Вот только надо уговорить семью. Без ее разрешения, или, как говорили тогда, без ее «благословения», он не сможет сделать этого трудного шага.

Нелегко уговорить бабку, родителей. Но они, наверное, пленились перспективой, что их Ванюша станет учителем, поселится в казенном доме с казенными дровами, и даже богатый человек в селе перед ним снимет шапку. И опять же: жалованье... Иван Губкин уезжает в учительскую семинарию в город Киржач Покровского уезда Владимирской губернии.

Семинария небольшая: всего 80—90 человек. И учатся будущие учителя так, как это было, наверное, сто лет назад. Общежитие — большая казарма. Грязь, клопы и тараканы, скудное керосиновое освещение. И жизнь казарменная: железная дисциплина, кондуит, злобные надзиратели. Подъем в шесть утра, в свободные от занятий часы обязательное посещение церкви. Живут на стипендию — 6 рублей 67 копеек.

В России самая глухая пора. Министр народного просвещения уже издал свой знаменитый циркуляр о «кухаркиных детях». Детям «низших сословий» незачем учиться в гимназиях, получать университетское образование. Для них достаточно знать грамоту, чтобы читать молитвенник. И учителей

следует готовить таких, которые бы ничему другому и не умели учить. В программах учительской семинарии русская литература кончается Пушкиным. И такой он там тихий, приглаженный, верноподданный, со стихами про любовь и царские милости. Тургенев, Толстой, Достоевский отсутствуют не только в программах, но и в библиотеке. Надзиратели аккуратно обследуют жилье семинаристов в поисках «запретного». Под запретом Тургенев и Толстой, а Салтыков-Щедрин — просто нелегальщина!

Да, время, конечно, тяжелое. Но Москва неподалеку, и, что бы ни придумывало начальство, книги проникают в семинарию. И любимым писателем семинариста Губкина становится как раз Салтыков-Щедрин. Губкин имеет в семинарии репутацию молчаливого, сторонящегося людей человека. Он помнит слова своего любимого писателя: «Одиночество дает человеку поблажку мыслить». Еще он научился у Салтыкова-Щедрина презирать пустяки, бояться тратить себя на никчемные дела. В одной из тетрадок, где он записывает конспекты, между цитатами из священного писания появляется запомнившаяся ему фраза из книги Салтыкова-Щедрина: «Пустяки — легчайшая форма жизни. В одних пустяках человек ощущает себя вполне легко. Перед ними одними он не чувствует надобности трусить, лицемерить, оглядываться в страхе по сторонам...»

Как всегда бывало у Губкина, семинарское начальство его приметило. Учился Губкин так же отлично, как и везде, но чуть не вылетел из семинарии за вольнодумство, за найденные у него запретные книжки. У Ивана Губкина в аттестате пятерки по всем предметам. Только по поведению четверка. По тогдашним временам это почти «волчий билет».

Билет-то «волчий», да ведь надо отрабатывать ежемесячную стипендию. Ивана Михайловича Губкина направляют учителем на родину — в Муромский уезд Владимирской губернии. Школа его в селе Карачарово. Село большое, знаменитое былиной об Илье Муромце.

Иван Михайлович много и хорошо занимается со своими учениками, очень много читает. Сейчас ему можно не бояться надзирателей. Активно работает Губкин в «комитете грамотности», устраивает в школе для крестьян села чтения с демонстрацией картин в «волшебном фонаре». К своему учительскому делу относится с той глубокой серьезностью, которая его отличала во всем, что бы он ни делал.

Сельского учителя Ивана Михайловича Губкина любят его ученики, и он любит детей, считает свое дело не пустяковым. А все же завел календарик и вычеркивает каждый прошедший день из тех пяти лет, которые обязан отработать после окончания семинарии в Карачаровской школе.

Губкин мечтает учиться дальше. Где? Чтобы стать учителем городской школы, надобно окончить учительский институт. Губкин решает ехать в столицу, в Петербург.

Нет там ни одного знакомого и никто не окажет помощи. Но он молод — двадцать четыре года, здоров, уверен в себе, а нуждой его испугать нельзя. Он уезжает и поступает в Петербургский институт.

Ну, Петербург не Киржач! В его распоряжении знаменитые библиотеки, публичные лекции великих ученых, его новые друзья совершенно не похожи на тех, с кем он был знаком в своем Муромском уезде. Он знакомится со студентами, которые заняты революционной деятельностью. Идеи марксизма увлекают его, горячат голову. Со всей страстью и свойственной ему деловитостью окунается Губкин в кипящую студенческую жизнь.

Он, как и многие другие революционно настроенные студенты, преподает в вечерних рабочих школах на Шлиссельбургском тракте. Устраивает там литературные вечера, сам выступает с чтением

стихов Некрасова, Омулевского, Михайлова... И почти всегда читает некрасовские строки:

Ну, пошел же, ради бога!
Небо, ельник и песок...

Губкин занимается не только просветительством, но участвует и в гораздо более опасных делах: печатает прокламации о забастовках на петербургских заводах, ходит на занятия первых марксистских кружков — на все у него хватает сил и времени. Если бы еще не надо было тратить силы и время на то, чтобы добыть себе на скудный студенческий хлеб.

В учительском институте не дают даже такой малой стипендии, какая была в учительской семинарии. На жизнь приходится зарабатывать самому. Но в Петербурге не просто заняться репетиторством — уж очень много конкурентов... И хотя Губкин — первоклассный репетитор, с большим педагогическим опытом, но в богатых семьях не самое лучшее впечатление производит этот мрачноватый студент с мозолистыми крестьянскими руками и неисправимым владимирским говорком на «о»... За три версты видно — деревенщина!

Губкин с компанией таких же бедняков-студентов, как и он, нанимается переписывать отчеты для чиновников, исторические сочинения для бульварных газет, все, что попадалось.

В 1896 году Губкин кончает Петербургский учительский институт. Как всегда, с отличием. И, как отличник, имеет право первым выбрать для работы школу. Губкин выбирает Петербургское четырехклассное городское училище. Он преподает там предметы, которые особенно любит: ботанику, зоологию, минералогию, начала физики.

Ну вот, кажется, и достиг человек всего, чего хотел, к чему стремился. И даже больше того! Он учитель в столичной школе, получает пятьдесят рублей в месяц. Работать интересно. Можно знакомить учеников с прекрасными музеями, водить их на общедоступные лекции, совершать с ними экскурсии. И в Петербурге теперь у Губкина уже много друзей. Появилась семья. Он пишет статьи в педагогических газетах и журналах, выступает с докладами на учительских конференциях. Исчезло во внешности Губкина деревенское. Типичный учитель, городской интеллигент: бородка, «чеховское» пенсне на шнурке...

Какой человеческой смелостью, какой дерзостью воображения надо обладать, чтобы принять решение сокрушить эту таким трудом налаженную жизнь! Начать снова учиться, переменить профессию и увидеть свое будущее с такой провидческой ясностью, с какой он впоследствии угадывал сказочные богатства земли там, где никто их никогда не ожидал.

Знания естественных наук, которые он приобрел в учительском институте, были ничтожными крохами настоящего знания. Он чувствовал это, рассказывая ученикам о происхождении Земли, о полезных ископаемых и многом другом. Почти никогда не знал он ответа на самый важный вопрос в науке: почему?

Учительский институт, который он окончил, не давал права поступать в университет, в технические институты. Необходимо было сдать экстерном экзамен за полный курс гимназии и получить аттестат зрелости. Требовалось и знание древних — латинского и греческого — языков в объеме полного гимназического курса.

Выучить экстерном древние языки было почти невозможно даже для такого способного человека, как Губкин. Он решил держать экзамен в высшее техническое учебное заведение. Продолжая работу в школе, он готовится к экзаменам, блестяще их сдает и получает наконец-то открывающий ему дорогу к высшему образованию аттестат зрелости.

В 1903 году Иван Михайлович Губкин держит экзамен в знаменитый, старейший в России, Горный институт. Желающих поступить в этот институт множество. На 50 вакансий 600—700 прошений. Странное впечатление производит среди молодых людей, только что закончивших гимназии и реальные училища, тридцатидвухлетний учитель с бородкой и пенсне... Однако он выдерживает вступительные экзамены с таким блеском, что фамилия его запоминается сразу...

Но почему Губкин становится геологом? Впоследствии он вспоминал переводную книжку фон Котта «Геология», довольно посредственную. Но она увлекла молодого учителя необыкновенной широтой задач, стоящих перед каждым, кто решил стать геологом. Найти ответы на многие вопросы, касающиеся происхождения Земли, ее гор и океанов, научиться искать и находить природные богатства, которые лежат в основе самого существования человечества... Да, это завидная доля!

Геология оказалась истинным призванием Губкина, в ней только и могли проявиться свойственные ему необыкновенная интуиция, способность находить неожиданные решения, смелость, которая многим казалась этаким «полетом фантазии»...

Ивану Михайловичу Губкину было почти тридцать девять лет, когда он окончил Горный институт, отчетливо сознавая, что в геологии его привлекает больше всего нефть. И не только потому, что к моменту окончания института жидкое горючее стало занимать все большее и большее место в технике и экономике. Начиналась эра двигателя внутреннего сгорания, дизели начинали вытеснять старые паровые машины, появился автомобиль, и уже можно было предсказать ему невероятное будущее. Нефти требовалось все больше и больше, и геолог-нефтяник начал занимать главенствующее место среди других геологов.

Но не только практическое значение нефти заинтересовало Губкина-студента, а потом Губкина-инженера. Нефть его интересовала прежде всего и больше всего — как ученого.

Нефть — загадочный минерал. До сих пор идут споры о ее происхождении, до сих пор не существует сколько-нибудь точных методов ее обнаружения. Иногда обнаруживают нефтяные струйки, вытекающие на поверхность,— бросаются бурить скважину, и она оказывается или совершенно бесплодной или дает такое количество нефти, которое не может оплатить расходы на бурение.

Губкина интересовали фундаментальные теории, объясняющие законы распространения нефти в земле. Только теория может помочь в поисках минерала, в котором будущая технология нашей цивилизации. Теория плюс... плюс интуиция. Про Губкина говорили, что владеет «дьявольской интуицией».

В России с 1882 года существовал Государственный геологический комитет — ГЕОЛКОМ. В его задачи входило систематическое изучение геологического строения страны и ее минеральных богатств. В этот комитет поступил в качестве научного работника Губкин по окончании Горного института. Новый сотрудник очень скоро завоевал репутацию человека, способного разгадывать многие загадки.

Одной из первых загадок, которые разгадал Губкин, была майкопская нефть. Знали, что в этом

районе существует нефть с XVIII века: нефтяные пленки, даже подобие нефтяных ручейков не оставляли сомнений. Когда начался нефтяной бум и нефть стала давать ее владельцам миллионные прибыли, майкопскую нефть стали разрабатывать. И казалось, что ее богатства огромны. Но дальше с майкопской нефтью начались странные явления. В одном месте — ее много. Бурят рядом — пустая скважина. Майкопская нефть не подчиняется никаким известным законам распространения нефти.

Промышленники приглашали известных специалистов, выписывали горных инженеров из-за границы, но результатов не было. Обратились в Геологический комитет. Он командировал для разгадки майкопского чуда Губкина. Он не тыкал наугад землю буровыми скважинами. Глубокое изучение майкопского нефтерождения привело его к открытию нового, неизвестного в нефтяной геологии типа нефтяного горизонта.

Миллионы лет назад нефть в этих местах растекалась по оврагам, по балкам, по всей причудливо изрезанной местности — накапливалась. Потом в эти места пришло море. Наслоения на его дне накрыли нефть, которая не собралась под обычными нефтяными куполами, а растеклась рукавами, как речки, как дельта большой реки. Таких месторождений раньше не знали. Это было первое большое открытие Губкина.

Позже в Соединенных Штатах Америки нашли подобные залежи нефти. В 1912—1913 годах Губкин составил структурные карты майкопского нефтяного месторождения. Они дали возможность начать настоящее промышленное освоение майкопских нефтяных богатств. Успех Губкина в Майкопе создал ему имя. Сотрудника Геологического комитета начинают вызывать для консультации владельцы крупных нефтяных залежей, те «столбопромышленники», которые захватили в свои руки почти весь Апшеронский полуостров, все окрестности самого богатого нефтяного района России — Баку.

Губкин едет в Баку. Там идет хищническая эксплуатация нефтяных богатств. Бурят где попало, ищут только фонтанирующие залежи, подбираются под скважины соседей. Никто не думает о том, сколько нефти пропадает зря, сколько ее остается в земле, чтобы навсегда исчезнуть для эксплуатации. Губкин не может навести порядок в этом хаосе. Но, внимательно всматриваясь в геологическую картину бакинских залежей, дает точные прогнозы, старается убедить владельцев нефтяных приисков перейти от случайных поисков и хищнического

выкачивания нефти к научной и обширной, рассчитанной на долгое время разработке нефтяных залежей.

Меньше чем за четыре года после окончания института Губкин приобретает репутацию одного из наиболее опытных нефтяников. Ему платят сто рублей в день. Впервые в жизни после бедноты и бесконечных забот о том, как прокормить семью,— у него уже двое детей! — Губкин чувствует себя обеспеченным человеком. Он материально достиг намного больше того, о чем мечтали его бабушка, его родня.

Владелец большинства бакинских промыслов миллионер Гукасов пробует переманить Губкина к себе на службу, обещая ему жалованье, превышающее жалованье министра... Но Губкина нельзя купить. Он не собирается уходить из Геологического комитета, ибо только там он может вести научную работу. Он не может не думать о том, что значит для его родины нефть. Он убежден, что нефть в России есть не только на Юге, в Баку, но и в других районах.

Начавшаяся в 1914 году первая мировая война сразу же показала, что означает нефть, жидкое горючее для экономики страны, для ее обороноспособности. В 1916 году, в статье «Нефть», Губкин писал: «Если мы сумеем действительно развить наши производительные силы и реализовать наши скрытые великие возможности, нашу родину ожидает великое будущее».

К 1917 году Губкин известен не только как удачливый горный инженер, но и как большой ученый, с которым связаны успешные поиски нефти в новых районах, а самое главное — новые методы поисков нефти.

Летом 1917 года Губкин уезжает в Америку. Достаточно грамотные капиталисты, которые вошли во Временное правительство, понимают значение нефти для развития экономики. Они решают послать в Соединенные Штаты, которые уже считались страной наиболее высокой нефтяной индустрии, группу ученых для изучения американского опыта поисков нефтяных месторождений. Губкин получает возможность посетить нефтяные прииски США, находит среди американских инженеров сторонников своей теории. Убеждается, что его методика вполне успешно может применяться в самых разных геологических условиях.

Известие о Великой Октябрьской революции пугает русских инженеров, и они решают остаться в Америке. Американские капиталисты предлагают Губкину самое высокое положение в инженерном мире США и самый высокий заработок. Но Губкина не могли купить русские капиталисты. Еще меньше шансов оказалось у американских.

Весной 1918 года Губкин уезжает. Через Стокгольм добирается до Мурманска, оттуда по только что построенной железной дороге — до Петрограда, затем в Москву, куда уже переехало новое Советское правительство.

Полыхает гражданская война. Промышленность, производящая самое необходимое — оружие, боеприпасы, одежду,— не может работать без топлива. А все нефтяные залежи России — Баку, Майкоп, Грозный — в руках у белых. Старый ГЕОЛКОМ распался. Большинство сотрудников не желают сотрудничать с новой властью.

Для Губкина нет вопроса: с кем он? Сразу после приезда он пишет статью, в которой говорит: «...теперь, когда наука, оставив вершины ученого Олимпа, должна широко разлиться в народных массах, и не в тоге мудреца и мантии «доктора», а в простой рабочей блузе подойти поближе к жизни, к ее повседневным злобам и заботам. И жизнь возьмет свои права: при свете науки будет строиться новое общество, когда владыкой мира будет труд».

Иван Михайлович Губкин начинает организовывать новый ГЕОЛКОМ, привлекает туда тех ученых, которые остаются со своим народом. Первая забота нового ГЕОЛКОМА — поиски нефти в тех районах страны, где она прежде не добывалась. Из архивов Губкин получает все данные геологических разведок. Известно, что на Севере, в районе Ухты, найдены следы нефти. Ухта — дикий, неосвоенный север, непроходимая тайга, болота, комары, гнус... Но там надобно искать нефть! Владимир Ильич Ленин посылает телеграмму о том, чтобы форсировать поиски ухтинской нефти.

Губкин считает необходимым начать искать нефть и на Урале, в районе реки Чусовая.

В стране есть большие запасы горючих сланцев. Прежде к ним относились пренебрежительно: в них мало калорий, добывать их невыгодно. Губкин доказывает, что из сланца, из сланцевой смолы можно добывать бензин и керосин. По указанию В. И. Ленина создается управление для добычи и переработки сланца — «Главсланец», начальником назначается Губкин.

Одновременно Губкин становится главным организатором всех геологических экспедиций. В годы гражданской войны и всеобщей разрухи снарядить экспедицию непросто: надо достать сапоги, одежду, геологический и измерительный инструменты, одеяла, палатки, оружие, теплушки... Летом 1918 года, в самый разгар гражданской войны, Губкин снаряжает отряды геологов на Север, к Печоре, на Среднюю Волгу — к Симбирску. Сам едет в экспедицию на Волгу искать сланцы, организует их добычу в Ундорах под Симбирском.

Нет квалифицированных рабочих, нет тачек, топоров, кирок. Губкин сам строит штольню, учит крестьян из близлежащих деревень работать на шахте. В Поволжье Губкин занимается не только работой шахтного мастера. Он ученый, он исследует местность и приходит к выводу, что тут — в центре страны, на самой главной водной ее артерии — огромные запасы драгоценной нефти.

Осенью 1919 года Губкин пишет статью, в которой категорически утверждает, что в Поволжье «при благоприятных условиях разведки к жизни может быть вызван новый громадный нефтяной район, который будет иметь мировое значение».

Мы-то теперь знаем, каким точным оказался губкинский прогноз, какое значение имели нефтяные залежи на Волге, в Башкирии! Но тогда, в 1918—1919 годах, предсказания инженера Губкина казались фантастическими, некими «волшебными сказками». А было в то время не до сказок... И именно Губкину приходилось в Москве распределять каждый приходящий в столицу советской России пуд угля, бензина, керосина, дров, сланцев...

Кончается гражданская война. «Нефтяной комиссар» — так прозвали в те годы Ивана Михайловича Губкина — занимается не тем, что было его главным и привычным делом — нефтью, а совсем другим минералом — железной рудой. Железо — основа индустрии, «черный хлеб» промышленности.

Предполагали, что большие запасы железной руды находятся далеко за Уралом, в Сибири и на севере Европейской России. Но там нет дорог, мало людей, и освоение этих богатств — дело трудное и длительное. В то же время ученые давно наблюдали и пытались объяснить редкостное явление в центре России — среди полей и степей между Курском и

Белгородом. Магнитная стрелка компаса указывала здесь своими полюсами восток и запад, а то и вовсе крутилась как сумасшедшая.

Ряд ученых, в том числе профессор Московского университета Э. Е. Лейст, предположили, что причиной такой магнитной аномалии является огромное железорудное тело, раскинувшееся на многие сотни километров глубоко под пластами курского и белгородского чернозема. С конца прошлого века начал Э. Е. Лейст ездить летом в эти края, составлял карты, таблицы. Все материалы многолетних изысканий летом 1918 года Лейст увез в Германию и там вскоре умер.

В 1920 году, когда еще не отгремела гражданская война, из Германии приехал в Советскую Россию родственник Лейста некий Штейн. Он сообщил, что является единственным обладателем всех материалов о Курской магнитной аномалии, собранных бывшим московским профессором. Он продавал их Советскому правительству за пять миллионов золотом... Переговоры он вел с Главным геологом Республики — Иваном Михайловичем Губкиным. Губкин не сомневался, что причина магнитной аномалии — в неимоверных залежах железной руды. Но на предложение приезжего авантюриста ответил категорическим отказом. И не только потому, что пять миллионов золотом страна тогда не могла заплатить. Губкин был уверен в возможности советских ученых собственными силами найти и открыть богатства, принадлежащие народу.

По распоряжению В. И. Ленина создается Особая комиссия по изучению Курской магнитной аномалии. Ее председателем и научным руководителем назначается И. М. Губкин. А заместителем — крупнейший физик П. П. Лазарев. К работе Особой комиссии Губкин привлекает весь цвет русской науки: А. Ф. Иоффе, А. Н. Крылова, А. М. Ляпунова, А. Е. Ферсмана, В. А. Стеклова, Ю. М. Шокальского, А. Д. Архангельского... Все понимают значение для будущего страны «находки» в курских полях.

1921 год. Он складывается еще тяжелее прошлых. На усталую, разоренную страну сваливается небывалый голод в Поволжье. Но именно в этом году под городом Шигры Курской губернии устанавливают первую буровую вышку.

В 1922 году стальной бур достигает первых горизонтов рудной массы. Но этого недостаточно, чтобы судить о реальных богатствах Курской аномалии. Работы продолжаются. Каждый день Губкин просматривает очередную сводку с буровых вышек, нащупывающих главное рудное тело. Сам ездит проверить, как идут работы.

7 апреля 1923 года из буровой скважины № 1 добыли железорудный кварцит — в нем обнаружили 60% магнетита — высококачественного сырья для металлургической промышленности. Это была победа! Богатства, имеющие мировое значение, обнаружены силами советских ученых и рабочих. Советская наука доказала, что может решать самые сложные задачи.

Во всех газетах и журналах печатались корреспонденции, беседы с учеными. О первых, добытых из-под земли кусках курской руды писали очерки, рассказы, стихи... Прозвучал громовой голос Владимира Маяковского:

Двери в славу —
двери узкие,
Но как бы ни были узки,
Навсегда войдете вы,
кто в Курске
Добывал
железные куски...

А на территории Курской аномалии деловито бурились новые и новые скважины. В 1924 году начинается работа над проектом первого рудника.

Теперь Курская магнитная аномалия — КМА — является одним из самых главных железорудных богатств страны. Напоминанием о том, кто стоял у истоков крупнейшего, развивающегося промышленного района, служит название города Губкина — возникшего в центре КМА, на месте старой деревушки Коробково.

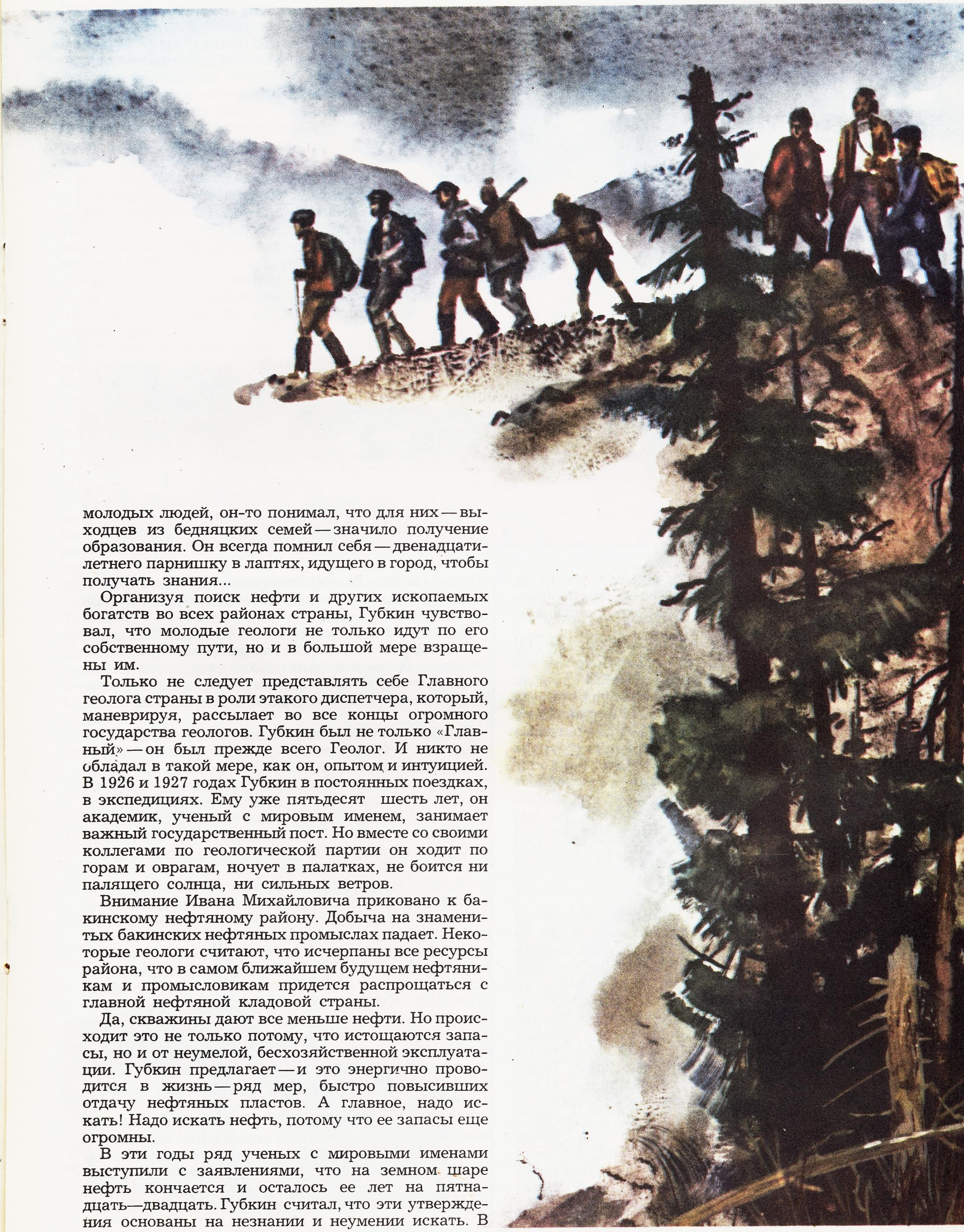
Однако, сколько бы сил и внимания Ивана Михайловича Губкина ни занимала КМА, он попрежнему оставался «нефтяным комиссаром» страны. И главной его заботой была нефть. Для растущей индустрии Советской страны бакинской нефти не хватало. Нефть и все остальные минералы недаром называются невосстановимыми. Запасы нефти истощаются. Главная задача ученых-геологов — поиски новых запасов нефти.

Губкин был убежден, что решать эту задачу нельзя вслепую. Нужно развивать большую науку. В знаменитом, ставшем классическим труде «Учение о нефти» Губкин обобщил многолетние исследования о происхождении нефти и условиях создания нефтяных месторождений. Работы Губкина не оставляли сомнений в том, что нефть органического происхождения. Что она является результатом остатков — торфа, органического ила — сапролитов. Губкин установил, что процесс образования нефти не закончился миллиарды лет назад, что он продолжается и в наше время.

Работы Губкина поражали его ученых-современников глубиной и оригинальностью выводов. На сессии Международного геологического конгресса утверждение Губкина, что между грязевыми вулканами — явлением, издавна известным,— и нефтяными месторождениями есть прямая связь, вызвало всеобщее недоумение. Теория Губкина позволила предсказать залежи нефти в таких районах, которые считались ранее совершенно неподходящими для поисков нефти. Могучие фонтаны нефти удалось получить в тех местах, которые точно были указаны Губкиным.

Невозможно переоценить всю гигантскую работу, которую проделал этот тихий человек с внешностью старого сельского учителя. Он рассылал во все концы Советского Союза не одну-две геологические партии — тысячи и тысячи геологов. Их надо было подготовить. В Москве создается высшее геологическое учебное заведение — Горная академия. С 1920 года — Губкин профессор, а с 1922 года — ректор Московской Горной академии. Там он создал такую сильную и разностороннюю кафедру нефти, что на ее основе в 1930 году создается Московский нефтяной институт. Еще до этого, в 1924 году, Губкин организует Научно-исследовательский нефтяной институт.

В учебные заведения, созданные Губкиным, хлынул поток молодых людей, многие из которых не только были детьми рабочих-нефтяников, но и сами уже успели поработать на промыслах. Конечно, никто из них не мог бы выдержать такой конкурс, который в свое время выдержал Губкин, поступая в петербургский Горный институт. Не у всех поступавших было законченное среднее образование. Но при Горной академии, при нефтяном институте были созданы РАБФАКИ — рабочие факультеты, на которых недостаточно подготовленные парни и девушки готовились к поступлению в институт. Губкин сам участвовал в отборе кандидатов, в экзаменах, он пристально вглядывался в этих



молодых людей, он-то понимал, что для них — выходцев из бедняцких семей — значило получение образования. Он всегда помнил себя — двенадцатилетнего парнишку в лаптях, идущего в город, чтобы получать знания...

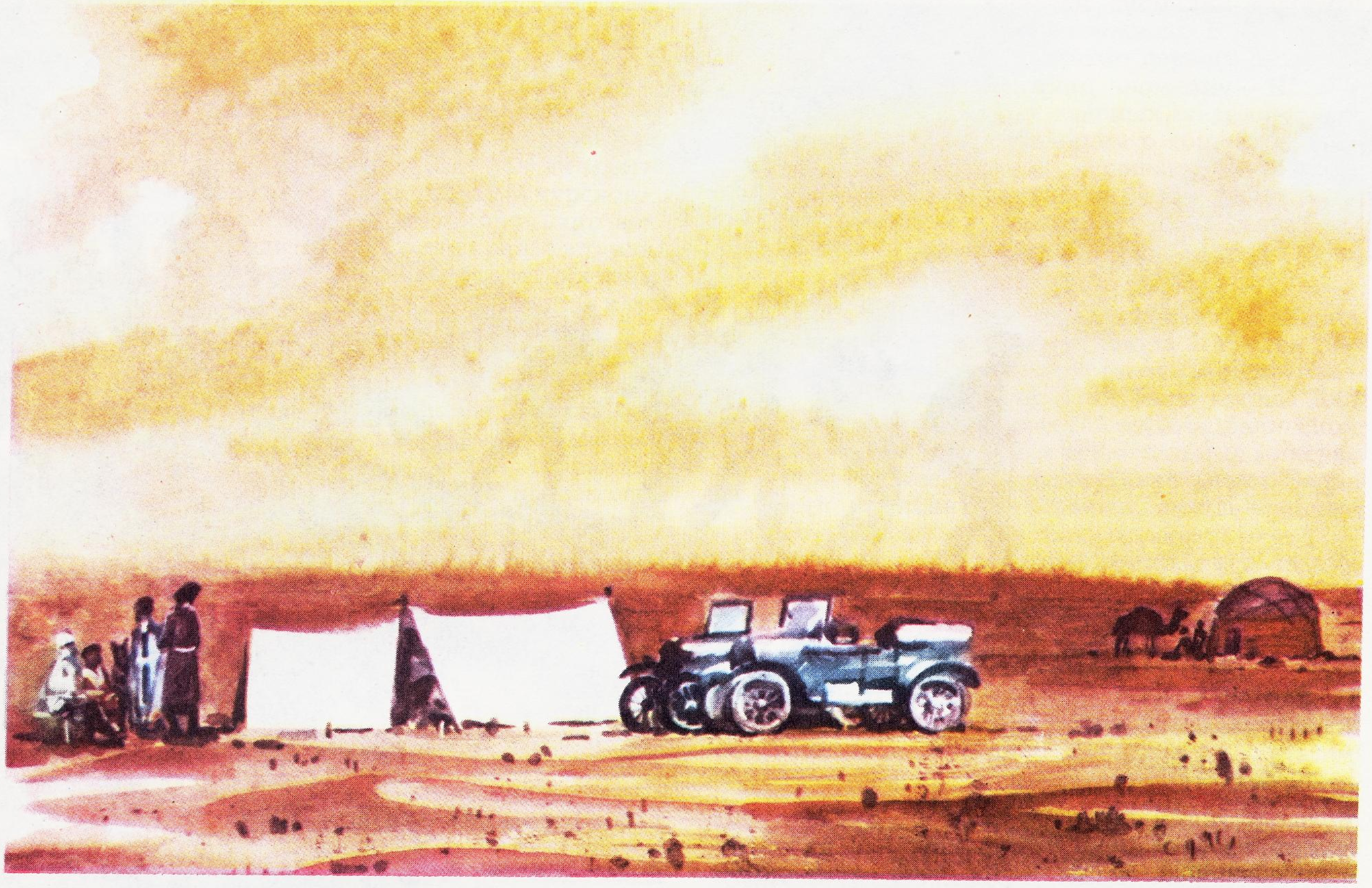
Организуя поиск нефти и других ископаемых богатств во всех районах страны, Губкин чувствовал, что молодые геологи не только идут по его собственному пути, но и в большой мере взращены им.

Только не следует представлять себе Главного геолога страны в роли этакого диспетчера, который, маневрируя, рассылает во все концы огромного государства геологов. Губкин был не только «Главный» — он был прежде всего Геолог. И никто не обладал в такой мере, как он, опытом и интуицией. В 1926 и 1927 годах Губкин в постоянных поездках, в экспедициях. Ему уже пятьдесят шесть лет, он академик, ученый с мировым именем, занимает важный государственный пост. Но вместе со своими коллегами по геологической партии он ходит по горам и оврагам, ночует в палатках, не боится ни палящего солнца, ни сильных ветров.

Внимание Ивана Михайловича приковано к бакинскому нефтяному району. Добыча на знаменитых бакинских нефтяных промыслах падает. Некоторые геологи считают, что исчерпаны все ресурсы района, что в самом ближайшем будущем нефтяникам и промысловикам придется распрощаться с главной нефтяной кладовой страны.

Да, скважины дают все меньше нефти. Но происходит это не только потому, что истощаются запасы, но и от неумелой, бесхозяйственной эксплуатации. Губкин предлагает — и это энергично проводится в жизнь — ряд мер, быстро повысивших отдачу нефтяных пластов. А главное, надо искать! Надо искать нефть, потому что ее запасы еще огромны.

В эти годы ряд ученых с мировыми именами выступили с заявлениями, что на земном шаре нефть кончается и осталось ее лет на пятнадцать—двадцать. Губкин считал, что эти утверждения основаны на незнании и неумении искать. В



1937 году он говорил: «Наших запасов хватит не только для построения коммунистического общества, но и для того, чтобы обеспечить счастливую жизнь будущих поколений».

Иван Михайлович Губкин умер в 1939 году. Со дня его смерти прошло почти полвека. Но как же блестяще оправдался его оптимизм! За эти полвека нефть стала основным источником энергии для промышленности, и прежде всего для транспорта. Количество добываемой нефти достигло астрономических размеров. И время от времени снова раздаются пессимистические утверждения о конце «нефтяного века». Конечно, нефть — невозобновляемый минерал. Ее запасы небесконечны. Добывать ее становится все труднее и дороже. Но она есть! И по-прежнему, как учил Иван Михайлович Губкин, искать ее надо не вслепую, а на основе строгих и точных научных теорий. В том числе и тех, что создавал академик Губкин.

Губкин рассмеялся бы, услышав про себя, что он «теоретик»... Конечно, он создавал теории, но на практике проверял их сам, своими глазами, своими руками. В 1934 году он в Баку сел на небольшую шхуну, пересек Каспийское море, высадился на противоположном берегу, объехал Красноводск, Челекен, Небит-Даг!.. Жаркие пустыни, все сжигающая жара, песчаные бури. Он прошагал, проехал по всем этим безжизненным местам. Мог ли он представить себе, что через полвека здесь будут красивые города, зеленые парки, фонтаны?! И все это будет вызвано к жизни нефтью, месторождения которой он не только предсказал, но и доказал.

Уже в то время, когда весной 1918 года Губкин вернулся из Америки в Россию, ставшую Советской, он понимал, что для будущего страны недостаточно иметь только один промышленный нефтеносный район. Нужен по меньшей мере еще один. Нужно «второе Баку»! Где его искать? Для Губкина почти не было сомнения — на Волге, главной водной артерии страны.

Неподалеку от знаменитых Жигулей находили следы нефти, горючие сланцы, даже пробовали добывать битум и асфальт. Но даже самым смелым геологам не приходило в голову, что в самом центре России может быть обнаружен огромный нефтяной район.

Рассказывая о жизни Ивана Михайловича Губкина, так соблазнительно развернуть повествование о рождении «второго Баку». Это было предприятие, удивительное по размаху, драматическое по многим разочарованиям, приключенческое по тому, что пережили многие искатели нефти на берегах Волги, в степях Башкирии... Но мы это делать не будем: о «втором Баку» написано столько книг, что нет надобности повторяться.

«Второе Баку», предсказанное и в большой мере созданное усилиями Губкина и его сотрудников, по своему размаху намного опередило «первое Баку». Волго-Уральская нефтегазоносная область, как ее называют геологи, охватывает три автономные республики РСФСР — Татарскую, Башкирскую, Удмуртскую — и семь областей: Пермскую, Оренбургскую, Куйбышевскую, Саратовскую, Волгоградскую, Кировскую, Ульяновскую. В Саратовской области к началу войны были открыты огромные запасы газа. Именно саратовским газом начала отапливаться послевоенная Москва. Много позже было обнаружено одно из крупнейших в мире скоплений газа в Оренбургской области.

Губкина давно уже не было в живых, но стремительно разворачивались поиски нефти на востоке от «второго Баку». Никогда прежде геологам не приходило в голову, что промышленные запасы нефти могут обнаружиться в бескрайних болотах и лесотундре Сибири. Но еще в марте 1934 года

Губкин, обращаясь к работникам промышленности, говорил: «Я полагаю, что у нас на востоке Урала, по краю великой Западно-Сибирской равнины, могут быть встречены структуры, благоприятные для скопления нефти».

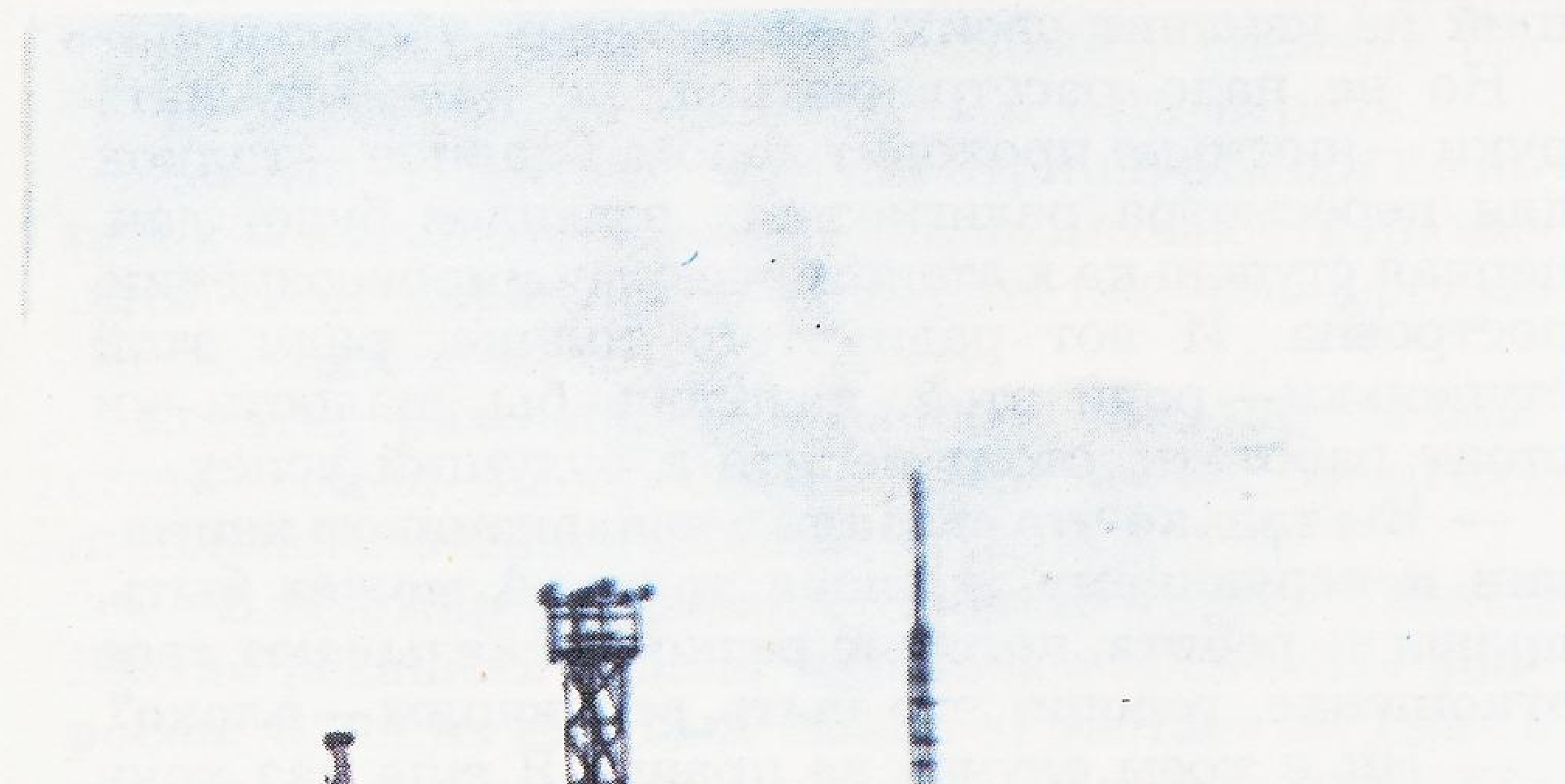
Губкин считал, что нефть имеется и в Узбекистане, что там следует искать большие запасы нефти и газа. Он называет географическую точку, которую тогда никто и не слышал и которая теперь знакома всем,— Газли.

История жизни Ивана Михайловича Губкина может на первый взгляд показаться драматичной, полной житейской тягости. Беднота, десятки лет упорного учения, стремления «выйти в люди» — как этого хотела бабушка Федосья Никифоровна; позднее приобщение к науке, которую он так любил... Но в действительности жизнь Губкина была на редкость счастливой. И не только потому, что он успел сделать. Но и по его собственному самоощущению.

В своем огромном труде, забиравшем все время, все физические и душевные силы, он был счастлив. В 1936 году, всего за три года до смерти, Губкин писал: «Несмотря на свои 65 лет и убеленную сединами голову, я полон жизнерадостности, энергии и никак не чувствую себя стариком. Как перед молодым, передо мною «жизни даль лежит светла, необозрима»... Какая же завидная доля у этих открывателей!

Обычно когда говорят о посмертной славе открывателей, то ищут их имена на географических картах. Губкин никогда не думал об этом и, вероятно, усмехнулся бы, увидев в Белгородской области город Губкин. Но как же он был бы счастлив, рассматривая современную карту нашей страны! Он бы увидел города и поселки: Нефтезаводск — в Туркмении, Нефтекамск — в Башкирии, Нефтекумск — в Ставрополье, Нефтечалы и Нефтяные Камни — в Азербайджане, Нефтеабад — в Таджикистане, Нефтеюганск — в Тюменской области... Одних поселков с названием Нефтегорск три: в Красноярском крае, в Куйбышевской области, на Сахалине...

Может ли быть лучший памятник ОТКРЫВАТЕЛЮ!



О «святых письмах», верующих ребятах и атеистическом кружке

В третьем номере нашего журнала за прошлый год был опубликован очерк «Тихая Люда». В нем рассказывалось о сложных отношениях девочки из семьи баптистов с одноклассниками.

Редакция получила много откликов на этот очерк. Разные вопросы поднимают в письмах ребята.

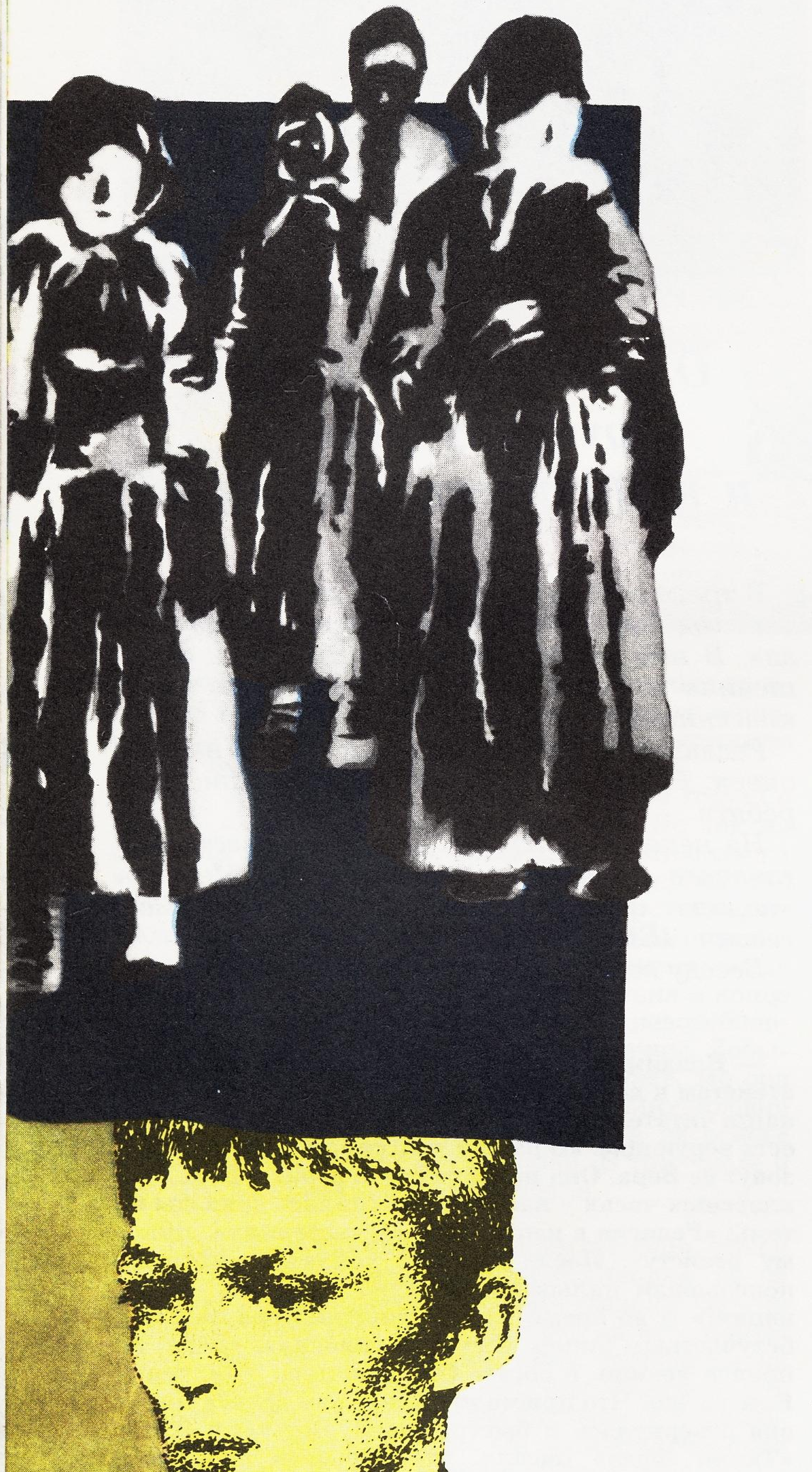
На некоторые из них отвечает ***заместитель главного редактора издательства «Мысль», кандидат философских наук Владимир Елисеевич ЧЕРТИХИН.***

Беседу ведет ***журналист Ирина Андрианова.***

— Владимир Елисеевич, как относиться юным атеистам к верующим ребятам? Во многих письмах наши читатели рассказывают о том, что в их классе есть верующие. «В нашем классе есть одна девочка, зовут ее Вера. Она не пионерка и верит в бога... На классных часах у нас часто готовились доклады на темы «Религия в наши дни», «О суевериях», «Юному атеисту». После каждого доклада некоторые показывали пальцами на Веру, кричали: «Верующая!» А во время наших занятий Вера сидела с безучастным лицом. Как-то я спросила: «Вера, ты правда веришь в бога?» Она ответила: «Да, верю! Вам-то что? Что пристали? Какое вам дело?» Потом она отвернулась и быстро ушла. Вот вы в статье «Тихая Люда» писали, что бороться надо не с верующими, а с верой. Совершенно правильно. Но если кто-то заговорит с Верой о боге, она отходит от того человека. О родителях Веры мы ничего не знаем. В нашей школе атеистического кружка нет, о чем я сожалею... Я хочу спросить «Пионер», как же все-таки сделать Веру пионеркой и убедить ее, что бога нет. А может быть, лучше Веру оставить в покое?» — пишет Лена И. из Москвы.

«Мы решили рассказать о мальчике из нашего класса. Зовут его Сергей. Все его дразнят «поп-

монах». Он тихий, такой же, как и Люда. Все его не любят. Но наш председатель отряда поставил вопрос об отношении к Сергею на отрядном сборе. Мы дали ему поручение, чтобы отвлечь его от церкви. Но он продолжает туда ходить. Напишите, что нам делать»,— спрашивает Аня П. из Донецкой области.



— Верующий в классе. Что делать окружающим? Бить в колокола? Тревожно обсуждать чрезвычайное положение? Нет, так вести себя неправильно. Правильно переубеждать верующего в спокойной, дружеской, доброжелательной обстановке. Многие ребята думают, что любого результата можно достичь быстро. Плохую оценку исправить к концу недели. На первое место выйти — в конце четверти. Переубедить верующего — в течение нескольких месяцев... Юные атеисты, взявшиеся за «переубеждение» своего товарища, должны твердо помнить, что не одна беседа, не одна-единственная прочитанная книжка на атеистическую тему поможет их подопечному, а много бесед, много книжек, постоянное ненавязчивое внимание, плечо друга рядом, если хотите. Пока человек сам не задумается. Это очень важно — задуматься самому. Поставить вопросы, без ответа на которые невозможно жить: «Действительно, есть ли бог на самом деле? Правильно ли я делаю, что не вступаю в пионеры?»

Здесь я хочу рассказать об одном интересном человеке — Александре Александровиче Осипове. Он верил в бога, был профессором, доктором богословия. Александру Александровичу поручили редактировать Библию, когда она переиздавалась в нашей стране. Редактируя эту «священную» книгу, Александр Александрович обнаружил массу ошибок. Кстати, по признанию богословов, в Библии до 15 тысяч противоречий. Александр Александрович стал искать ответы на свои вопросы — он ЗАДУМАЛСЯ. Обратился к научной литературе, к исторической, научно-атеистической. И в конце концов картина для доктора богословия проявилась — он увидел вместо священной книги Библии обычную книгу, написанную людьми. Александр Александрович Осипов стал атеистом. Он написал несколько интересных книг, уже отойдя от религии: «Путь к духовной свободе», «Мои беседы с верующими». Может быть, кому-то из вас попадутся эти книги, прочитайте их обязательно. И посоветуйте прочитать тем сверстникам, которые верят в бога.

Юные атеисты должны помнить, что результаты их бесед с верующим товарищем будут видны нескоро. Может и так случиться, что после многолетней кропотливой атеистической работы верующий не изменит своих религиозных убеждений.

Но не надо расстраиваться, не надо опускать руки — ничто не проходит даром. Главное — толчок для пересмотра религиозных взглядов будет дан, первая ступенька к атеистическому мировоззрению построена. И вот ради этого толчка, ради этой ступеньки — ради этой, казалось бы, малости — и стоит работать, стоит верить в будущий успех.

— Вы только что сказали о ненавязчивом внимании к верующему, о плече друга. А может быть, правы те ребята, которые резко высказывают свое отношение, говоря, что быть верующим — плохо?

— Ни в коем случае не правы. Я еще раз хочу сказать, подчеркнуть: те, кто серьезно решил заняться атеистической работой, должны воспитывать в себе чувство уважения к верующим. В этом тоже заключается серьезность атеистической работы... И еще — человек, который хочет вести атеистическую работу, должен много знать. Вот все ли юные атеисты знают, что, например, многие религии построены на идее страдания? Их тезис: «Я должен страдать за веру». Ты в школе, посмеявшись над верующим сверстником, отдалив его от себя, решил: «Ага, вот он теперь задумается над своим поведением, перестанет верить в бога». Верующий сверстник приходит домой расстроенный, его начинают домашние расспрашивать, что случилось,— он рассказывает. А дома его ободряют:

«Страдай, переживай — это хорошо. Ты страдаешь не за себя, а за веру. Страдание — это знак богоизбранности». И выходит, что своими насмешками ты, атеист, укрепил верующего еще больше в его верованиях.

— Теперь, Владимир Елисеевич, мне хотелось бы обратить ваше внимание на так называемые «святые» письма. Оля Кошелева из Москвы пишет: «Здравствуй, «Пионер». Недавно мы с мамой получили «святое» письмо. В нем говорилось, что 12-летний мальчик встретил на берегу реки бога и тот дал ему письмо, которое нужно было переписать много раз... Далее в нашем «святом» письме шли всякие угрозы, мол, если не размножишь письмо или оставишь его у себя дома, будет плохо... «Пионер»! Объясни, что это такое «святые» письма».

Многие ребята рассказывают, что подобные письма они время от времени обнаруживают в своих почтовых ящиках. Как нашим читателям относиться к этим фактам?

— Я думаю, что «святые» письма необходимо разоблачать. Как разоблачать? Прежде всего занять твердую позицию, что все, о чем сказано в «святом» письме,— это выдумка. И не бояться, не сомневаться в своей правоте. Конечно, можно перепугаться, расстроиться, получив «святое» письмо, в котором предлагается переписать его несколько раз и за это получить якобы счастье, а в противном случае — если не переписывать — заболеть неизлечимой болезнью. Но каждый, кто получил подобное послание, должен знать, должен помнить, что «святые» письма пишут и посылают те, кто наверняка знает о сложной ситуации в той или иной семье, кто слышал, что у этого человека — горе, печаль, тяжелые, чрезвычайные обстоятельства. Человеку плохо, он пал духом, а тут как раз «святое» письмо пришло, а в нем слова о том, что счастье может исполниться, если переписать письмо девять раз. Всего-то, такая малая цена! И ты поддаешься, себя уговариваешь, мол, ничего, я в бога не верю, ничего не случится, если перепишу полстранички несколько раз — зато счастье придет!.. Есть люди, которые переписывают. Но в этом-то ловушка и заключается. Ты уступил, переписал, так совпало, что после этого действительно что-то переменилось в лучшую сторону, ты призадумался: «Может, вправду бог есть?» А потом ты начинаешь в бога верить.

Так что я считаю, твердая отрицательная позиция к «святым» письмам — это возможность проверить свой характер, свое мужество, пионерскую честь, если хотите.

Кстати, разговор о «святых» письмах может стать темой интересного доклада на занятиях школьного атеистического кружка.

— Владимир Елисеевич, в конце очерка «Тихая Люда» редакция задала читателям несколько вопросов. Один из них был такой: «Работает ли у вас в школе атеистический кружок?» На него ответили только двое — Слава М. из Ялты и Лена Леонова из Донецкой области.

Когда должен создаваться атеистический кружок в школе? Что должны делать в нем ребята?

— Ситуации могут быть разными. В той или иной школе есть верующие ребята или просто желание группы школьников получить атеистические знания — все это может послужить толчком к созданию в школе атеистического кружка.

В первом случае юные атеисты готовятся к работе с верующими сверстниками. Готовятся, а потом и работают. Желание получить атеистические знания — тоже очень серьезная причина для возникновения кружка. Ведь каждый из ребят не застрахован, что завтра, послезавтра он не встретится с верующим, с такой ситуацией, которая потребует прочных атеистических взглядов и знаний. Я имею в виду получение тех же «святых» писем или рассказ кого-либо о «святых» чудесах, в которые так хочется иной раз поверить.

Если в каждой школе или почти в каждой будет

работать атеистический кружок — это только прекрасно.

Теперь о тех, кто должен заниматься в кружке. На мой взгляд, в атеистический кружок нельзя тащить силком. Это дело добровольное. Того, кто хочет петь в хоре, невозможно научить красиво и тонко играть в шахматы, а любителя шахмат не заставишь петь. Ребята, которые пришли заниматься в атеистический кружок, должны понимать, что атеистическая работа — терпеливая, сложная, к ней надо серьезно себя готовить.

Единой программы для всех атеистических кружков нет. Но все же конкретные программы должны составляться, и тут многое зависит от возможностей школы. Например, нельзя сравнить условия работы атеистического кружка в Ленинграде или в Москве с работой кружков в сельской школе. У ленинградцев есть прекрасная база — Музей Атеизма, в котором можно провести ряд экскурсий; у москвичей — Исторический музей: многое даст юным атеистам лекция о возникновении религий, проведенная в этом музее. И вообще все те атеистические кружки, которые имеют возможность включить в свою программу посещения музеев, планетариев, обязаны возможность эту использовать.

Если члены атеистического кружка хотят познакомить своих одноклассников с атеистическими знаниями, они должны обратиться прежде всего к школьным учебникам. Например, в учебнике истории подробно рассказано о происхождении человека и возникновении религии. От учебников надо постепенно переходить к дополнительной литературе, с помощью которой готовить доклады.

В каждой библиотеке можно повесить специальную полочку с книгами на атеистическую тему. Подбирать такие книги ребятам помогут библиотекари. Какие книги, какую литературу я бы посоветовал поставить на эту полочку? Обязательно «Настольную книгу атеиста», затем — «Мир вокруг нас» (Политиздат, 1979 год), ежегодник «Политиздата» «Атеистические чтения». Не должны школы забывать и журнал «Наука и религия».

Следующий момент работы атеистического кружка я бы обозначил так: «Атеистический кружок и выставки». Члены кружка могут активно использовать эту форму работы. Подготавливать иллюстрации, тексты, выбирать темы для своих выставок.

Еще раз хочу подчеркнуть — все, о чем сейчас было сказано, должны готовить члены атеистического кружка. Именно они пропагандисты атеизма среди школьников.

— Владимир Елисеевич, наша беседа подходит к концу, и я думаю, что читатели журнала — как юные атеисты, так и те, кто только-только решил заняться атеистической работой, воспользуются вашими советами.

— Сегодня мы лишь бегло коснулись самых разных моментов атеистической работы в школе. Поэтому разговор наш можно и нужно продолжить.

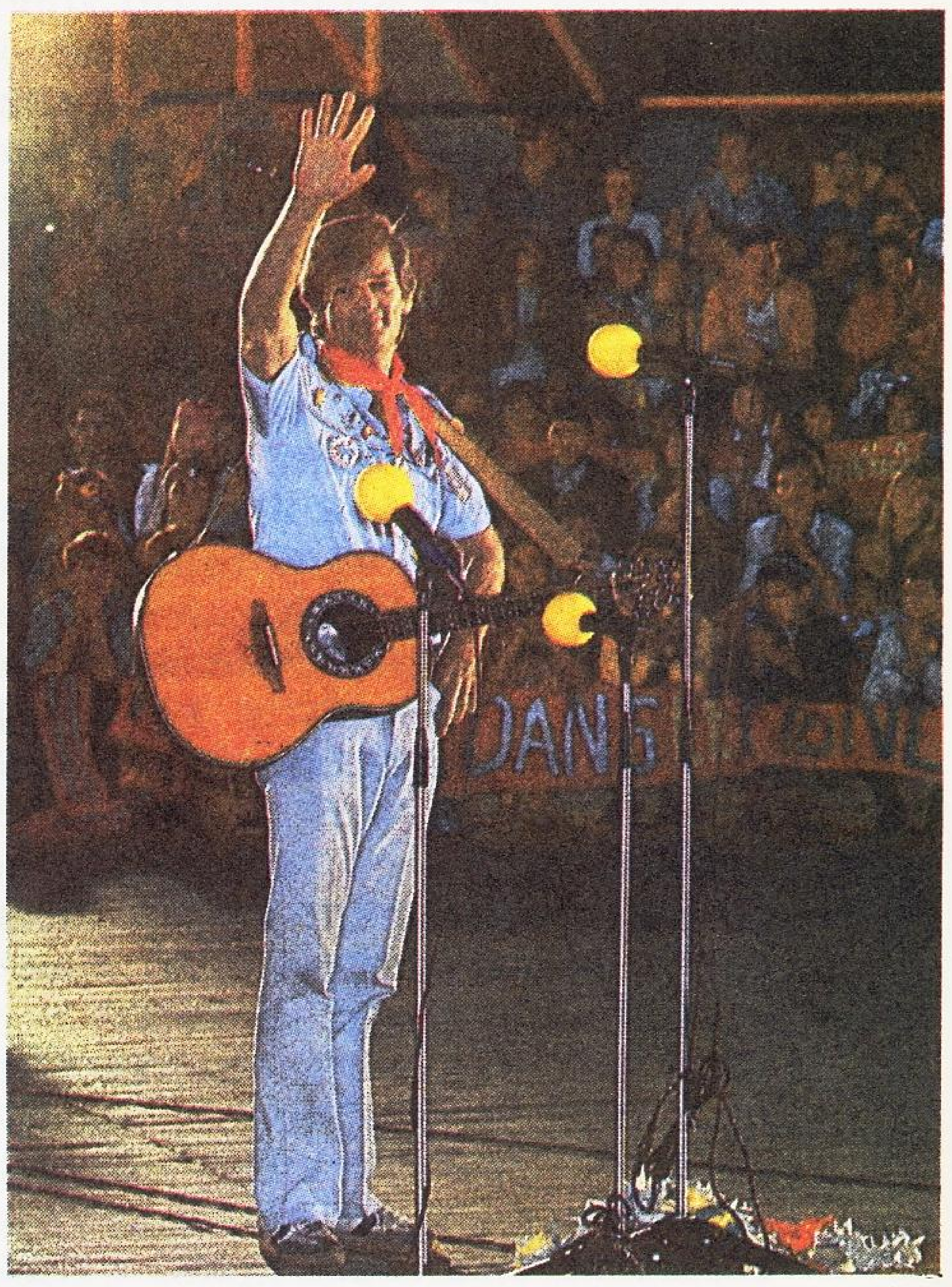
Надеюсь, что в своих письмах читатели выскажут мысли, которые возникли у них после прочтения нашей беседы, зададут вопросы, на которые мы постараемся ответить.

И в заключение я хочу посоветовать юным атеистам: не бойтесь обращаться за помощью к старшим. Без взрослых, без учителей, никак не обойтись: слишком много проблем, много сложностей в атеистической работе. Но работа эта интересна и необходима.

— Большое спасибо, Владимир Елисеевич.

ЭХО ФЕСТИВАЛЯ

ГОВОРЯТ ДЕЛЕГАТЫ И ПОЧЕТНЫЕ ГОСТИ МОСКОВСКОГО ФЕСТИВАЛЯ



«Будущее принадлежит молодежи. Но чтобы будущее было счастливым для всех людей планеты, надо бороться за мир против угрозы войны. Московский фестиваль — яркая, неповторимая страница борьбы за мир».

Алваро Куньял,
Генеральный секретарь
Компартии Португалии.

«Люди многое могут сделать для Земли, решить все пробле-

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА и В. ГУСЕВА.

мы нашего общения с природой. Одного нельзя допустить — войны. Земля, просторная для жизни, слишком мала для войн. Об этом говорил еще первый космонавт планеты Юрий Гагарин. Главное, чтобы на Земле был мир. Во всем остальном мы, как говорится, сообща в состоянии разобраться».

В. Джанибеков, В. Савиных,
экипаж орбитального комплекса «Салют-7» — «Союз Т-13».

«Я исполняю песни, за которые господа империалисты меня преследуют как политического певца. Уже в шести странах я имел возможность ознакомиться с постановкой тюремной службы. Последний раз в октябре прошлого года в Уругвае вместе с моими товарищами я был схвачен, жестоко избит полицией и брошен в тюрьму. И это за песни о мире и дружбе... Но эти песни не задушишь, не убьешь. И это показал Московский фестиваль».

Дин Рид.

«Для меня Московский фестиваль (так получилось) — первый в жизни. Я была в Лондоне, где родилась в 1945 году идея о проведении фестивалей. Я, как и все советские представители,

Окончание на IV обложке.

Лора КОСТАДИНОВА живет в столице Болгарии, в Софии, но она не один раз была в нашей стране и хорошо знает русский язык. Лора написала стихи о празднике, который она видела в Москве.

7-е ноября

Горит звезда рубиновым огнем.
Пятиконечная, лучистая звезда
Пылает ярко и победно над Кремлем —
Прекрасный праздник празднует Москва.

О славный день! Велик и ярок ты,
Ты красный день в моем календаре,
Ты день несбыточной, но сбывшейся мечты,
Зажегшей солнце людям в ноябре!

«Это стихотворение я начал писать в Литве, где в годы Великой Отечественной войны шла тяжелая борьба с оккупантами. Андрюс КРИВАС».
Андрюс живет в Перми, ему 13 лет.

* * *

Уж окопы травой заросли,
И давно отгремели сраженья,
Но, как призраки, страшные сны,
Бродят битвы прошедшей войны
Над окопами старыми тенью...

Здесь, у этой березы, горячий свинец
Просвистел, срезав тоненький прут,
И кому-то несла вражья пуля конец,
И на землю родную упал здесь боец...
Я сейчас призадумался тут.

Босоногий мальчишка бежит,
Он смеется, исполненный сил...
А солдат где-то здесь был убит,
Он сырою землею укрыт,
Парню он этот смех подарил...

Впрочем, люди, зачем же слова?
Помолчим, вспоминая о павших.
Много раз уж желтела листва,
Но народная память жива
О бойцах, смех ребячий спасавших.

Школьный сад

Еще тепло земля не отдала,
И тают, падая, снежинки,
Но в ветви сада уж вплела
Зима серебряные паутинки.

И стал грустить наш школьный сад
По тихим вечерам,
Когда уж в школе нет ребят
И их смолкает гам.

Заиндевелый, как во сне,
Грустит он о тепле
При тихой, призрачной луне,
В ночной туманной мгле.

А звезд хрустальный хоровод,
Снежинок кутерьма,
Над садом кружится, поет:
«Да здравствует зима!»

«ЗИМНИЕ ИГРЫ».
Нарисовала Лена КУРИЛЕНКО, 6 лет.

Игорь КРАВЧЕНКО живет на Украине, в городе Желтые Воды, учится в 7-м классе школы № 10.

Заветная мечта

Мечтаю летчиком я стать
И в небе высоко летать.

Взлетает быстро самолет,
И вот — стремительный полет!

Летит моя стальная птица
И в голубую даль стремится.
Быстрее чайки, звука, ветра
Лечу к своей мечте заветной!

*

Стихи Маши ЛЕВАДЫ, восьмиклассницы из Киева.

Рисунки

Войдешь в пещеру,
Поглядишь на стены,
Увидишь мамонта,
Бизона и коня.
И думаешь:
Так люди рисовали,
Здесь жившие
Задолго до меня.
Не знали и не думали те люди,
Что будем мы рисунки их искать,
Гадать: кто были,
И как жили,
И у кого учились рисовать.
Мы представляем темную пещеру,
Где племя первобытное сидит,
Где человек
Куском угля на стенке
Рисует мамонта
И что-то говорит.
Он дик и страшен.
Не умеет он размышлять,
Пахать, читать, писать.
Он первобытен...
Все же он умеет
Так много:
Он умеет
Рисовать!

*

«СНЕГОВИК».
Работа Оксаны БРОВКИНОЙ, 9 лет.

*

Стихи Дины ПАСЕНЮК, шестиклассницы из города Дзержинска.

Осенью

Сад стоит пустой.
Холодно в саду.
Мертвою листвой
Я шуршу, иду.
Жухлые цветы,
Черная земля.
Загрустила ты,
Загрустила я.

Мальчик

Читаю новенький журнальчик.
Он пахнет краской хорошо.
Дворовый пес по кличке Мальчик
Двор по-хозяйски обошел.

Вокруг все тихо, все в порядке.
С тоскою смотрит пес на дверь.
Никто не выйдет, и украдкой
Вздыхает добродушный зверь.

Лежит листва на будке, в чашке,
Легко дрожит от ветерка.
И грустно, зябко псу-бедняжке,
И цепь на нем звонка, тяжка.

Раз — отложила я журнальчик.
Взяла на кухне пирожок
И распахнула дверь: «Эй, Мальчик,
Давай вдвоем гулять, дружок!»

МАЛАЯ ПИОНЕРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ЛЕНИНСКОЕ ЗАДАНИЕ

В жизни нашей страны, каждого советского человека приближается важное событие: 23 февраля в Кремлевском Дворце съездов начнет свою работу XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Делегаты партийного форума: лучшие рабочие, колхозники, инженеры, ученые, писатели, космонавты — будут намечать планы на будущее, на XII пятилетку, сообща решать, как работать лучше, чтобы наша страна становилась богаче и могущественнее, чтобы лучше жила каждая советская семья. А в ноябре 1987 года мы будем отмечать 70-летний юбилей Октября — огромной важности события в мировой истории.

В честь этих знаменательных дат Ленинский комсомол проводит Всесоюзную патриотическую акцию — «Революционный держите шаг!». Ваши старшие друзья — комсомольцы готовят достойную встречу партийного съезда и грядущего юбилея революции.

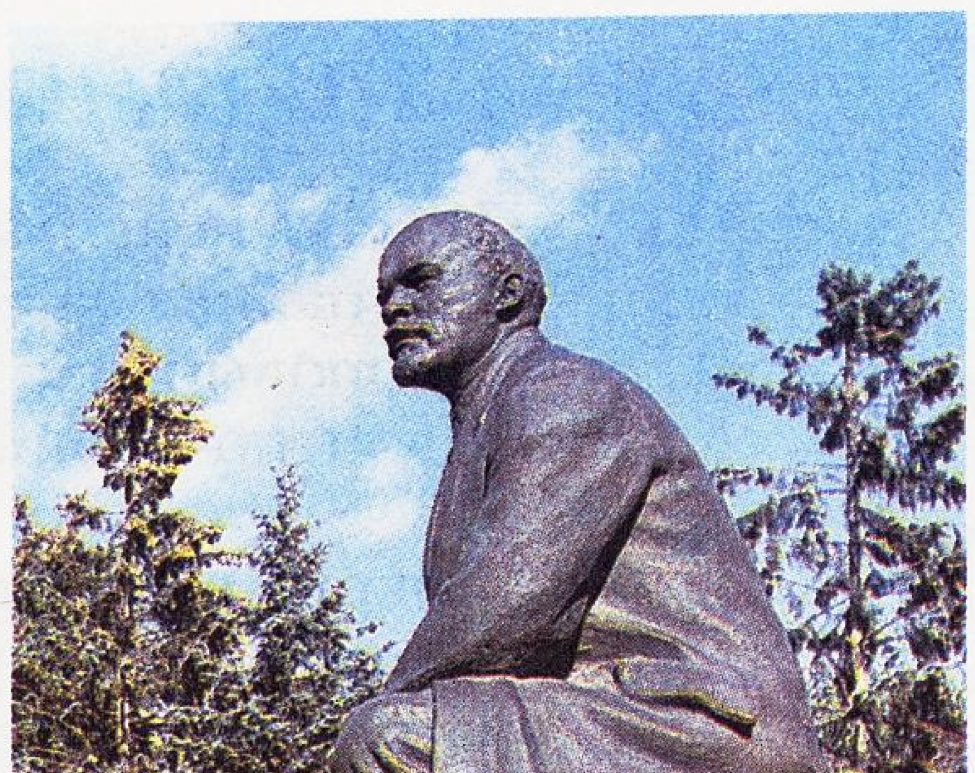
Городские, районные пионерские организации, пионерские дружины участвуют во Всесоюзной акции Ленинского комсомола, шагая маршрутами Всесоюзного Марша юных ленинцев, старт которому был дан 2 октября на пионерских линейках. Девиз пионерского Марша: «Революционный держим шаг!».

«Пионер, ты и твои друзья,— говорится в программе Всесоюзного Марша,— выросли в мирное время. И все, что вам принадлежит — дома, школы, пионерские лагеря, дворцы пионеров,— существует сегодня потому, что ваши деды и прадеды под руководством Коммунистической партии совершили Великую Октябрьскую социалистическую революцию, победили в гражданской и Великой Отечественной войнах. Сегодня советские люди, ваши родители и старшие братья продолжают великое дело, начатое революцией, строят в стране новую экономику и культуру, умножают завоевания Великого Октября. Тебе, пионер, и твоим товарищам продолжать революционные традиции старших поколений».

Каждая комсомольская организация, каждый комсомолец получили **ЛЕНИНСКОЕ ЗАДАНИЕ.** Ленинское задание получила и ваша дружина от райкома или горкома комсомола. Ленинское задание — важное поручение, и в выполнении его призван участвовать каждый юный ленинец.

Ленинское задание предусматривает участие пионерских отрядов и дружин в выполнении общественно значимых, важных дел для родного города, села, поселка, сами пионеры выступают с интересными предложениями, чтобы ленинское задание заинтересовало всех ребят.

В вашем городе, поселке или недалеко от них находится Всесоюзная ударная комсомольская стройка, и совет дружины намечает, когда и в чем пионеры могут помочь комсомольцам: участвовать в субботниках и воскресниках, выступать с концертами художественной самодеятельности, собрать библиотечку для шефов, участвовать в озеленении новостройки.



Каждая дружина — активный участник экспедиции «Летопись Великой Отечественной». Красные следопыты продолжают поиск фронтовых писем, ухаживают за памятниками и братскими могилами, записывают воспоминания героев ратного и трудового подвига.

Ленинское задание позовет вас в исторический поиск. Пионерская дружина составляет списки участников революционных событий, гражданской войны, индустриализации и коллективизации, ветеранов партии и комсомола, пионерского движения, а затем ребята записывают их воспоминания, оформляют красочные альбомы и стенды. В ходе Марша юные ленинцы встречаются с коммунистами, награжденными значком «50 лет в КПСС», а тимуровские команды продолжают шефство над ветеранами войны и труда.

Выполняя ленинское задание, вам предстоит уточнить, когда была установлена Советская власть в ваших родных местах, составить летописи улиц, носящих имя героев тех пламенных лет, помогать комсомольцам в шефстве над историческими зданиями, привести их в порядок. И у вас много добрых и надежных помощников в выполнении ленинского задания. Это комсомольцы шефствующих предприятий, колхозов и совхозов, работники местных партийных архивов, историко-краеведческих музеев, общества охраны памятников истории и культуры, общества книголюбов.

Итоги Марша юных ленинцев, выполнения ленинских заданий будут подведены на IX Всесоюзном слете пионеров в 1987 году. Активные участники Марша будут сфотографированы вместе с ветеранами партии у исторических и памятных мест, революционных реликвий. Они награждаются значком ЦС ВПО имени В. И. Ленина «За активную работу».

Юные пионеры! Добивайтесь права быть делегатом IX Всесоюзного слета, права, чтоб ваше звено, отряд, дружина получили звание правофланговых.

Если смотреть сверху

Внизу под крылом самолета горы, горы, горы... Иногда они покрыты лесом, и с высоты кажется, что на них накинули овечью шкуру, только зеленого цвета. Но чаще видишь голые холмы и вершины, выжженные солнцем и омытые дождями. Серебряными ниточками бегут реки, темно-синими глазами смотрят озера. Гористая страна Югославия.

На севере у нее есть равнина — обширная, с плодородными почвами, на юго-западе — море. Теплое, ласковое Адриатическое море. Со множеством прибрежных островов, с живописными заливами и бухтами. Оттуда, с Адриатики,— путь в Мировой океан...

Но мы все летим над хребтами и холмами. Крыши небольших городов и поселков — их большинство — кажутся рассыпанными кусочками черепицы, а крупные города — их мало — тянутся кверху столбиками белых многоэтажных домов.

В Югославии шесть республик. Называются республики так: Сербия, Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Македония, Черногория.

Белград

Над водой летают чайки. По реке идут теплоходы и баржи, торопятся куда-то катера-трамвайчики, снуют моторки. Река широкая, привольная. Поэты слагали о ней стихи, художники писали ее на холстах, композиторы посвящали ей музыку. Один из лучших вальсов так и называется — «Голубой Дунай».

На Дунае стоит много городов. А там, где он сливается с другой рекой — Савой, давно был возведен Београд (мы называем по-русски Белград — «белый город»). Это столица Югославии.

Белградские дома всё так же отражаются в речной глади, как и раньше. Только стали они выше, стройнее. Чистый город, с зелеными бульварами и парками.

За годы народной власти Белград вырос. На левом берегу Савы, где раньше была болотистая низина и куда охотники добирались на лодках пострелять уток, теперь красивый, просторный район Новый Белград. Там, где простиралось лягушачье и комариное царство, сейчас стоят светлые, удобные здания.

Главная магистраль этого района — бульвар Ленина. Через Саву к Новому Белграду перекинулись стройные мосты. Один из них назван «Газела». Он и впрямь похож на легкую, быстроногую газель, которая в один прыжок перемахнула реку...

Но как часто над белым городом поднимался черный дым войны. Белград много раз переходил из рук в руки. Он сражался, горел, погибал, побеждал, возрождался вновь.

О войнах далекого прошлого напоминает старинная крепость Калемегдан. Не везде сохранились ее стены. Их лизал огонь, по ним били ядра. Но то, что осталось — башни с бойницами, рвы, бастионы,— выглядит сурово, неприступно. И древние пушки смотрят с Калемегдана грозно, как в древние времена.

А вот и другие пушки — те, из которых стреляли в минувшую войну. И танки стоят поблизости — на их броню с веселыми криками залезают мальчишки и девчонки. В крепости сейчас военный музей.

Весной 1941 года на Югославию напали гитлеровцы. Они бомбили города и поселки, били из пушек по горам и лесам, утюжили танками поля и луга. Но не покорился югославский народ. Были созданы партизанские бригады. А потом все партизаны объединились в Народную армию. Во главе армии стал Иосип Броз Тито.

Война обрушилась страшным смерчем на небольшую балканскую страну. Погиб каждый десятый ее житель. В одном только Белграде было разрушено пять тысяч зданий. Освободили столицу 20 октября 1944 года.

Никогда не забыть белградцам тот день. В город вступали югославские и советские воины — плечом к плечу они сражались против гитлеровцев. Солдаты были пропыленные, пропахшие порохом, усталые, но с радостными глазами. А кругом море счастливых лиц и крики «Хвала!», и в руках наспех сделанные флажки, и цветы, цветы...

Неподалеку от центра города мемориальное кладбище освободителей Белграда. Здесь похороне-

ны 1359 югославских и 808 советских солдат. На одних плитах надписи полные — имя, фамилия, воинское звание, а есть могилы, где на камне одно лишь слово: «Василь», «Сидоровна», «Мишка-танкист». Больше ничего узнать о погибшем не удалось. Встречается и такая надпись: «Неизвестный воин Красной Армии». Некоторых убитых находили не сразу. Их доставали из-под развалин домов, обнаруживали среди покореженной техники.

О Мишке-танкисте белградцы вспоминают:

— Он первый ворвался в город...

— Он с ходу смял две немецкие пушки...

— А потом его танк подбили...

— Но он не остановился. Продолжал гнать фашистов...

— На перекрестке в танк попал еще один снаряд...

На могильных плитах свежие цветы. Их приносят и пожилые люди, которые видели кровь на белградских улицах, и пионеры, которые о войне знают лишь понаслышке.

У моря

А теперь давайте отправимся из Белграда на Адриатику. В тот край, где теплое море и скалы, где серебрится листва маслин и пахнет лавром, а маленькие — словно игрушечные — города прилепились к голубым бухтам. Адриатическое море и побережье югославы называют «Ядран».

Вам нравится ходить по песку? Под ярким солнцем он даже слепит. А какой горячий! Так и обжигает пятки. У самой воды, где набегают волны, хорошо собирать камушки. Они разноцветные и блестящие. Одни похожи на кусочки сахара, другие — на черносливины, третьи — красные, как стручок перца.

Очень любит рассматривать камешки пионер Душан. Сегодня ему попалась большая раковина — внутри оранжевая, а снаружи бурая. Приложи ее к уху — услышишь далекий шум. Недавно была буря. Море гнало огромные волны. Возле берега они с грохотом опрокидывались и, шипя, уползали назад, оставляя на песке клочья пены.

Чего только не было после шторма на берегу! Вот ствол дерева — сучья все обломаны, кора содрана. Откуда приплыл он и сколько болтался на волнах? Его швыряло на скалы, катало по гальке и песку. Уже не понять, что это было за дерево — лишь голый, безжизненный ствол. А вот кусок весла, а вон старая сеть...

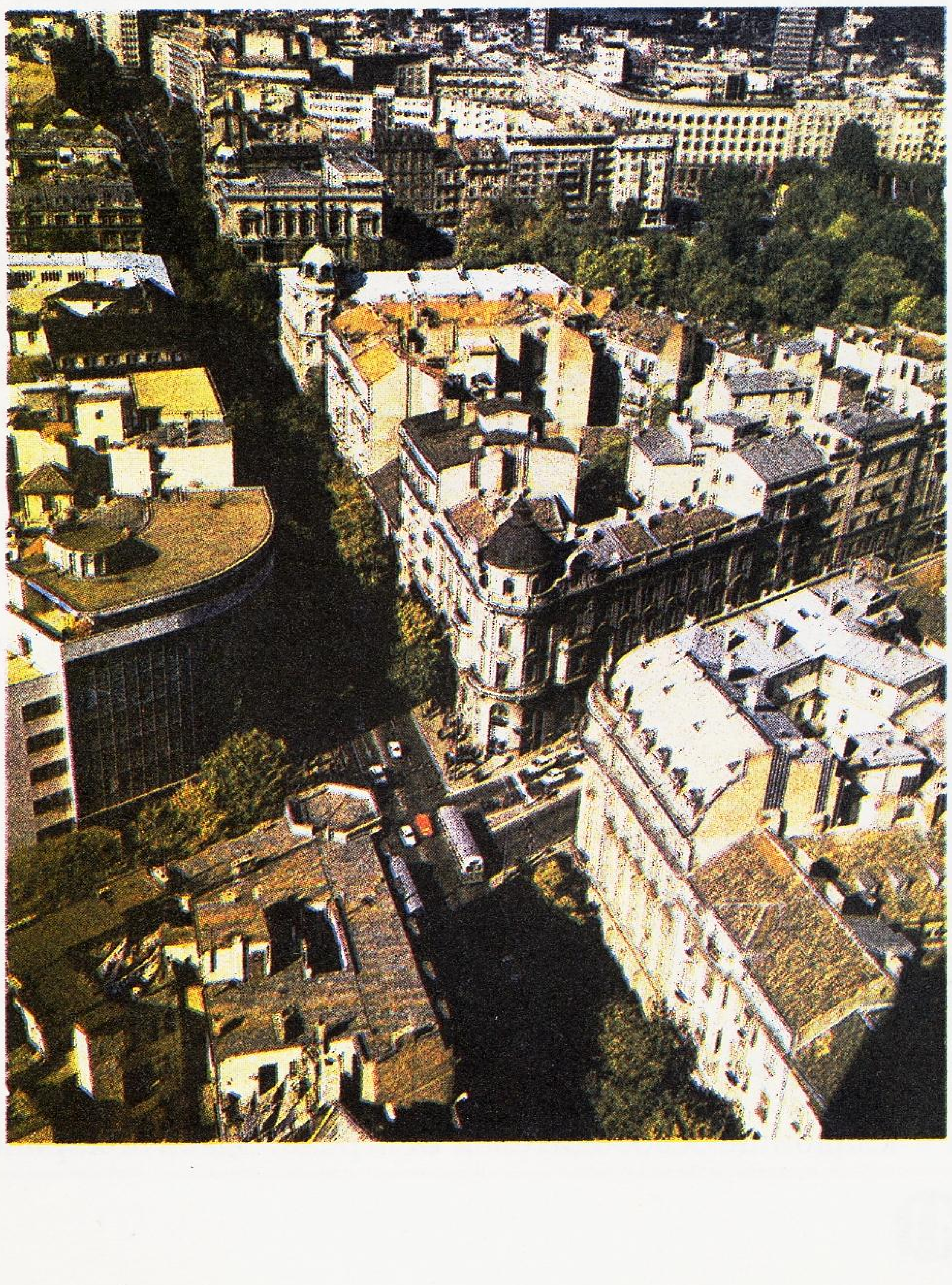
Душан помнит, как раньше дедушка выходил в лодке на море и тоже ставил сети. Душану было тогда пять лет. Теперь уже дедушка не рыбачит. Зато отец перешел работать на сейнер. Вот где сеть так сеть! Раз в сто длиннее, чем у дедушки.

Сейнер доставляет рыбу в город Сплит. Там

Белград с высоты птичьего полета.

Калемегданский холм.
Там, где сливается Сава с Дунаем.

На одной из центральных площадей югославской столицы.



большой порт. Из разных стран приходят туда корабли. Везут нефть, лес, хлопок, зерно. В Сплите есть верфь, где строят суда, есть химические и цементные заводы и много фабрик — трикотажных, кондитерских, обувных.

Душан не раз приезжал с мамой в Сплит встречать сейнер отца. Вечерами к морю опускалось солнце. Его отражение горело в окнах верхних этажей. Было красиво и немного страшно: не пожар ли?

А в старом центре города дома низкие, будто придавлены временем. Улицы узкие, короткие — много веков цокали по ним копыта лошадей да гремели обода повозок. Средь домов одиноко возвышается старинная колокольня.

...Душан прикладывает ухо к раковине. Надо же — шумит! Даже, кажется, зовет его: «Ду-ушан... Ду-у-шан...» Мальчик отстранил раковину.

— Ду-ушан!..

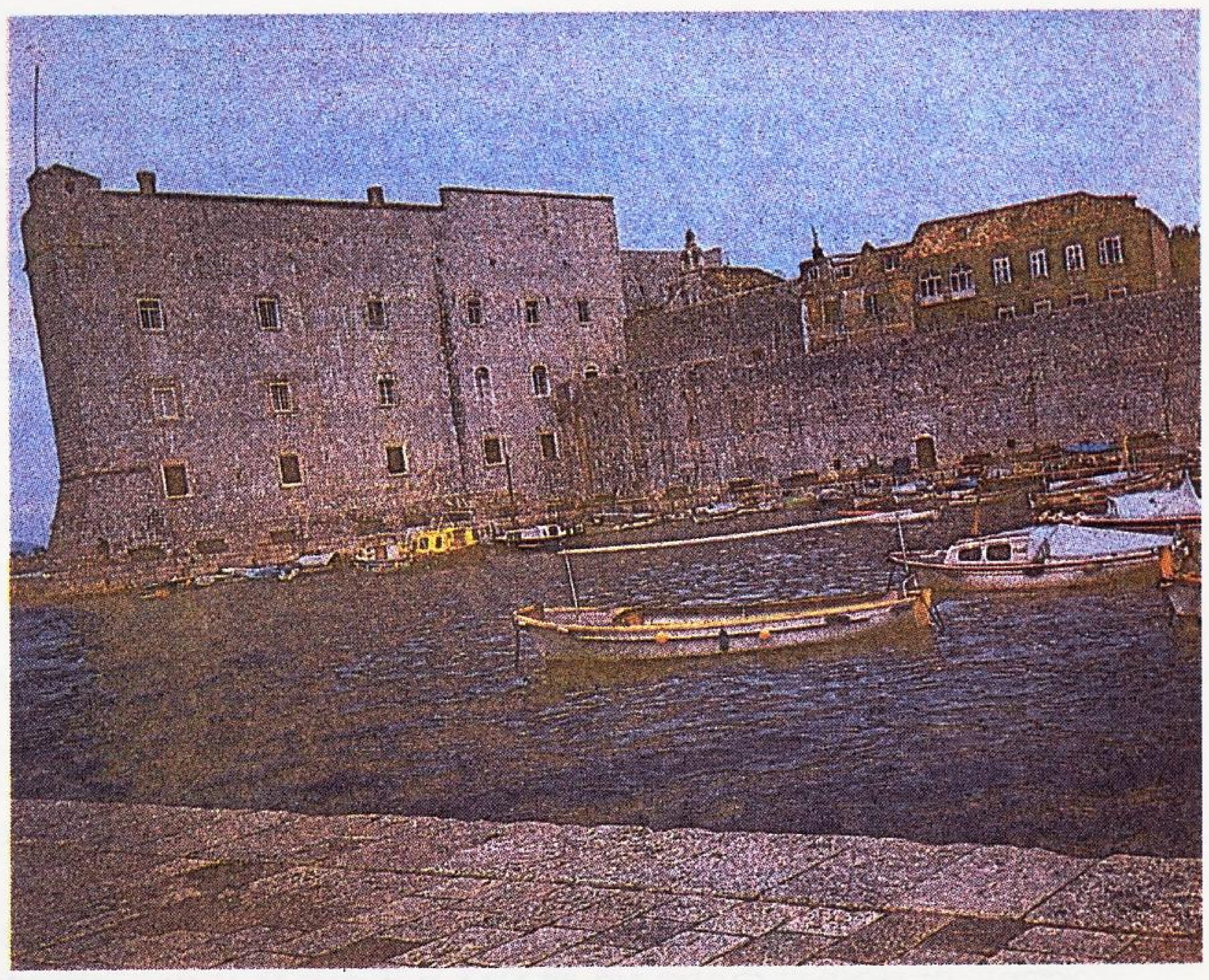
Так ведь это мама. Сегодня она обещала взять его на консервный завод — там она работает. Вот где интересно. Грузовики ежедневно увозят оттуда в банках и бутылках разные соки, сиропы, компоты и джемы.

Мама управляет конвейером, по которому движутся бутылки. До чего же умный механизм! В каждую бутылочку он наливает столько соку, сколько нужно. Потом надевает на нее жестяную крышечку и приклеивает этикетку.

Мама говорила, что в пятнадцать стран отправляются ее бутылки. На прошлой неделе Душан видел, как с конвейера сходили бутылки, на которых было написано по-русски «Гранатовый сок». Значит, путь им предстоит далекий — в Советский Союз.

Мальчик сунул раковину в карман и побежал к маме.

Когда-то на острове Сан-Стефан жили пираты. Сейчас это остров-музей, с берегом его соединили дамбой.



Крепостные стены Дубровника.

Сказочный город

...Дубровник. Он словно из сказки. В далекие времена его выстроили на скалистом полуострове и обнесли каменной стеной. Высокая и крепкая, она когда-то хорошо укрывала жителей города от иноземных захватчиков.

Попасть туда можно лишь через ворота в крепостной стене. Войдешь и остановишься в изумлении. Что это — уж не очутился ли ты в гостях у царя Салтана, у которого, помните: пушки с пристани палят, кораблю пристать велят?

По главной улице — она неширокая, выложена каменными плитами (автомобили здесь не ездят) — мы идем мимо дворцов, соборов, старинных зданий с черепичными крышами. Правильнее сказать — эта улица единственная. А все остальные, что отходят от нее по бокам,— переулочки. Да такие узенькие, что разведи руки — коснешься сразу противоположных сторон.

Есть и две площади — маленькие, уютные. Одна возле дворца, в котором раньше жили князья — правители Дубровника, другая — рыночная. Летом на этих площадях ставят спектакли. Разве не удивительно, не заходя в театр, увидеть прямо перед собой Золушку в хрустальных башмачках, или датского принца Гамлета, или отважных трех мушкетеров?

Да, в такой уж город вы попали. Здесь не нужны для спектаклей декорации. Потому что средневековые замки, соборы, дома, аркады и дворики сами кажутся декорациями.

...Ночь. Над головой в черном небе рассыпаны звезды. Тихо приоткрылась дубовая дверь на кованых петлях, и на улицу, прямо к вам, вышел человек со шпагой под плащом. Кто он — уж не злодей ли?

Не пугайтесь, перед вами актер. Вы смотрите пьесу. Вот человек в плаще вынул шпагу — лунный свет сверкнул на ее лезвии. «Спокойно,— говорите вы себе,— я в театре!»

Но откуда легкий ветерок? Ах да, с моря. Он даже принес запах водорослей... А человек со шпагой затаился, прижался к стене. Что он замыслил?..

И что это в самом деле — театр или не театр? Где его стены, балконы, ярусы? Вместо них кругом настоящие дома, настоящий свет луны и какая-то ночная птица пролетела над вами...

Успокойтесь, вспомните — вы в сказочном городе. Идет спектакль...

Конечно, во дворцах и самых красивых домах жили богатые люди. Но простой народ всегда хорошо знал: главное богатство не в кошельке, а в

голове. Недаром услышал я в Дубровнике такое предание.

Давным-давно — в средние века — правил Дубровником князь Кабега. Сильный венецианский дож хотел его погубить, а потому повелел ему измерить, где середина света. Да грозно предупредил: не сможешь измерить — ответишь головой. Опечалился Кабега. Но выручил слуга: «Скажи, князь, что середина света в Дубровнике. А если в Венеции не согласны, скажи — проверьте».

Посоветовался дож со своими мудрецами, посылает второй приказ Кабеге: перелей море да измерь, сколько в нем воды. Князь и вовсе голову повесил. А слуга сказал: «Ответь, что услужить дожу готов, но пусть пришлют из Венеции посудины, чтобы в них перелить море. В Венеции, мол, торговля бойкая и такие посудины найдутся». Как услышал дож такой ответ, оставил Кабегу в покое, сказал: «Властвуй ты в Дубровнике, а я буду в Венеции».

Побратимы

Есть на свете два города. Один — столица Черногории — Титоград. Другой — столица Советской Армении — Ереван. Они города-побратимы. Дружат между собой их жители — взрослые и дети.

...Заиграл горнист.

«Та-а, та, та, та-а... Та, та-а...» Эхо прокатилось по склонам гор и угасло. В пионерском лагере близ Титограда гостят ребята из Еревана. Вместе со своими югославскими друзьями они поют песни, играют в футбол, ходят в походы.

А сегодня к пионерскому костру пришли два бывших партизана. Они говорят о детях, которые помогали отцам воевать.

В темно-синее небо рвутся языки пламени. Свет костра выхватывает из тьмы ребячьи лица, искорками отражается в глазах. Рядом сидят два друга — армянин Ашот и черногорец Сретен.

Во время войны вот так же у костров собирались партизаны. Только огонь у них был маленький, незаметный. Большой огонь разводили гитлеровцы — жгли дома.

Любляна — столица Словении. Город расположен в межгорной котловине на реке Любляница.

Сретен, слегка наклонившись к Ашоту, пересказывает слова бывших партизан:

— Мальчишку звали Илия Ябучанин. На велосипеде он проскочил сквозь вражескую охрану, что была возле больницы. В палате он разыскал партизана без ног. Немцам и в голову не приходило, что такой сбежит. Илия спустился с ним по лестнице, посадил на свой велосипед и опять помчался мимо охраны.

— Как же он смог прорваться? — недоумевает Ашот.

— По нему открыли огонь, но не попали. Он вывез партизана. Спас от расстрела.

— Даже трудно представить.

— Конечно. Это кажется чудом. Но так было. Илия не раздумывал об опасности. Он знал — нужно спасти человека.

Ашот молча глядит на костер, потом говорит:

— Верно. Сейчас многое кажется чудом. Был такой революционер, армянин Камо. О его храбрости тоже читаешь, как о чуде...

— Расскажешь? — Сретен чуть сжимает ему руку.

— Расскажу...— Ашот смотрит, как искры одна за другой, улетая кверху, исчезают в ночном небе. А может, они превращаются в звезды? Вон сколько звезд там, в вышине. Если долго смотреть в небо, кажется, появляются новые и новые. Балканские звезды. Красиво. Но и над Арменией они тоже так ярко сверкают и переливаются. Наверное, они повсюду красивы, где мирное небо...

Опять тихо говорит Сретен:

— А этот партизан рассказывает про Крагуевац.

— Крагуевац?..

— Да, такой город. Его жители боролись с фашистами, помогали партизанам. Озлобившись, гитлеровцы за один день в октябре сорок первого года расстреляли семь тысяч горожан. Они ворвались с автоматами в школу и прямо с урока повели детей на расстрел.

— Всех детей?

— Да, Ашот. Директор сказал им перед расстрелом: «Дети, это наш последний урок истории... Не плачьте, они на нас смотрят. Надо умереть, как люди». Дети запели. Они пели о свободе... Их портфели и книги остались рассыпанными на поляне...

Ашот опустил голову.

— Ты не стыдись слез, Ашот. Даже мужчины плачут, когда приезжают в Крагуевац и видят эту поляну. Есть об этом известные стихи «Кровавая сказка». Написала их Десанка Максимович.

— Почему «сказка»? — поднял голову Ашот. Черные глаза его горели.

— Потому что лишь в сказке можно придумать такое. Но это было. Стихи начинались так:

Это случилось в одном государстве балканском —
в горном, крестьянском.
Горькое там приключилось злосчастье
с группой ребят:
целым классом пали они в одночасье
смертью героев...

Ашот смотрел на огонь. Думал: «Фашисты... Война... Кровь... Никогда это не должно повториться. Такое забыть невозможно. Люди не допустят. Наши отцы... и мы... Сретен и я...»

В городе Пула сохранился Колизей, построенный почти две тысячи лет назад.

Адриатика — жемчужина Югославии.

— А вот конец,— сказал Сретен.— Слушай.

За руки взявшись,
пошли они на смерть рядами.
Самые слабые дети — и те не рыдали.
После уроков,
сложив аккуратно тетрадки,
шли на расстрел они поступью твердой,
в полном порядке,
прямо и гордо.
За руки взявшись,
прямо под пули
эти ребята навстречу бессмертью шагнули.

Ашот думал, что все люди должны взяться за руки и сказать войне: «Нет!» А если бы все города в мире стали побратимами, разве трудно? Есть же такие города-побратимы: Ереван и Титоград. Дружат дети этих городов, дружат взрослые. Разве не могут подружиться между собой все города мира? Где дружба, там не может быть войны. Там — мир!

Дорогами дружбы

Раньше, торгуя с другими странами, Югославия поставляла овощи, фрукты, вина, колбасы, птицу (особенно индюков), кожу. А теперь главное — это станки, машины, строительные материалы, морские и речные суда.

Вспомним, какие югославские товары можно увидеть в наших магазинах. Прежде всего обувь, одежду, мебель. На автомобили «Жигули» и «Москвичи» часто ставят аккумуляторы, сделанные в Югославии. В аптеках есть югославские лекарства, в хозяйственных отделах универмагов — стиральные порошки и пасты, которыми чистят посуду. В доме у многих москвичей, киевлян, ленинградцев есть телефонные аппараты «Тесла». Они тоже из Югославии. Всего не перечислишь...

А по улицам Белграда, на дорогах Черногории, на Ядране бегают советские автомобили «Лада».

— Как работают,— спросил я у одного серба,— не жалуетесь?

— Отличная машина! Не нарадуюсь.

С удовольствием пользуются югославы советскими фотоаппаратами, часами, транзисторами.

В Белграде я сфотографировал одного мальчика — он рисовал на асфальте смешную кошку. Подошел его отец. Мы разговорились. Оказалось, Иво — так звали этого мужчину — работает на судоверфи имени Тито.

— У нас большой заказ из Советского Союза,— сказал он.— Семнадцать портовых буксиров.

— А как идет работа?

— Полным ходом. Да что говорить! Приходите завтра — увидите сами.

И вот на следующий день я отправился на судоверфь. Разместилась она на берегу Савы. Работа кипела там вовсю. Любо было смотреть, как быстро, но без суеты делали свое дело сварщики, сборщики, машинисты кранов. В тот день был спущен со стапелей на воду первый буксир. Назвали его «Севастополь».

— До конца года,— сказал Иво,— мы должны построить еще одно судно. Немного осталось времени. Но мы тут все прикинули и решили: успеем сделать два.

...По разным дорогам Югославии бегают «Лады» с Волжского автомобильного завода. Судам разных рейсов будут помогать портовые буксиры, сделанные для Советского Союза в Белграде. Но одно можно сказать заранее — это всегда будут дороги дружбы.

Фотографии автора.

В апреле 1941 года войска фашистской Германии и Италии вторглись в Югославию. Борьбу против оккупантов, которая особенно усилилась после нападения Германии на Советский Союз, возглавила Коммунистическая партия Югославии. В июле 1941 года началось восстание в Сербии, Черногории, Словении, Хорватии, Боснии и Герцоговине, а вскоре и в Македонии.

В стихотворении Миры Алечкович рассказывается об одном из эпизодов народной войны, в которой участвовали и югославские ребята, самоотверженно помогая старшим.

Истра — полуостров на северо-западе Балкан, населенный главным образом словенами и хорватами. Горица — словенский город севернее Истры. Капела — горный массив на северо-западе Югославии.

Мира АЛЕЧКОВИЧ

Зимняя сказка

Скрыты белым саваном ямы и каменья.
Снег, не сыпь безжалостно на наши селенья!

Перестань, пожалуйста, позасыплешь тропы —
трудно будет воинам одолеть сугробы.

Пламенем восстания вся Истра объята.
Ей помочь торопятся храбрые солдаты.

До́роги мгновения, а снега мешают.
Не мети, метелица, пусть себе шагают!

Вот колонна новая движется на лыжах
из села соседнего. Вот она все ближе...

Не помеха лыжникам снежные барьеры.
Поглядите, это же наши пионеры!

Снег за ними вихрится, на дымок похожий.
Им, должно быть, холодно в плохонькой одеже!

Лопаты широкие, маленькие руки.
Звонкой песней греются друзья и подруги.

— Чтобы помощь вовремя явилась на Истру,
тропку занесенную мы расчистим быстро!

Разомкнем холодные снежные объятья,
чтоб в Горице воины обнялись, как братья.

И сугробы рушатся, путь освобождая,
смотрит в изумлении Ка́пела седая

на героев маленьких средь снегов могучих,
на цветы прекрасные, лучшие из лучших.

А войска скрываются за стеной метели...
Армия-защитница будет в срок у цели!

Сломлена проклятая вражеская сила.
Вновь зима, и тропочки вновь позаносило.

Но пускай вздымаются снеговые крылья
и гудит над крышами вьюги эскадрилья!

Защити от холода, снег, просторы пашен!
Много крови пролито здесь народом нашим.

Чтоб амбары полнились урожаем новым,
принакрой озимые, снег, своим покровом.

Ныне сердце радует белое плетенье.
Заметай, метелица, нивы и селенья!

Перевел с сербскохорватского
Ю. ВРОНСКИЙ

Рисунок Ю. КАРПОВОЙ.

Алексей ГЛЕБОВ

ФИОЛЕТОВЫЙ ЦВЕТ

РАССКАЗ

Посвящается
Наталье Юрьевне Дуровой.

Индийская слониха Мери стояла в тесном вольере и, уставшая после неудачного представления, дремала... Ей пригрезились жаркое солнце, синее небо и слониха-мать, работавшая на раскорчевке леса... У слонихи, которая работала рядом, был слоненок, и Мери с ним дружила. Они вместе купались, вместе собирали вкусные корневища. Иногда они ссорились, если приятель выхватывал сладкие ветки, которые она не без труда срывала с деревьев.

Но однажды в селение приехали люди в белых панамах, заперли Мери в клетку и увезли в порт. В порту клетки погрузили в темный трюм теплохода. И когда теплоход, дав гудок, стал отплывать, Мери испугалась: передние и задние ноги ее поочередно то поднимались и делались легкими, то тяжело опускались. В эти минуты подкатывал необъяснимый страх, и Мери хваталась хоботом за прутья клетки, ища опоры. И когда находила ее, страх проходил, и она чувствовала себя уверенней.

Через несколько дней слонов привезли в город. По улицам этого города Мери везли ночью. В оконце фургона, где стояла ее клетка, она видела много огней: красных, синих, ярко-белых. Огни неприятно слепили глаза.

Когда ее привезли в цирк и поместили в темном вольере, она стала искать мать. Но той нигде не было, и Мери тревожно протрубила несколько раз — никто не отозвался. Она и не знала, что мать отвезли в зоопарк и поместили в просторный слоновник.

А здесь, в цирке, рядом с Мери в соседних вольерах и клетках урчали, хрюкали, рычали какие-то звери, которых она никогда и не видела. Ночью ей казалось, что звери лезут к ней в вольер, и она, отбиваясь от них, хлестала хоботом по толстым железным прутьям.

Так продолжалось несколько дней.

Наконец, Мери стала привыкать к своему окружению и даже познакомилась со своим соседом, бурым медведем Томми, его клетка стояла напротив. Этот медведь считался в цирке лучшим артистом, и когда его уводили на арену, Мери скучала, а когда дрессировщик приводил его обратно и загонял в клетку, она приветливо махала ему хоботом.

Дрессировка Мери началась не сразу.

Сначала чуть сутулый человек в фиолетовом смокинге, звали его Фердинанд, несколько дней подряд приходил к вольеру и произносил отчетливо, чуть дребезжащим голосом: «Мери... Мери...» — и давал ей дольки апельсина. А когда она стала узнавать его и поворачиваться на этот зов, он вывел ее на арену, чтобы она привыкла к цирку. На арене Мери чувствовала себя свободней, чем в клетке, ей нравился светло-зеленый занавес, чем-то напоминавший заросли молодого бамбука, сочного и вкусного, нравилась музыка, звучавшая во время репетиции оркестра, нравился крепкий, покрытый ковром круг арены, надежно удерживающий ее трехтонную тяжесть.

На первом уроке дрессировки Фердинанд обучил ее поднимать переднюю ногу. Потом он стал добиваться, чтобы она поднимала ноги попеременно, то правую, то левую. Она научилась и этому. Но когда дрессировщик захотел посадить ее на низкую тумбу, она не послушалась. Тогда ему дали острый железный крюк, и он больно уколол ее под коленку. От неожиданности Мери присела... Так он добился, что она научилась садиться.

С этого дня Фердинанд уже никогда не расставался с крюком, которого она стала бояться. После репетиций у нее сильно болело в паху, кровоточило под коленками и в подмышках. Дрессировщик хорошо знал, где у слонов чувствительная, тонкая кожа.

По ночам Мери плохо спала, ей снился фиолетовый человек с острым крюком, она боялась его, фиолетовый цвет ее раздражал.

Однажды на репетиции после причиненной ей боли она выбила крюк из руки Фердинанда, поранив себе хобот.

Пришлось временно прекратить дрессировку.

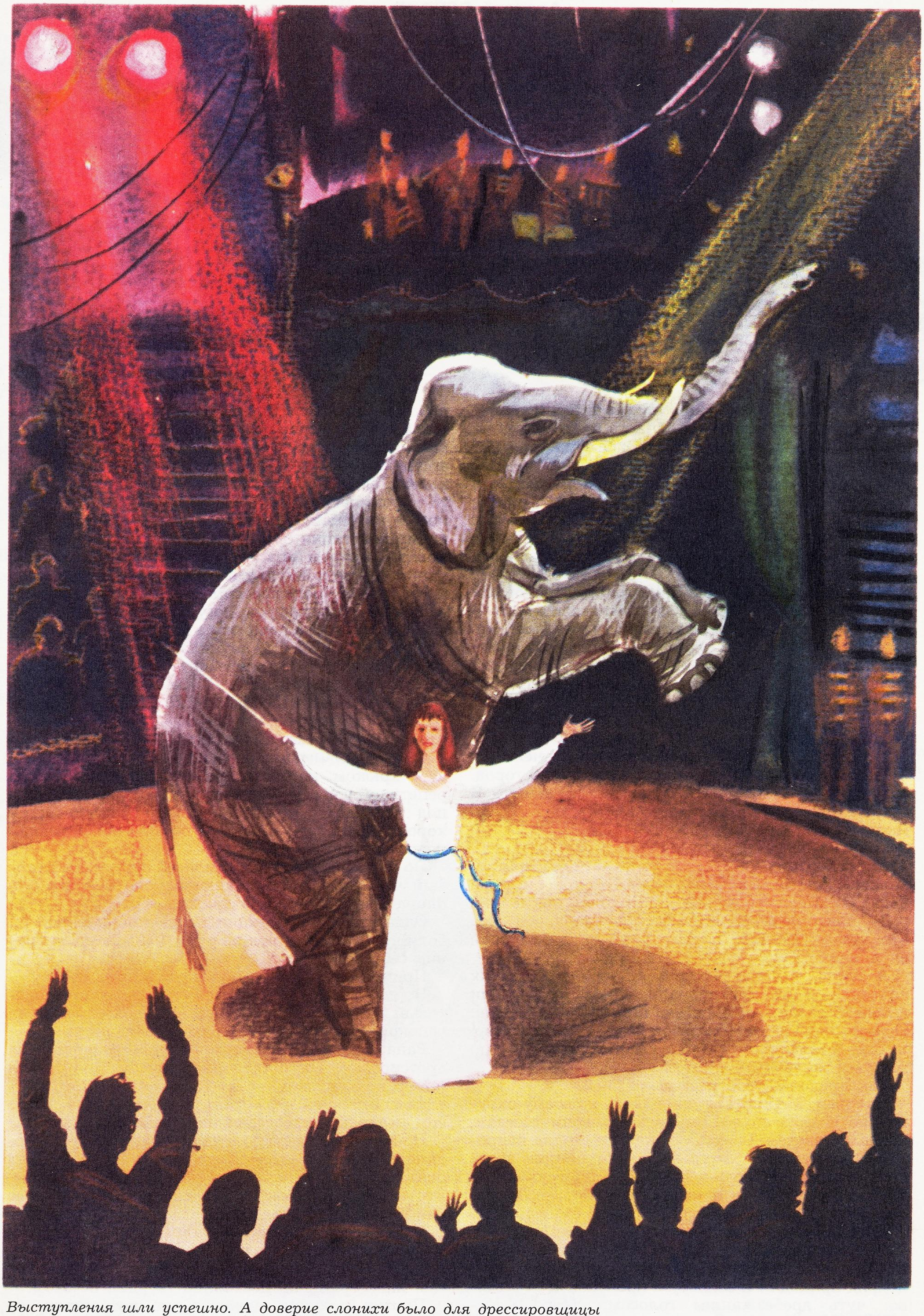
Но по ночам ее по-прежнему преследовал фиолетовый человек. Просыпаясь, она долго не могла успокоиться, дрожа от страха и ненависти.

Рана на хоботе зажила, и Фердинанд продолжил дрессировку. Он с большим трудом приготовил номер, но на первом же представлении Мери взбунтовалась и чуть не затоптала Фердинанда. Было еще несколько представлений, и все провалились.

Почувствовав неукротимый нрав слонихи, Фердинанд потерял веру в успех, а главное, стал бояться Мери. Он начал доказывать хозяину цирка, что слониха не годится для дрессировки и что ее нужно или обменять, или продать, лучше продать.

Когда стали предлагать слониху другим циркам, ничего из этого не вышло, везде уже знали о ее нраве и неспособности к дрессировке, потому что сам же Фердинанд постоянно твердил об этом.

Против покупки, конечно, не возражали, но



Выступления шли успешно. А доверие слонихи было для дрессировщицы великой наградой за ее терпение, доброту и нелегкий труд

Рисунок В. ДУДКИНА.

предлагали цену, которая не устраивала хозяина цирка. И тогда Фердинанд вспомнил, что известная советская дрессировщица, выступавшая совсем недавно у них в цирке, видела Мери и хотела приобрести ее для своего театра-цирка.

Начались переговоры с представителями торгпредства...

Наталью Гусарову, знаменитую актрису-дрессировщицу, вызвали в Управление цирков.

На дворе стояла ранняя весна. Тонкий ледок хрустел под ногами, а под ним уже бежали небольшие, пока молчаливые ручейки. Гусарова уже знала, что управление удовлетворило ее просьбу, заплатив изрядную сумму за слониху. Правда, Гусарову предупреждали, что слониха — «не мед пить», сомневались, стоит ли покупать. Но дрессировщица просила, убеждала, доказывала, требовала. И Мери все-таки купили.

Теперь Гусарова шла в управление, чтобы договориться о перевозке Мери в Москву.

Из Москвы дрессировщица вылетела через два дня и уже через несколько часов была в городке, где выступала со своим театром-цирком и впервые увидела Мери. Тогда ей очень понравилась эта своенравная, умная, правда, чуть нервная, молодая слониха.

— О, я рад вас видеть! — войдя в кабинет хозяина цирка, приветствовал Наталью Фердинанд.— Мы ждали вас.

Они пошли к вольерам и вывели Мери на манеж для осмотра. Наталья заметила, что слониха стала менее энергична, похудела. «Это не беда...» — отметила она про себя и спросила, на каком номере оборвалась дрессировка.

— «Бревно»,— ответил Фердинанд.

Она поняла: «бревно» — это значит перешагивание через дрессировщика.

— Советую вам не репетировать этот номер,— сказал Фердинанд.

Она промолчала, потому что как раз давно хотела приготовить у себя в театре-цирке этот опасный номер — номер доверия, так она его называла. Номер, который с успехом показывал когда-то в далеком прошлом ее дед.

На арену пришел сам хозяин цирка и объяснил, что вагон для Мери заказан.

Перед тем как расстаться, Фердинанд принес на манеж полуметровый железный крюк.

— Вот, возьмите,— предложил он.— Пригодится.

Она отказалась.

— Понимаю,— иронически улыбнулся он.— Все Гусаровы от деда до внучки отвергали болевой метод, тогда как пол-Европы дрессирует слонов при помощи крюка.

— А остальные пол-Европы? — спросила она.

— Остальные кто как может,— засмеялся он и предупредил: — Бойтесь хобота, поднятого вверх... Впрочем, об этом вы знаете не хуже меня и вас учить не надо, но Мери — такой экземпляр...— Он не договорил, опасаясь чрезмерно напугать Гусарову. «Чего доброго, еще откажется от Мери,— подумал он,— впрочем, деньги уже заплачены...»

Для Мери началась новая жизнь. Ее поместили в теплом, просторном вольере. Гусарова, опытная дрессировщица, постаралась не менять образа жизни слонихи, распорядилась даже напротив вольера слонихи поставить клетку с гималайским медведем, как это было в прежнем цирке. Но Мери понимала, что это был другой цирк, с новыми запахами, звуками. И медведь был совсем другой, темный, с белым пятном на груди. Он, видно, был неплохим артистом, потому что его тоже часто уводили на арену. Оттуда слышались музыка, аплодисменты.

Кормить Мери стали лучше. Часто приходила сама дрессировщица в белом длинном платье и приносила свежие ветки с приятным незнакомым запахом.

Стоя у вольера, дрессировщица подолгу повторяла, обращаясь к ней: «Маша... Маша...» Мери поняла, что ей хотят дать другое имя. Это новое имя отчего-то напоминало ей о детстве. И когда артистка однажды опять произнесла: «Маша... Машенька...» — слониха вдруг вспомнила свое забытое имя «Маншула» — так звали ее в поселке, где люди корчевали лес, вспомнила и свою мать, крупную, неторопливую слониху с колокольчиком на шее.

Зная, что Маша (ее не называли больше Мери) кое-чему научилась у Фердинанда, Гусарова не торопилась готовить новые, более сложные номера; пусть слониха привыкнет, придет в себя после дороги.

А когда убедилась, что Маша немного успокоилась, приступила к дрессировке.

Строптивая слониха часто не хотела выполнять то, что от нее требовали, убегала с арены. Но удивительно, ее за это никто не колол крюком, как это было раньше.

Слониха постепенно привыкла к дрессировщице и уже узнавала ее белое платье, звонкий грудной голос, помнила запах ее волос.

Приступили к подготовке «номера доверия», который у Фердинанда назывался «бревном». Слониха должна была научиться переступать через дрессировщицу. Маша часто ошибалась. Но тут никто не колол ее острым крюком, никто зло не кричал на нее.

Стройная женщина в белом платье терпеливо начинала все сначала. И если номер получался, женщина приятно щекотала Машу за ухом, давала лакомство.

Репетиции продолжались все лето, изо дня в день... Осенью начались выступления, они шли успешно. В середине программы начинала звучать негромкая, мелодичная музыка, на арену давали голубой, красный или зеленый свет, и актриса выполняла свой любимый номер: слониха спокойно подходила к дрессировщице и после короткой паузы, сделав поклон, очень медленно и аккуратно переставляла свои двухпудовые колонны-ноги через недвижимо лежащую на ковре Гусарову... И замирающие от волнения зрители заглушали звуки оркестра аплодисментами... Но вот однажды арену осветили фиолетовым светом. Платье артистки и все кругом стало фиолетовым. И тут произошло непредвиденное: слониха вдруг задрожала, подняла хобот вверх — в положение «к бою», затрубила и стремительно пошла на дрессировщицу... Гусарова закрыла глаза, но успела крикнуть:

— Погасите свет!

И когда свет выключили, почувствовала, как слониха хоботом ощупывает ее лицо, шею, руки...

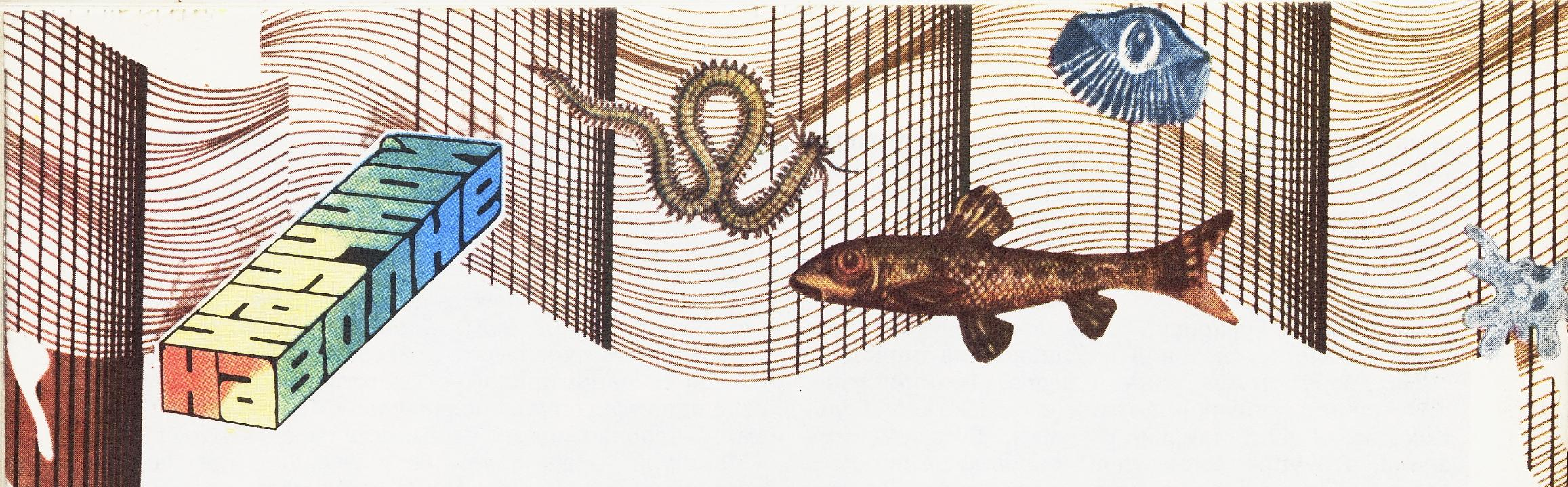
— Маша... Маша... Машенька,— послышался в темноте знакомый голос дрессировщицы.

И, успокоившись, слониха перешагнула через нее в кромешной тьме.

Номер, конечно, сорвался для зрителей, потому что они его не видели. Но для Гусаровой это была великая награда за ее терпение, доброту и нелегкий труд.

А когда перед следующим представлением посоветовали снять этот опасный номер, она ответила:

— Никогда!.. Просто не надо давать на арену фиолетовый свет.



Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Где мы были, что мы видели

ВЫРОСЛА КАПУСТА В МОРЕ

Северный берег Кольского полуострова — зона тундры. Низкое солнце как бы вполнакала светит круглые июльские сутки на поселок и спокойную воду залива. Холодный воздух удивительно прозрачен для нас, жителей средних широт: нет даже легкой дымки! Четкость красок поразительна: белые пятна снежников в густо-черных скалах, а там, где скал нет,— ярко-зеленый, будто излучающий собственный свет, ковер травы. Что ни говори, Дальние Зеленцы очень подходящее название для бухты, на берегу которой расположился Мурманский морской биологический институт. (Хотя, может, связано оно и не с зеленью травы, а со словом «зеленец», которым называют только что родившегося детеныша тюленя.) Здесь, в затейливом деревянном здании, работают около полутораста ученых. Их задача — изучить животный и растительный мир этого сурового края, мир, который сулит человеку истинные богатства.

Ну, рыба — это понятно. Все знают, что насыщенные кислородом и богатые планктоном северные воды очень хороши для жизни промысловых рыб — семги, сельди, камбалы... Но о каком богатстве растений можно говорить в тундре, где даже картошку вырастить проблема? Конечно, на большие урожаи картофеля здесь надеяться не приходится. А вот капусты можно получать до двухсот тонн с гектара, правда, гектара подводного, потому что капуста эта — бурая морская водоросль. Ученые называют ее **ламинарией.**

Ламинария — прямо-таки замечательное растение. К очень многим ее свойствам и качествам можно смело добавить определение «самое». Морская капуста — одно из самых длинных растений в мире, а уж среди водорослей просто самая длинная. В Тихом океане встречаются ламинарии длиной по сто метров. Она же и самое урожайное морское растение. В теплых водах Тихого океана ее можно собирать по 350 тонн с гектара.

— Ну и что с того? — предвидим ваш вопрос.— Многие ли захотят питаться ламинарией? Иногда для разнообразия, можно, конечно, открыть банку консервов с салатом из морской капусты. Но есть ее постоянно...

Сомнение понятно. Пища эта для нас не слишком привычна, хотя население Дальнего Востока прочно ввело в свой рацион блюда из морской капусты. Но не только для пропитания растят ламинарии. Из них получают очень полезные продукты — **маннит** и **альгинат,** поэтому ламинарии вполне подойдет титул еще и «самого удивительного по разнообразию применения».

Судите сами. Альгинат — это лучший загуститель для желе и кремов в кондитерских изделиях. Вдобавок из альгината делают оболочки капсул для «невкусных» порошков лекарств и оболочки вкусных икринок искусственной черной икры. А еще альгинат оказался лучшим веществом-смазкой при бурении земли, он предотвращает осыпание стенок скважины.

Другое ценное вещество, извлекаемое из ламинарии,— маннит. На его основе делают некоторые заменители крови, которые используют врачи для лечения, а порой и спасения больных.

Спрос на маннит и альгинат во всем мире очень велик. За них готовы платить немалые деньги. Поэтому ламинария к тому же и «самая выгодная» морская культура. Китай и Япония уже выращивают более двух миллионов тонн этой полезнейшей водоросли. У нас ее разводят на Дальнем Востоке, на Белом море, а самый северный морской «огород» находится на Баренцевом море, здесь, в Дальне-Зеленецкой губе.

Мы идем по причалу к небольшому катеру, который отправляется на другой конец бухты, где расположена опытная плантация. По дороге Владимир Николаевич Макаров, руководитель работ по искусственному разведению морской капусты, рассказывает о плантации.

— Видите желтые шары на воде? Это буи-поплавки, прикрепленные к бетонным якорям. Между буями под водой, на глубине полуметра, горизонтально натянуты капроновые канаты. А от них вниз свисают веревки с грузиками. На этих веревках и растут водоросли. Но сначала ламинарию надо посеять. Для этого веревки погружают на берегу в сосуды, куда налита морская вода, содержащая споры ламинарии. Споры, попавшие на веревки, через пару суток прочно к ним прикрепляются, и этот посев уже можно отвозить в море на плантацию.

Как и обычный огород, «огород» подводный нужно пропалывать, время от времени удаляя «сорняки» — всяческие морские организмы, присоседившиеся к капусте. Но выдергивать тут ничего не требуется. Стоит лишь энергично потрясти веревки — и «сорняки» сами отваливаются.

На второй год после посева можно убирать урожай.

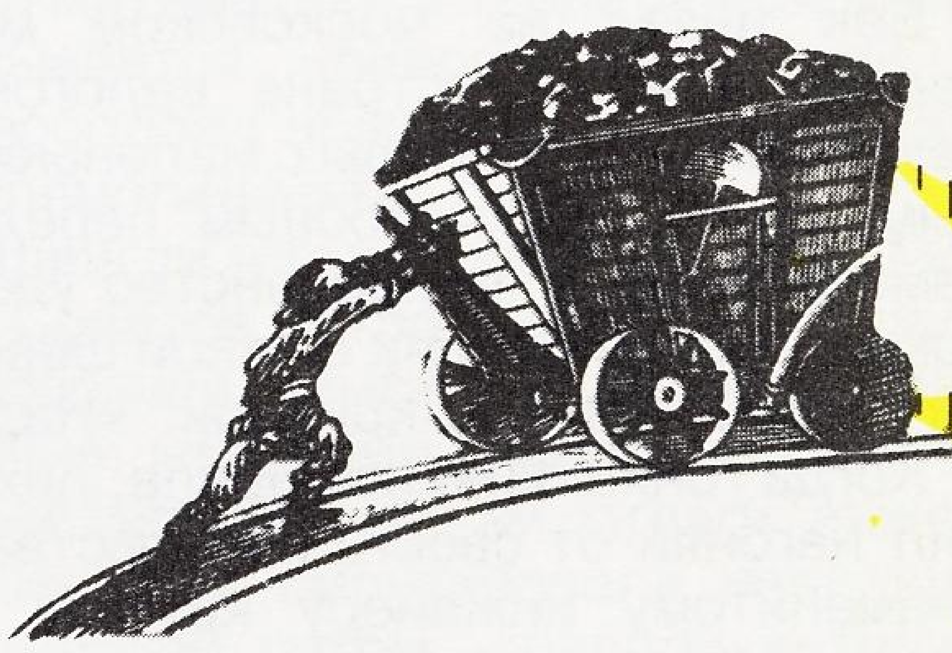
Владимир Николаевич надевает ярко-желтый гидрокостюм, натягивает ласты, маску и исчезает за бортом катера в холодной воде. Через несколько минут он возникает с уловом — с целой копной морской капусты. Это светло-коричневые волнистые ленты, шириной в ладонь и по нескольку метров в длину. Они так блестят на солнце, будто покрыты лаком.

На одном гектаре, как подсчитали ученые, здесь вырастает до 100 тонн водорослей. Если позаботиться о посеве и прополке, то урожай может быть увеличен даже вдвое. А уж мест, где можно разводить эту культуру, предостаточно. На севере нашей страны много закрытых от ветров мелководных проливов с чистейшей водой, как бы специально созданных для огородов морской капусты.

То, что мы увидели в Дальних Зеленцах, еще раз убеждает: на нашей планете нет бесполезных для человека мест. Нужно только понять, как подступиться к богатствам и как ими распорядиться. Этим как раз и заняты люди, которых правильнее всего было бы называть морскими огородниками.

В. ИВАНОВ,
В. ЧЕРНИКОВА

зачем? почему?



Пусть всегда будет Солнце!

Правда ли, что Солнце сгорит, хоть и через миллион лет? А как же без Солнца будут жить люди?

Оксана ЧИГИНЦЕВА, 6-й класс, Читинская область.

Когда-то люди думали, что Солнце греет потому, что состоит из угля, который горит как в печке. Но когда ученые узнали массу Солнца и сколько энергии оно излучает, а потом сделали расчеты, то удивились: оказалось, что угольное солнце сгорело бы дотла всего за несколько тысяч лет, в то время как возраст Земли в миллионы раз больше.

Не получилось — придумали другое объяснение: что Солнце светит и греет потому, что медленно сжимается, как бы падает само на себя. Но и в этом случае расчеты дали малоутешительный результат — получалось, что возраст Солнца не мог превышать миллионов лет и Земля оказывалась старше своего светила.

Подходящие цифры удалось получить только после того, как была открыта атомная энергия: если предположить, что в недрах Солнца атомы водорода сливаются в атомы гелия, то выделяющейся при этом энергии вполне хватит еще на миллиарды лет. Значит, еще миллиарды лет мы можем не беспокоиться и за судьбу жизни на Земле.

Но сейчас ученые допускают, что Солнце питается еще из какого-то неизвестного источника энергии. Это значит, что продолжительность жизни нашего светила может оказаться еще большей.

В. ДОБРЯКОВ

Знаешь?

Создан состав, растворяющий пораженную часть зуба, что позволяет обходиться без бормашины.

* * *

Если в почве присутствуют определенные бактерии, значит, рядом есть месторождение золота.

* * *

Некоторые лягушки переговариваются друг с другом, стуча по земле лапками.

КТО ЧТО изобрел

БАШНЯ НА ШАБОЛОВКЕ

Человек, о котором я хочу рассказать, изобрел так много, что если перечислить его изобретения, так ничего, кроме списка, в эту заметку не поместится. Поэтому начну совсем с другого.

Век назад на московском манеже стартовала первая в нашей стране велогонка. Непривычные, неудобные велосипеды с маленьким задним и громадным, почти двухметровым передним колесом... До самого финиша за первенство упорно боролся невысокий, ловкий гонщик с яркой шевелюрой. Болельщики топали ногами, кричали: «Наддай, рыжий!»

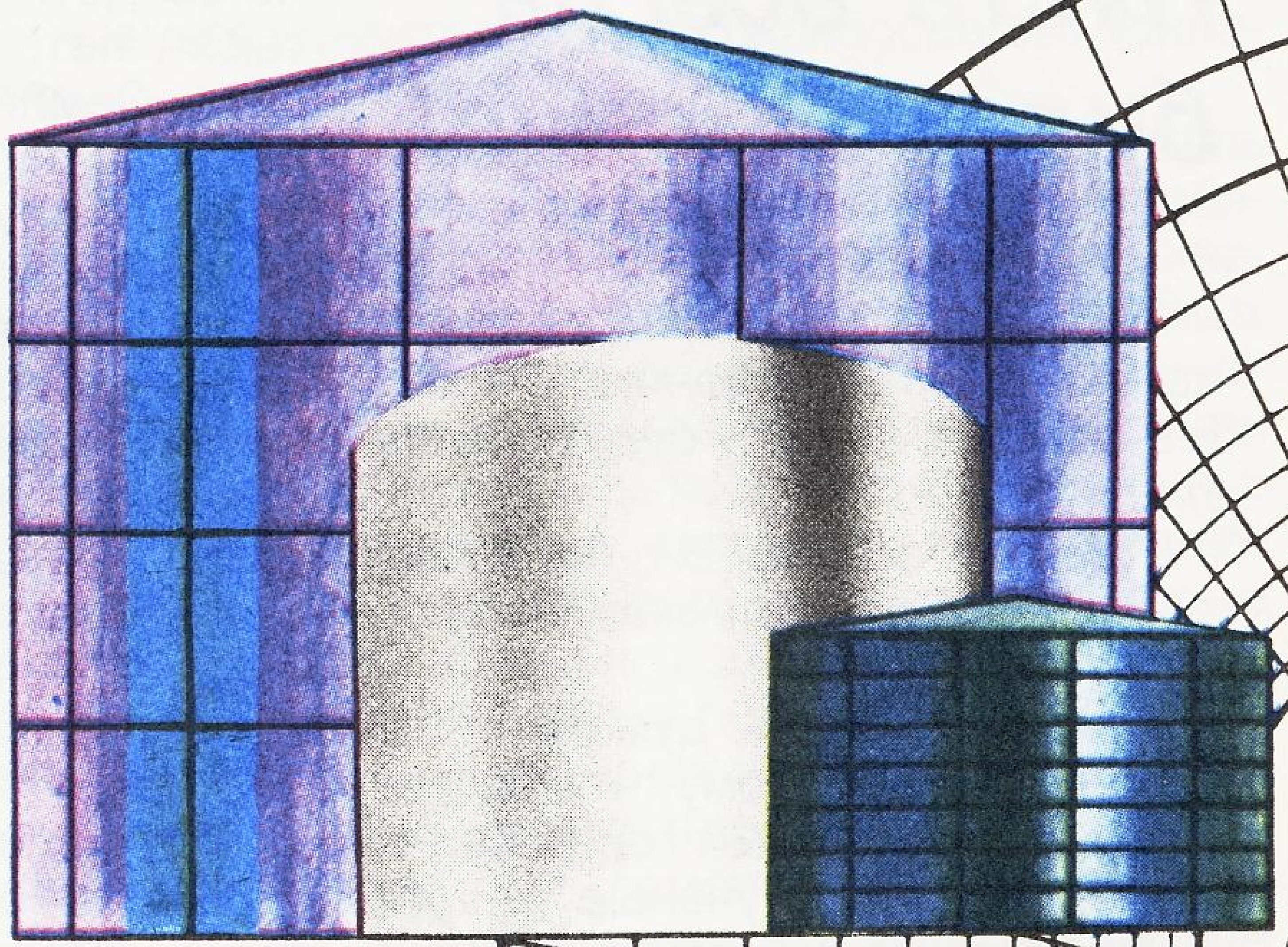
Когда гонка финишировала, лихой спортсмен получил нагоняй от своего начальства: солидно ли, мол, знаменитому инженеру крутить педали на потеху зевакам?

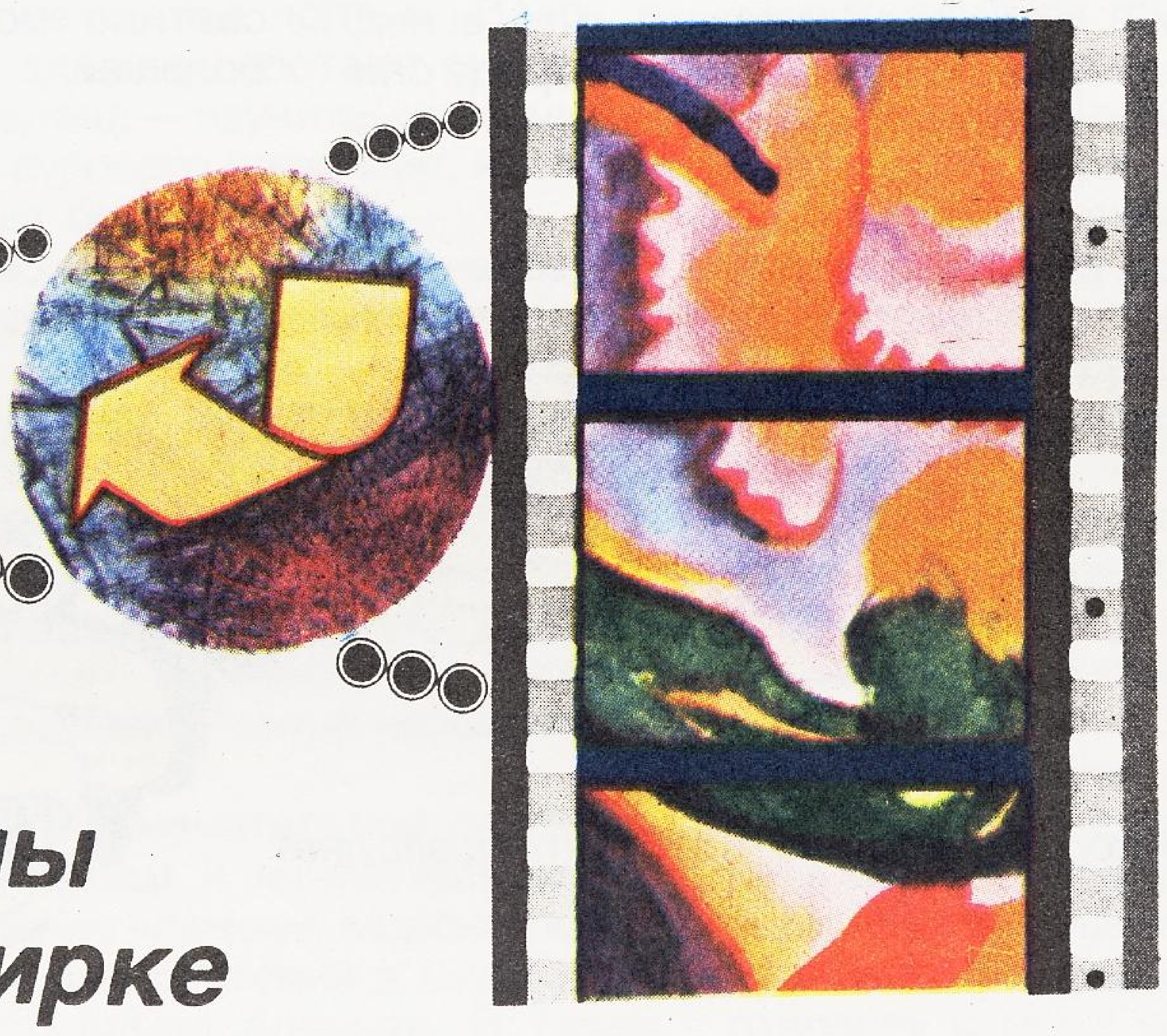
Владимир Григорьевич Шухов хоть и оправдывался, но без особого раскаяния. Что из того, если знаменитый? Он и на лыжах любого обгонит, и конькобежец не из последних... Было тогда прославленному изобретателю 30 с небольшим лет, азарт же и фантазия не иссякали у будущего академика до самого конца его долгой жизни...

В 1878 году медики посоветовали 25-летнему инженеру, задумавшему было, не прерывая работы, выучиться еще и на врача, лечиться от переутомления переменой климата. Он перебрался из Петербурга в Баку. А там как раз разыгралась «нефтяная лихорадка». Нефть черпали из скважин ведрами и бурдюками, возили в бочках, хранили в ямах и оврагах, перегоняли в кустарных аппаратах... Каждый спешил разбогатеть на керосине — новомодном средстве освещения, сжигавшемся в лампах, какие ныне можно найти разве что в глухих селениях.

Бензин — легкую часть нефти, выкипавшую раньше керосина, — тогда выливали в море (теперь рассказам об этом трудно поверить), тяжелый же остаток, мазут, беззаботно выбрасывали за порог. В этом городе было опасно зажигать спички. Вспоминали, что грязью, затоплявшей тогдашние бакинские улицы, порой можно было топить печки...

Такая бесхозяйственность поразила аккуратного инженера. Он спроектировал, а потом и построил трубопровод от промыслов до порта и перегонных заводов. Это был первый в России нефтепровод. Так было и в дальнейшем. Что бы он ни делал — получа-





КИНОЗАЛ

Циклоны в пробирке

Мы живем в теплых и прочных домах, и все же каждое утро слушаем по радио прогноз погоды. Будет на улице тепло или холодно, дождливо или сухо? А то выйдешь из дома налегке, а вечером зуб на зуб не попадает. Или, наоборот, оденешься тепло, а потом будешь целый день маяться от жары.

Плохо жить, не зная предстоящей погоды. Но еще хуже, если к ненастью не подготовятся экипажи самолетов и кораблей — тогда и до беды недалеко. Неожиданные ураганы приводят порой к катастрофам. Наконец, погоду надо знать работникам сельского хозяйства, причем не на день-другой, а на неделю, месяц или лучше на целый сезон вперед.

Увы, погода капризна до необычайности, и предсказать ее, да и то не совсем точно, удается лишь на ближайшие сутки, от силы на двое. И это несмотря на то, что за погодой непрерывно следят тысячи метеостанций и десятки искусственных спутни-

лось первое, невиданное. Первые металлические нефтехранилища — легкие, экономные, безопасные; первые нефтеналивные баржи — невиданного по тому времени размера; первые форсунки, давшие возможность применить как топливо бросовый мазут; наконец, первые установки для крекинга, позволившие при перегонке нефти часть мазута превращать в более ценные вещи — бензин и керосин.

Тогда это не казалось таким уж важным: автомобилей было еще очень мало, бензин для них продавался в аптеках. Но когда этот вид транспорта стал массовым, то оказалось: без крекинга далеко не уедешь. И имя русского инженера стало известным всему свету. Сам Шухов тем временем стал изобретать невиданно удобные в работе паровые котлы, строить мосты, вокзалы, башни...

Все его сооружения казались неожиданными, фантастическими, но были практичными, легковыполнимыми на уровне техники того времени. Они исправно служат людям до сих пор. Кто не посещал крупнейший в стране московский универмаг ГУМ, кто не бывал под сводами столичного Киевского вокзала? И то, и другое построено по проектам Шухова.

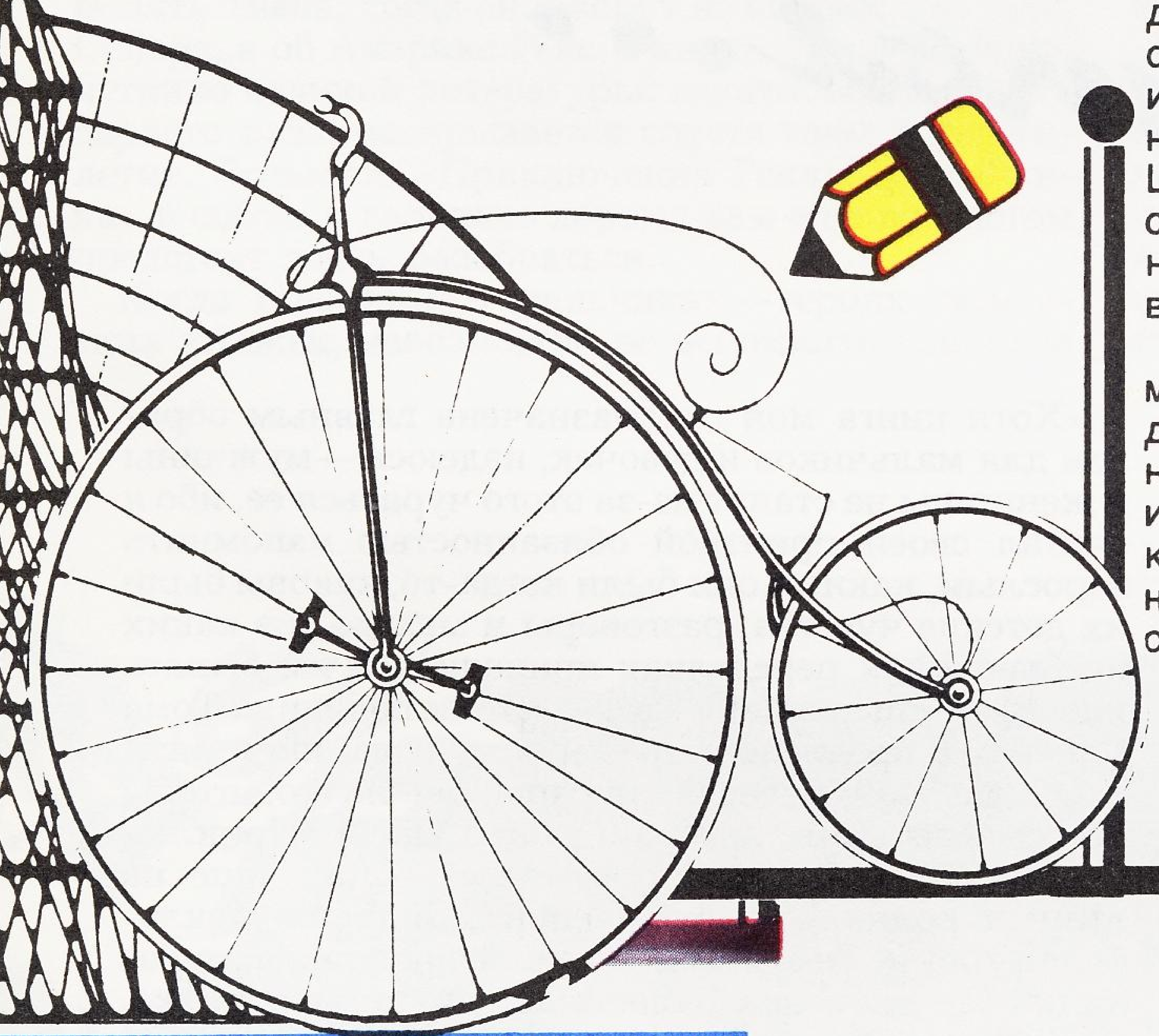
О башнях — разговор особый. Каждый, кто выходит из московского метро на станции «Октябрьская», замечает ажурную башню, которая и на фоне современных высотных домов не кажется коротышкой. Знаменитая Шаболовская башня высотой почти в 150 метров составлена из хитроумных криволинейных конструкций — и только очень внимательный глаз может подметить, что, за исключением круглых обручей, ни одного изогнутого элемента в этом сооружении нет.

В том-то и состояла блестящая находка Шухова, глубокого знатока математики и теоретической механики: есть, оказывается, криволинейное тело, так называемый гиперболоид вращения, который можно построить из... прямолинейных балок.

Эту башню воздвигли в голодном 1921 году. Молодая Республика Советов остро нуждалась в радиосвязи — и вот морозной зимой, на ледяном ветру исхудавшие рабочие, которыми руководил седой, но не утративший ни энтузиазма, ни отваги инженер Шухов, в короткий срок смонтировали невиданное сооружение, служившее потом «главной антенной» нашей страны свыше 40 лет, пока в Останкине не выросла новая, еще более грандиозная башня.

Сейчас башня на Шаболовке, которую старые москвичи называют не иначе, как шуховской, уже не действует. Однако сдавать ее на металлолом никто не собирается. Это ценнейший памятник инженерного искусства, который будет сохранен навечно. Так же, как память о замечательном изобретателе, удостоенном в 1929 году премии имени Ленина, а три года спустя — звания героя труда.

В. ИНОХОДЦЕВ



ков Земли. Неизвестны пока нам законы рождения и поведения мощных атмосферных вихрей: циклонов.

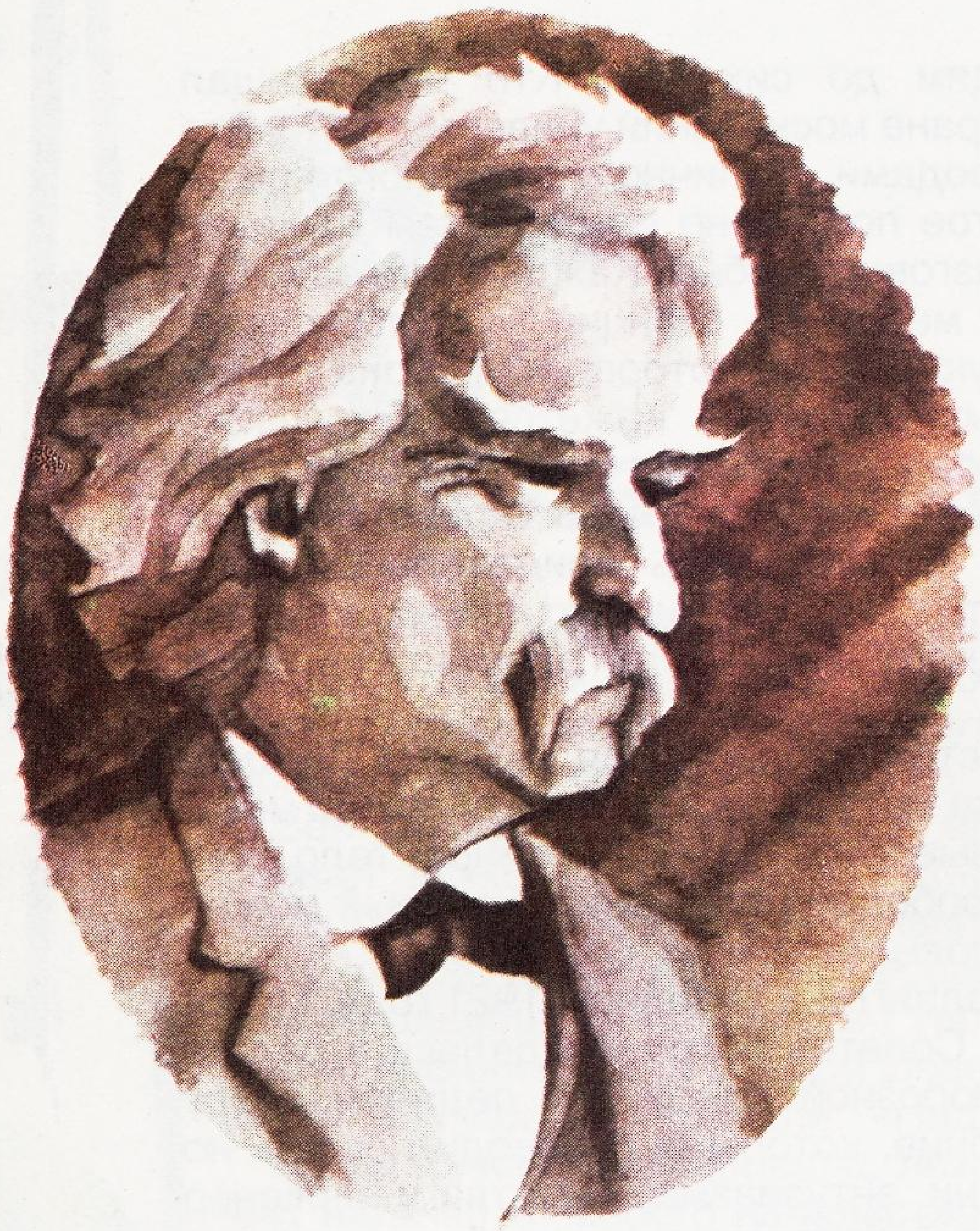
Но вот ученые из Института физики атмосферы АН СССР сделали такой эксперимент. Взяли шарообразный сосуд, наполнили его водой со взвешенными в ней легкими пластмассовыми бусинками, раскрутили этот сосуд, а потом быстро остановили. И увидели, что в сосуде родился вихрь, который наблюдать можно было по движению бусинок.

Опыт повторили, но сосуду придали вытянутую форму — и тогда в нем стали возникать два или три самостоятельных вихря, в зависимости от длины сосуда. Значит, образование вихрей — вовсе не каприз природы, оно должно объясняться законами поведения вращающихся жидкостей и газов. Когда же известен закон, то можно предсказать, при каких условиях должны возникать и исчезать атмосферные вихри.

Но это еще не все. Ученые решили посмотреть, как будет вести себя жидкость, вращающаяся в кольцеобразном сосуде. Именно так, по кругу, движется воздух над Антарктидой. Оказалось, что если скорость вращения жидкости превышала определенную величину, то главный вихрь неизменно распадался на два, три, пять, а то и семь вихрей — в зависимости от скорости вращения. Именно на столько вихрей-циклонов распадается в разные времена года и главный атмосферный вихрь над Антарктидой, когда скорость его вращения меняется из-за изменения притока солнечного тепла. Значит, и тут удалось обнаружить новую закономерность, определяющую погоду на Земле.

Простые и красивые опыты позволили изучить грандиозные явления природы. А подробнее обо всем этом можно узнать, посмотрев снятую в 1984 году ленту киностудии «Центрнаучфильм», которая называется «Загадка атмосферных вихрей».

М. БАТАРЦЕВ



Марк Твен сел однажды за письменный стол...

«Даже самый серьезный, самый деловитый американец, когда говорит об этом всемирно известном мальчике, начинает улыбаться, и глаза у него добреют»,— писали Илья Ильф и Евгений Петров, авторы «Двенадцати стульев» и «Золотого теленка», побывавшие в США в 30-е годы нашего века. Речь идет о Томе Сойере, с приключениями которого американский читатель впервые познакомился в декабре 1876 года, чуть более ста лет тому назад.

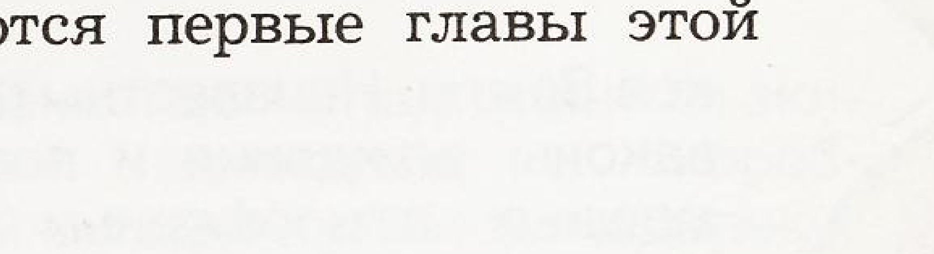
Марк Твен сел однажды за письменный стол и написал первую в истории мировой литературы детскую приключенческую книгу. До «Тома Сойера» были книжки с игрушечными мальчиками и девочками, неестественно плохими или столь же неестественно хорошими. Либо они просто болтались у взрослых героев под ногами, а взрослые изо всех сил принимали участие в их судьбе: удочеряли (или усыновляли) сироток, наставляли их на путь истинный и так далее. Либо — что гораздо хуже — они, эти мальчики и девочки, «служили примером». Каким надо быть или каким быть не надо.

Великая заслуга автора «Приключений Тома Сойера» перед детьми (и взрослыми) всех времен и народов — в том, что он первым начал писать для детей всерьез о настоящей жизни, а не придуманной, сахарной, как патока, или, наоборот, горькой, как редька.

Том — самый активный персонаж повести; взрослым приходится — а куда денешься? — плясать под его дудочку. Он сам — центральное действующее лицо во всех приключениях. А приключения в этой книжке — все, какие только могут возникнуть в фантазии юного читателя (то есть в вашей): бегство из дому, жизнь на необитаемом острове, разоблачение убийцы, поиски клада... И множество других. И всем этим приключениям в сравнительно небольшой книжке вовсе не тесно! Они прекрасно уживаются на какой-нибудь паре сотен страниц.

«Хотя книга моя предназначена главным образом для мальчиков и девочек, надеюсь — мужчины и женщины не станут из-за этого чураться ее, ибо я считал своей приятной обязанностью напомнить взрослым, какими они были когда-то, каковы были их детские чувства, разговоры и мысли, и в каких необычайных переделках приходилось им бывать иногда»,— писал Марк Твен о «Приключениях Тома Сойера» в предисловии к первому изданию книги.

Одной этой повести хватило бы на то, чтобы обессмертить имя автора. Однако уже в «Приключениях Тома Сойера» появляется — пока еще на вторых ролях,— другой твеновский герой, Гекльберри Финн, Гек Финн, веселый бродяга, попирающий основы основ существующего правопорядка. А еще через десять лет после «Тома Сойера» на свет появились «Приключения Гекльберри Финна». В этом году книге исполняется ровно сто лет. В России,— мы можем и должны этим гордиться — в том же 1885 году издаются первые главы этой



книги, из которой, по утверждению писателя Э. Хемингуэя, «вышла вся американская литература». Таким образом, первый иностранный язык, на котором заговорил юный Гек Финн, был русский.

Издавна — и уже навсегда — запомнилась мне глава из «Приключений Гекльберри Финна». Глава, в финале которой погибают все Грэнджерфорды и все Шепердсоны. Семейная вражда. Кровная месть. Вендетта. Поминутно мне казалось тогда (а перечитываю — и вновь кажется), что и юный Гек может вот так же — случайно и задаром — погибнуть, сгинуть, исчезнуть с лица земли. Вследствие нелепой, но бесповоротной жизненной ошибки. И ведь в самом деле — так оно и было. Гек тогда чудом уцелел — вы помните?

А Том Сойер и Бекки Тетчер, заблудившиеся в пещере? Ну, за них-то я никогда всерьез не волновалась: было очевидно, что автор не оставит ребятишек в беде — придумает выход, найдет лазейку... Мальчик Том, его судьба, его мысли и чувства — все это целиком и полностью подчинено воле автора. А Гекльберри — это, быть может, в большой мере мысли и чувства самого писателя. Гекльберри сложнее Тома, и любить его сложнее. Сложнее понять Твена, когда он говорит не об Америке Тома Сойера, а об Америке Гека Финна... Это — свойство истинно великой литературы: многое, непонятное с первого раза, раскрывается спустя годы и десятилетия. Возьмите «Приключения Гекльберри Финна» с собою в дальнюю дорогу: вам еще во многом предстоит здесь разобраться.

Когда говоришь о мальчиках — героях твеновских книжек, невозможно не вспомнить еще одно прекрасное произведение — роман «Принц и нищий». Кому из вас не хотелось хоть раз в жизни стать королем, всемогущим повелителем, которого слушаются все, даже взрослые? В «Принце и нищем» королем стал нищий мальчишка, житель Двора Отбросов, маленький Том Кенти. Хорошо ли ему жилось на новом месте? Благодарен ли он безудержной фантазии Твена, в один миг поместившего его во дворцовые покои, а его сверстника, будущего короля Англии, Эдуарда Тюдора — прямехонько в лондонские трущобы? Если вы уже прочитали эту книгу, вы не могли не понять идею Твена. Оба мальчика ведут себя так, как диктует им их совесть, а не их положение, каждый на своем месте: юный Эдуард Тюдор — среди воришек, бродяг и попрошаек; столь же юный Том Кенти — в окружении дворцовой челяди, министров, знатной родни. Это якобы историческое произведение Марка Твена вновь, как и «Приключения» Тома и Гека, утверждает: личность прежде всего. И ежели в книжке главный герой — ребенок, то пусть ребенок и в самом деле будет главным. Королем. В любую эпоху и в любой ситуации.

Раз уж зашла речь об истории, впору вспомнить еще об одной книге Твена о прошлом — о романе «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура».

Кто такой «янки из Коннектикута», отправленный своим создателем из девятнадцатого века в пятый: в древнюю Англию, к рыцарям круглого стола, ко двору короля Артура? Знаменитый «янки», проведший иллюминацию, сигнализацию, канализацию и еще бог весть что сквозь тринадцать столетий? Истинный американец твеновских вре-

мен, он, как ему и полагается, до крайности деловит, предприимчив и находчив. Первым делом он поставил себе на службу... помните, что? Солнечное затмение. «Янки» становится первым человеком в государстве короля Артура. Что с ним дальше было, вы либо уже знаете, либо потом прочитаете; важно другое. В этом необыкновенно остроумном и смелом по замыслу произведении Твен высмеивает нелепые предрассудки средневековья и поет хвалу своему времени, принесшему в мир жестокости и насилия свет разума, прогресса, цивилизации. Однако в то же время он смеется и над своим героем, олицетворением этого времени: над его ограниченностью, самоуверенностью, практицизмом. Смеется в открытую. На глазах у всех. От всей души.

Для Америки человеком, который смог правдиво рассказать о ней, стал Сэмюэл Клеменс, известный всему миру под псевдонимом Марк Твен. Можно сказать, что стране этой крупно повезло. Повезло, что он родился и жил в ней, что писал о ней, что над нею смеялся.

Смех, однако, бывает разного сорта. Бывает, как обезжиренный творог, безобидный, бывает же едкий, как дым, и острый, как перец. Человеку, прочитавшему сборник рассказов и статей Твена «Правдивая история» (выпущенный для вас издательством «Детская литература» в 1984 году), не придется ни у кого спрашивать, чем отличается юмор от сатиры, шутка от памфлета: на своих губах ощутит он, сколь горек порою бывает вкус смеха. «Замечательно, что Америку открыли, но было бы куда более замечательно, если бы Колумб проплыл мимо». Согласитесь, это уже не просто юмор. Листая страницу за страницей, вы убедитесь, что поздний Твен,— это уже совсем не тот весельчак, которого «выбирали в губернаторы», который «служил секретарем», плел байки про «знаменитую скачущую лягушку»...

«Он пишет кое о чем так, что люди, которые хотели бы его повесить, делают вид, что он шутит»,— сказал о Твене английский драматург Бернард Шоу.

Он, наверное, был одним из самых талантливых людей прошлого и нашего столетия — Марк Твен, оставивший людям около двадцати книг и огромное количество неопубликованных рукописей.

«Я еще не знаком с XX веком. Я желаю ему удачи...» — писал Твен. Знал ли он, что сам станет одной из величайших наших удач?..

Е. ВЕЛИКАНОВА

Рисунки С. СОКОЛОВА.

З. Я. КОРОГОДСКИЙ,
главный режиссер Ленинградского театра юных зрителей, народный артист РСФСР

ТАЛАНТЛИВЫЙ ЗРИТЕЛЬ

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

Талантливый зритель — кто же это?

Таинственный и непредсказуемый дар человека — талант. Талантливый музыкант, поэт, художник, строитель, просто талантливый человек... Как легко, кажется, это увидеть, но как трудно бывает понять, в чем и как проявляется одаренность, что способствует ее раскрытию!

Можно, наверное, определить качества зрительского таланта: чуткость и бережное отношение к сцене, умение разгадывать и воспринимать театральный язык, способность понимать законы художественного замысла. Есть зритель, который умеет увидеть в спектакле что-то совершенно неожиданное, свое: в его воображении возникают свои картины, ассоциации, новые образы, его мысль обостряется, короче говоря, он творит — работает вместе с театром.

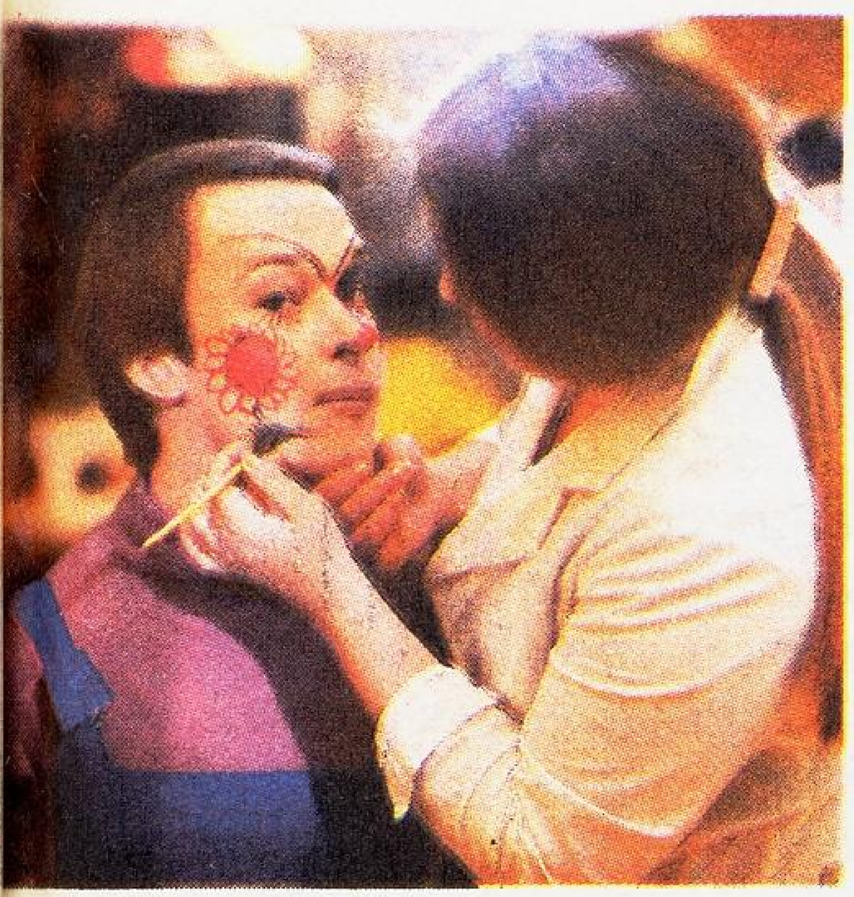
Можно ли воспитать эту чуткость в восприятии искусства? Уверенно сказать трудно. Это вопрос, который всегда стоял перед театром. Как повлиять на зрителя, как разбудить его разум, чуткость к тому, что происходит на сцене? Как сделать, чтобы зритель, выходя из театра, уносил с собой новый мир впечатлений, мыслей, чувств? Если сам зритель этого не делает, тогда театр должен сделать точный расчет, чтобы направить его восприятие, чтобы не отодвигать его в глубину театрального кресла, а, наоборот, включить в сценическое действие.

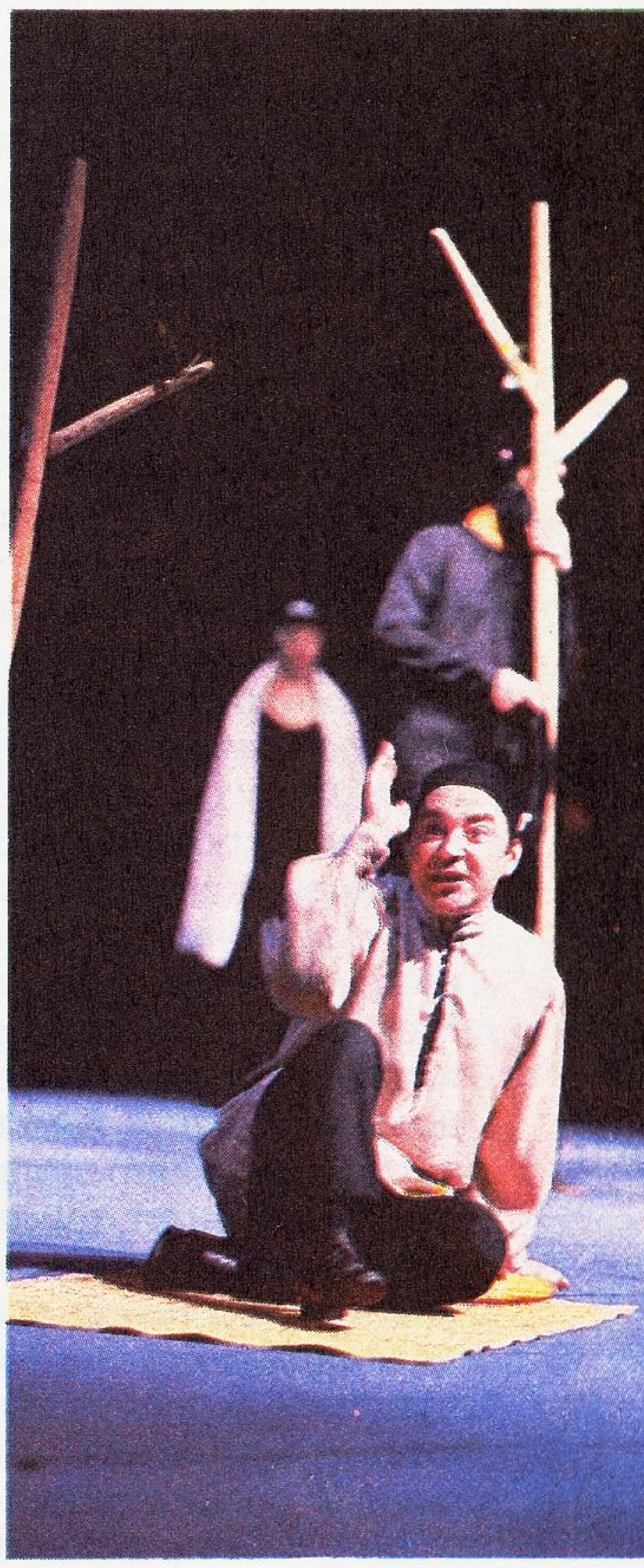
Быть зрителем, а тем более талантливым, не так уж просто.

Научиться смотреть спектакль — это серьезная душевная работа, требующая концентрации внима-

---

Окончание. Начало в №№ 9, 10.





*Быть зрителем не так-то просто,
смотреть спектакль — серьезная душевная работа.
О чем думают сейчас две девочки на нижнем снимке?
Одна смотрит на сцену с улыбкой,
другая — серьезно: каждая видит что-то свое.
Но и та, и другая надолго запомнят этот день —
день спектакля в любимом театре,
Ленинградском ТЮЗе.*

ния, веры в происходящее, умения самостоятельно мыслить.

Конечно, театр, а особенно театр юных зрителей, учитывает, что часто в его зале оказываются ребята, впервые пришедшие в зрительный зал. Поэтому многое в самих спектаклях и в том, что им предшествует — афиши, программки, выставки в фойе, радиообращения к зрителям перед началом,— должно ему помочь настроиться на творческое отношение к спектаклю. Если человек не страдает глухотой, эти подсказки на него обычно действуют и у него постепенно начинает возникать потребность в общении с театром. На следующий раз зритель уже знает, для чего он идет в театр, предвкушает особую, желанную встречу. Но пройдет еще много времени, прежде чем он научится улавливать все оттенки замысла режиссера, понимать спектакль как единое целое. Поэтому мы и называем наш театр «эстетической десятилеткой» — за десять школьных лет наш постоянный зритель вырастает на глазах! Нам легко это заметить, так как наш самый постоянный зритель — это делегат, член Делегатского собрания, ребячьей организации, существующей при нашем театре. Делегатов — посланцев школ города — объединяет любовь к нашему делу. Дружба с театром приносит в их жизнь серьезное искусство, новых друзей, большой сложный мир необычных взаимоотношений, ярких событий, активной общественной деятельности. В этом мире они пытаются найти себя, понять других людей, обрести необходимые в дальнейшей жизни нравственные ориентиры.

Взрослые иногда спрашивают: «Чем ребята могут помочь театру? Только мешают, небось!» А как вы считаете: могут ли ребята-зрители помогать работникам театра?

По-моему, ответ понятен из предшествующего, из того, что было сказано о Делегатском собрании. Однако скажу еще несколько слов, чтобы стало очевидно, насколько для нашего театра важно постоянное присутствие делегатов. Они — первые зрители и первые наши судьи, по ним мы проверяем результат работы театра — силу воздействия спектакля. Они пропагандисты наших идей, самые истовые приверженцы нашего дела, люди, влюб-

ленные в театр. Они питают коллектив «чувством детства», причастностью к своей судьбе. Театр юных зрителей — театр, который помогает ребятам стать честными, умными, принципиальными людьми. Помогая становлению юного человека, театр сам должен расти, чтобы поспевать за своим, всегда новым зрителем. Это сложно сделать, если театр находится по одну сторону рампы, а зритель — по другую. Но в Ленинградском театре юных зрителей такой границы нет. В его коллективе — дети, подростки, юноши — зрительский актив.

Как часто ваше мнение о спектакле расходится с мнением зрителя?

Возможны разные ситуации, но все-таки существуют какие-то общие законы «художественности». Не все они писаны, большая их часть даже не сформулирована: то ли слов не хватает, то ли слова оказываются несовершенными, но, наверно, вы и сами замечали, что передать впечатление от хорошего фильма или спектакля достаточно трудно. Можно пересказать сюжет, поделиться мнением о игре актеров, даже попробовать передать возникшие ощущения и мысли по поводу увиденного. Но попробуйте определить в словах то, что делает спектакль или фильм произведением искусства! Вряд ли кому-нибудь из вас это удастся. А внутреннее чувство тем не менее безошибочно подсказывает какой-то ответ, и называется это внутреннее чувство — художественным вкусом. Ему подчиняются и художник, и зритель, так что расхождения если и возникают, но они не столь уж серьезны.

Могут быть оттенки в восприятии, основанные на различии жизненного опыта. Я, к примеру, пережил войну, на которую пришлось мое отрочество — время нравственного становления. Любое произведение на военную тему вызывает во мне воспоминания о пережитом, личном. Предположим, в театре, на спектакле по любимой мною пьесе Михаила Рощина «Эшелон», я оказываюсь в кресле рядом с молодым человеком. Как бы ни понравился ему спектакль, убежден, что сила эстетического воздействия на меня будет больше, ибо она будет подкреплена глубоко личными переживаниями, воспоминаниями, которые обогатят и возвысят общее впечатление.

Однако нельзя, конечно, утверждать, что, скажем, пьесы на военную тему должны смотреть только люди, прошедшие войну, а пьесы на молодежную тему — молодежь... Так можно разграничить все искусство по тематическому и возрастному принципу. А это неправильно.

Изменились ли юные зрители за время вашей работы в театре?

Очень. Впрочем, как вы могли заметить, я считаю, что «юный зритель» — такого понятия нет, оно искусственное. Есть люди. Меняются и взрослые, и дети. Наш юный зритель каждый год другой. Люди меняются, потому что меняется время. Вот уже до конца века осталось 15 лет. Как все изменится к 2000 году!

Удалось ли вам сохранить такое же восторженное отношение к театру, как в детстве?

Я не чувствую в себе перемен. Мне кажется, что я остался таким же, и если повзрослел, то ведь не годы в нашей жизни определяют отношение к любимому увлечению, профессии, делу. К театру я всегда относился с таким же воодушевлением и радостью, как сейчас. Но сегодня просто прибавилось много рабочих огорчений. Поэтому, наверное, надо разделить: отношение к театру как к храму искусства осталось таким же — радостным, серьезным и возвышенным. Отношение к театру как к работе стало сложнее.

Какое главное качество режиссера?

Практически всю жизнь я занимаюсь режиссурой, выпустил не один курс режиссеров, работающих ныне в разных театрах страны, но вот сформулировать главное качество режиссера... Как-то сразу и не сообразить. Наверное, их все-таки несколько, равноценных по значению и равно необходимых в нашей профессии. Прежде всего — широкий взгляд на мир и жизнь, чувство времени, эпохи, истории и ее движения.

И еще очень важны наблюдательность, терпение и мужество. Среди профессиональных качеств я бы назвал художественный вкус и способность мыслить театральными формами. Иными словами, умение найти, создать, выдумать произведение, которое может полноценно существовать только на сцене,— спектакль, который может состояться только в театре, который нельзя заменить чтением пьесы. Конечно, сюда еще надо добавить, что человек, который берется за режиссуру, должен уметь работать с людьми, быть заразительным руководителем, находчивым лидером. Профессия режиссера — это профессия, объединяющая в себе способности организатора, истолкователя произведения и педагога, воспитателя коллектива.

На ваших спектаклях никогда не бывает скучно, все воспринимается легко и даже как-то весело. А когда потом подумаешь, понимаешь, что речь шла о серьезном. Как это у вас получается?

Тонкое наблюдение. Мы действительно стараемся для самых серьезных проблем находить забавные, парадоксальные театральные решения. И связано это, естественно, с тем, что наш зритель живее и быстрее откликнется на яркое театральное действо. Давно известно, что содержание может быть передано в разных формах. Мы ищем всегда наиболее доступную и завлекательную. Талантливый зритель (и здесь мы возвращаемся к началу нашего разговора) умеет разглядеть за внешней броскостью и весельем сложность человеческих отношений, непростое столкновение проблем. На это и рассчитывает театр. А вот как мы это делаем, какими способами достигается эффект серьезного в забавном — это уже профессиональная тайна. Признаюсь, что для меня видеть смешное в трагическом и трагическое в смешном — может быть, главное в творческом подходе к жизни, пьесе, к будущему спектаклю.

И вот последний вопрос: ***За что вы любите свой театр? Чем отличается он от других театров страны?***

Люблю за то, что в нем все (ну если не все, то самое главное) соответствует моему представлению о том, каким должен быть театр. За то, что каждый день он приносит мне новые открытия. Люблю людей, которые собрались под крышей нашего театрального дома, за их преданность делу, самоотверженность, человеческое бескорыстие. Я не променяю свой театр ни на какой другой, слишком дорога цена единомышленникам. А именно они с годами стали составлять основу нашего коллектива — это люди, которые понимают с полуслова, с которыми не надо тратить времени на поиски взаимопонимания, ибо прожитые совместно годы обнаружили общность взглядов на главные вопросы жизни и творчества.

СЕМЕНА ДОБРА

Живет на свете мальчик Женя, который любит облака и лошадей. Ему очень нравится рисовать и отгадывать облака, «вечно неопределенные и вечно что-то изображающие», и если б у него был фотоаппарат, то он бы снимал их на цветную пленку. А еще мальчик любит пчел.

Женя, колхозный пасечник Тихон Чуприн и пчелы — главные герои поэмы в прозе писателя Владислава ШАПОВАЛОВА «Медвяный звон», вышедшей в 1982 году в издательстве «Детская литература».

Вряд ли вы, ребята, хорошо знаете, как живут пчелы. Мудрый пасечник Тихон Чуприн познакомит нас с пасекой. Как для дядюшки Тихона, так и для нас теперь «ульи — это книги, рамки — страницы, соты — строчки, ячейки — буквы. А пасека — целая библиотека».

Вместе со старым пасечником мы «побываем» внутри улья, «посмотрим» на пчелиный клуб, зависший в межрамье «галактикой со звездами-пчелами» и шуршащий в зимней спячке. И с удивлением узнаем, что пчелы не замерли во сне, а находятся в еле заметном движении: «Те пчелы, что глубже, в обогреве, на край подаются, а те, что плотной коркой взялись, укрывшись черепицей крылышек, те самые, что сдерживают наступ стужи, просовываются внутрь. Меняются местами. Как в карауле. На страже звона».

Вместе с дядюшкой Тихоном мы будем радоваться весеннему пробуждению пасеки, внимательно наблюдать, как начинается новый сезон: «Взлетела одна, расправляя занемевшие крылышки,— и тот звук заразительно дошел во все уголки улья и передался каждому пчелиному сердцу. Клуб окончательно развалился, температура в домике начала нарастать. После зимовки пчелы поднимаются тяжело. Взлетят — и сядут на что придется. На ветку, на снег, а то и на теплую руку. Посидят, как старички, отдохнут, подышат, шатая брюшком,— попробуй столько прожить в заперти! Отдышатся... и снова взлетят...»

Но книга Владислава ШАПОВАЛОВА не только об удивительной жизни пчел. Главное в поэме — духовность природы и духовность человека. Не может «пчелиный звон бесследно проходить через человеческую душу»!

Тихон Чуприн часто размышляет вместе с Женей: «Что есть жизнь?.. Природа создала чудо: любовь и цветы. Нектар — это любовь цветов. В нем скрыта молодость жизни. И пчела берет любовь цветов и несет человеку... Диалектика».

Запомнятся нам и «Уроки любви» к природе дядюшки Тихона. С глубокой болью говорит старый воин, когда видит в лесу разбитую кем-то бутылку, о том, что цивилизация продвигается в природу «осколками стекла, рваной бумагой, ржавым железом консервных банок». «Ну, хорошо, бумага истлеет. Железо перержавеет в труху. Но стекло ведь останется на миллионы лет свидетельством нашей дикости!.. Мне иногда бывает стыдно перед каким-нибудь клочком земли».

...Книга прочитана. Закрыта последняя страница. А кажется, звучит в воздухе пчелиный медвяный звон.

Я верю, в вашей памяти навсегда останется новый друг Женя. Не забудется вам и Женин улей, и эпизод, когда мальчик достал из портфеля пакетик, взял из него щепотку семян, поднес на ладони к солнцу и бросил в землю. «Не семена,— утверждает писатель Владислав ШАПОВАЛОВ,— бросил .Человек в землю — Добро, чтобы оно взошло над Землею Медвяным Звоном».

В. ПАЛЬВАЛЬ

Редакция журнала «Пионер» сердечно поздравляет писателя Владислава Шаповалова с шестидесятилетием и желает автору «Медвяного звона» и повести «Зачарованный бор», которая печаталась в «Пионере», новых творческих удач.

В стране шаха — владыки черных и белых полей

КОМАНДЫ ВСТРЕТИЛИСЬ В САМТРЕДИА!

Продолжаем наш разговор о финальном турнире клуба «Белая ладья», в котором развертывались почетные призы ЦК ВЛКСМ и нашего журнала.

В этом номере о команде, представлявшей в Самтредиа юных шахматистов Узбекистана, рассказывает наш корреспондент **Тамара Кузнецова.**

Дильрабо и ее друзья

Из биографии команды:
Место рождения: Узбекская ССР, город Самарканд, школа № 52.
Из отчета судейской коллегии: В команде все отличники. Саддык Саидакбаров набрал среди мальчиков наибольшее количество очков — 9 из 10. Девочка выступает на доске мальчиков.

Когда Дилю Разматулаеву брат Джамшед впервые привел в школу на шахматный турнир, удивление ее было безгранично. Сначала эти короли и королевы, кони и слоны показались ей персонажами из какой-то незнакомой сказки, которую они еще не читали в детском саду.

Но потом она узнала от брата, как эти короли и королевы, кони и слоны сражаются на шахматной доске. И у каждой фигуры свой шаг, свой ход. Надо только знать какой и тогда можно смело пуститься вместе с загадочными фигурами в дальнюю дорогу, полную неожиданных приключений.

Так состоялась у Дили первое знакомство с шахматами.

А в Самтредиа на 17-м Всесоюзном финале пионерских дружин на призы клуба ЦК ВЛКСМ и журнала «Пионер» «Белая ладья» капитан команды школы № 52 города Самарканда Дильрабо Рахматулаева рассказывала нам о своих товарищах, с которыми приехала на этот турнир.

— Проиграли мы сегодня,— огорченно начала девочка.— Первая встреча и... неудача.

— А ты капитан. Как будете дальше?

Дильрабо вздохнула. Да, ребятам сейчас не по себе. Плохо. А завтра снова игра.

Дильрабо — самая младшая в команде, но ведь капитаном она стала потому, что у нее много внутренней силы, она готова всегда помочь друзьям, поддержать их.

— Да, нелегко нам сейчас,— говорит наконец девочка.— Но надо настраиваться на победу. Постараюсь помочь ребятам. Они у нас такие хорошие. Вот мой брат Джамшед. У него первый разряд. Он председатель совета отряда. А сестра Шоиста Рахматулаева... чемпионка республики среди девушек. Здесь она на доске мальчиков выступает. А Саддык Саидкабаров как играет! Он научил играть в шахматы и первоклашек, у них он пионервожатый. И много интересного о разных науках им рассказывает: ведь он в физико-математический кружок ходит. И еще у нас в команде Фархад Акилов. Он, правда, после игры баловаться любит. Приходится одергивать. А как утихомирится, так он рисует. У него особенно много рисунков на сказочные темы. Очень сказки любит...

Команда школы № 52 г. Самарканда не попала в число победителей финальных соревнований «Белая ладья». Хотя Саддык Саидакбаров набрал наибольшее число очков среди мальчиков. У других ребят дела шли хуже, но все очень старались в каждом поединке показать выдержку, находчивость. «Опыта нам не хватило»,— говорит Дильрабо. Но опыт появится, ведь впереди у каждого из ребят множество шахматных турниров, тренировочных поединков, занятий.

Ребята любят шахматы, хотят серьезно ими заниматься. И занятия шахматами помогут им приобрести много полезных качеств, которые всегда пригодятся в жизни, помогут овладеть любой профессией. В том числе и врача, а именно врачом мечтает стать в будущем Дильрабо. И ее сестра Шоиста. А их брат Джамшед хочет стать учителем истории. Сильными и находчивыми, умными и мужественными должны быть летчик-испытатель и пограничник. Ими мечтают стать Саддык и Фархад. И, конечно, всегда они будут любить шахматы.

Все в ваших руках, ребята, успехов вам и доброго пути!

Успехи юных

Хорошо играет четырнадцатилетняя пионерка из азербайджанского города Кахи Айнур Сафиева. В этом году она стала чемпионкой республики среди женщин, опередив в турнире многих опытных шахматисток. Айнур отважно атакует, но, что не менее важно, умеет четко вести позиционную, маневренную борьбу.

Посмотрите финал ее партии с мастером А. Сединой, игравшей белыми.

(Диаграмма № 1)

Айнур перевела на активную позицию своего короля, и, про-

рвав оборону белых, добилась победы. Игра продолжалась так:

46. ... Kph6—h5 47. Kd2—f1

На турнире «Белой ладьи».

Kph5—g4 48. Kb4—d5 Kpg4—h3 49. Kpe3—e2 (на 49. Kpf2 очень сильно 49. ...Kc5) 49. ...Kb3—c1 50. Kpe2—d2 Kc1—d3 51. Kpd2—c2 (белому королю все равно пришлось отступить) 51. ...Kph3—g2 52. Kd5—e3+ Kpg2—f3 53. Kpc2—b1 Kd3—e1 54. Kpb1—c1 Ke1—g2 55. Ke3—d5 e4—e3. Белые сдались.

Отличаются в соревнованиях и другие ребята. Так, например, в Орле на турнире мальчиков уверенно выступил ученик 5-го класса школы № 13 Роман Проценко. У Романа первый спортивный разряд, он занимается в заочной шахматной школе челябинского гроссмейстера Е. Свешникова. На турнире Роман выиграл все девять партий, не оставив соперникам никаких шансов.

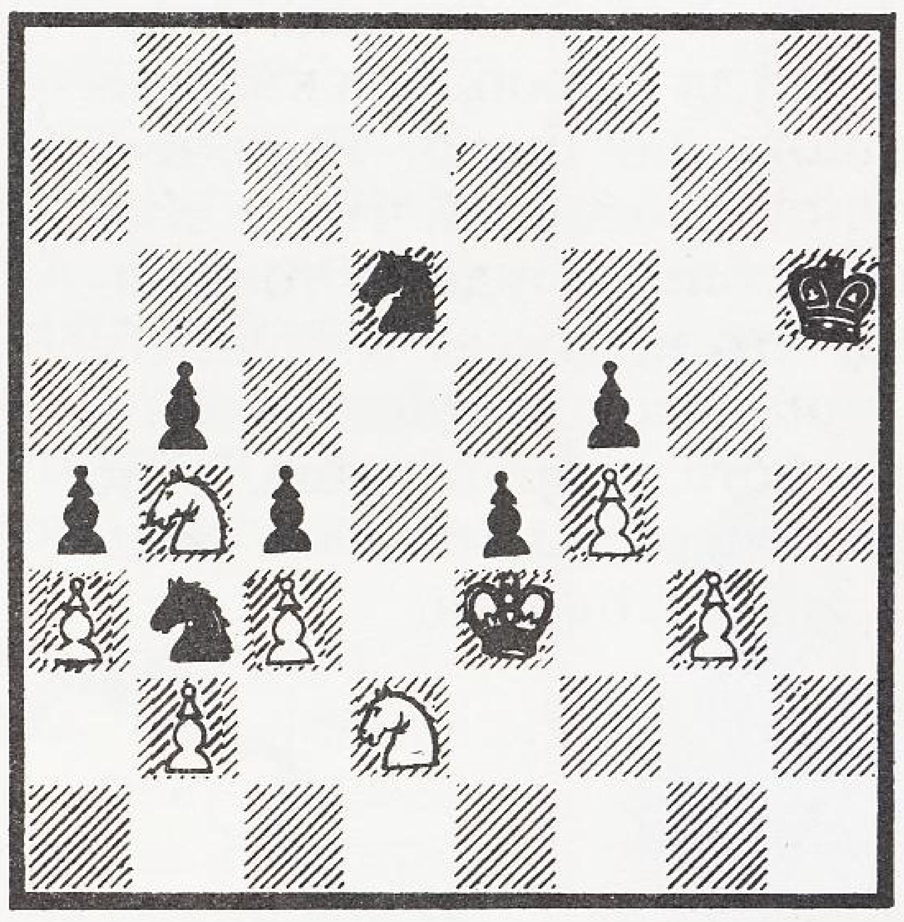


Диаграмма № 1.

Конкурс «Белая ладья»

Итак, два последних задания нашего конкурса, посвященного соревнованиям клуба «Белая ладья». Условия конкурса помещены в предыдущем номере журнала. В предлагаемых вам двух новых заданиях решающее слово принадлежит белым ладьям.

Не забывайте при решениях, что в обеих позициях игру начинают белые. Хотим еще раз напомнить, что во всех публикуемых диаграммах счет горизонталей начинается снизу.

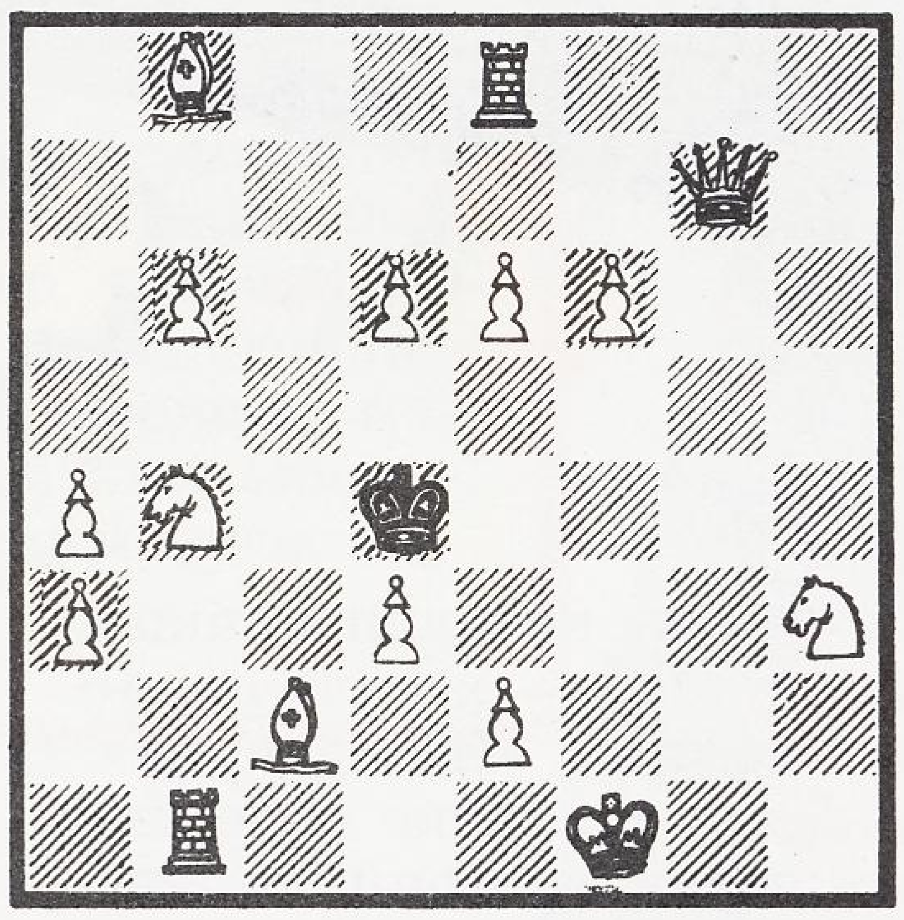


Диаграмма № 2.

(Диаграмма № 2)

У белых все фигуры и пешки, у черных один король. Но вам придется тем не менее потрудиться, чтобы найти, как дается мат в два хода.

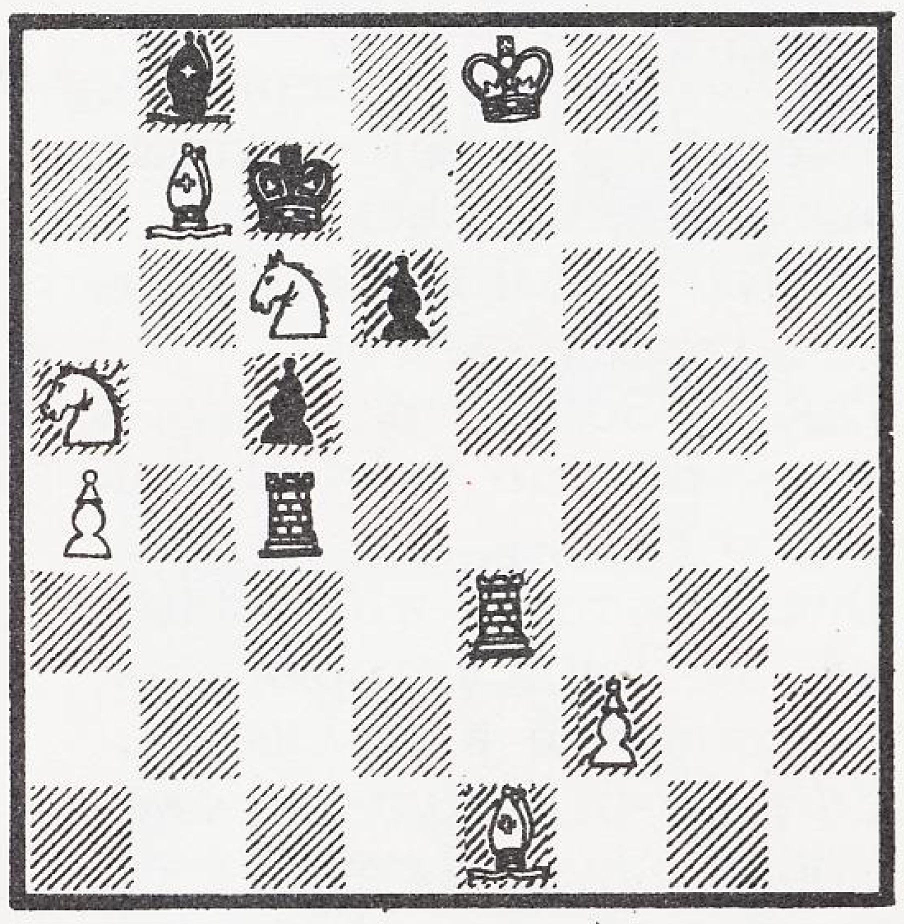


Диаграмма № 3.

(Диаграмма № 3)

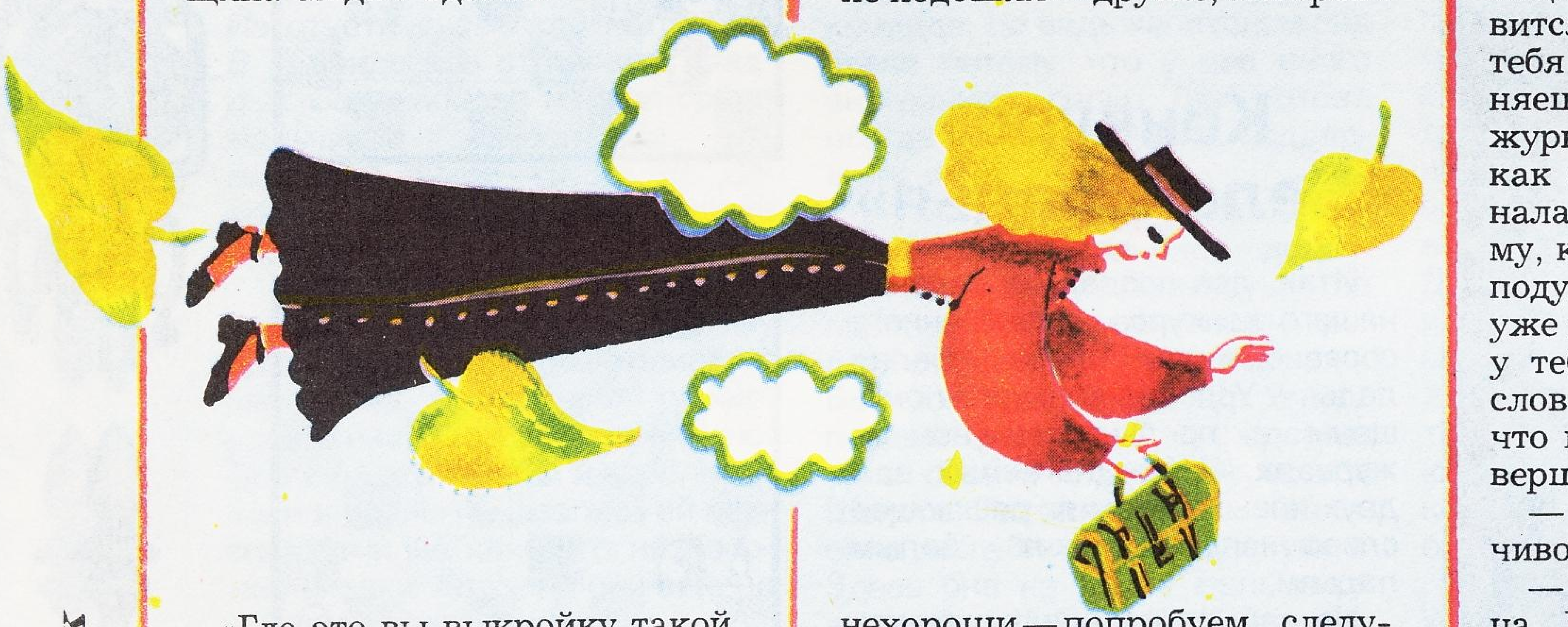
И здесь белые ладьи — хозяева положения. Найдите, как достигается мат в три хода.

Ждем ваших решений. Решения надо отсылать не позднее чем через месяц после получения журнала.

100 советов Золушке

ЛИЦО

Итак, Фея явилась из осеннего листа, залетевшего в окошко. Обыкновенный желтый лист прошуршал по стеклу — и Золушка увидела, что Фея стоит рядом. Хотя секундой раньше рядом да и вообще в квартире никого не было. Впрочем, Золушка уже знала, что ее знакомая любит почудить: то делает вид, что не имеет к волшебству никакого отношения. А то, пожалуйста... прошуршало по стеклу — и рядом с вами женщина модно одетая.



«Где это вы выкройку такой юбки достали?» — хотела спросить Золушка. Но вовремя вспомнила, что такие вопросы можно задавать лишь очень близким приятельницам, да и то не вместо слова «здравствуйте». Поэтому, вежливо поздоровавшись, она опять стала внимательно глядеть в зеркало, чем, собственно, и занималась, прежде чем появилась Фея.

— И что ты там видишь, Золушка? — спросила Фея.

— Так...— Золушка пожала плечами.— Ничего особенного. Лицо.

— Судя по тому, что ты никак не можешь оторваться, что-то особенное в нем есть.

— Да-да,— недовольно сказала Золушка.— Потому что это лицо — мое лицо. Хотя ничего особенного, повторяю, в нем нет... И вот уж не люблю, когда взрослые слишком иронизируют, хоть бы они были даже и феи. И... «Разлетались тут»,— хотела добавить Золушка. Но все-таки удержалась.

— Понятно,— сказала тогда Фея.— Шутки в сторону. Очевидно, момент и вправду слишком серьезный. Так в чем дело?

— Эх,— Золушка мечтательно подняла глаза к потолку.— Вот если бы у меня было знаете какое лицо... Даже не знаю, как и объяснить...

— Понятно. Ты видела в детективных фильмах, как криминалисты создают словесный портрет. Раз — на экране глаза; не подошли — другие, эти брови нехороши — попробуем следующие, нос на выбор, рот — какой прикажете... Вот бы нам такую установку, сейчас бы ты мигом объяснила, какое лицо тебе нужно вместо твоего собственного милого и, в общем, уже любимого мною лица.

— Правда, любимого? — удивилась Золушка.

— Правда. Во всяком случае, запомни на будущее: самый верный способ привязаться к человеку — это заботиться о нем... Так чем тебя не устраивает твое лицо?

— Дело в том, что я видела в одном журнале фотографию... А недавно в троллейбусе одну девочку.

— Что за ребенок,— вздохнула Фея,— то ей подайте рост среднеуниверсальный, то лицо под копирку. Хорошо, представь, будет у тебя такое лицо, как у девочки из троллейбуса. А что делать тем, кто тебя любит с твоим собственным лицом?

— Да кто меня любит...— вздохнула Золушка.

— Давай посчитаем: папа с мамой, бабушка с дедушкой...

— Две бабушки и двое дедушек,— уточнила Золушка.

— Тем более. Тетя, дядя, подруги, друзья...

— И еще один человек,— подсказала Золушка.

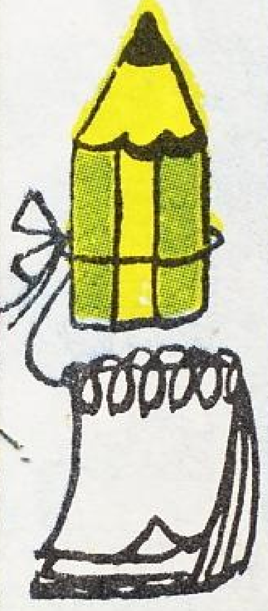
— Вот видишь! И еще один человек! Итого целая компания любящих тебя людей, которые ничего не имеют против твоего лица. Оно им даже очень нравится, они и не представляют тебя с другим. А ты мне объясняешь, что ты там видела в журнале. Чем мечтать о том, как стать красавицей из журнала, которая нравится каждому, кто листает журнал, лучше подумать о тех, чью любовь ты уже нашла. Поэтому хоть лицо у тебя и славное (я от своих слов не отказываюсь), но кое-что в нем все-таки следует совершенствовать.

— Наверное, нос...— задумчиво сказала Золушка.

— Наверное, выражение лица. Нос оставим в покое, уж какой достался... Пятнадцать минут назад ты была огорчена своим отражением в зеркале, раздражена моей шуткой и...

— Чуть не нагрубила,— вздохнула Золушка.

— И лицо у тебя было злое. Неприятное лицо.



— Да?

— Да. Потом ты опять смотрела в зеркало и воображала себя сверхкрасавицей, мечтала о всякой ерунде (а дома-то не прибрано и ужина нет, а родители придут усталые)... и лицо у тебя было, извини, конечно, глуповатое, самодовольное.

— Ну уж...

— Представь. Потом ты стала мне рассказывать, какую ты видела в троллейбусе девочку, и лицо у тебя стало завистливое. Это, я тебе скажу, одно из самых неприятных выражений твоего лица. Потом...

— Пожалуйста, остановитесь.— Золушка опять вздохнула.— И так много.

— А знаешь, в чем ошибка золушек, которые не боятся иметь такое выражение лица? Они думают, что это ненадолго: нагрубил одному человеку, а другому улыбнулся — и нет злого лица. Обманул, потом обман забылся — и нет мошеннического лица, повторил умную фразу за кем-нибудь — и вроде нет как нет глупого лица. А это совсем не так. Все-все остается на лице. И со временем становится все заметней. Неприятное выражение лица очень быстро становится привычным. Выражение злости, хитрости, зависти прочно приклеивается к лицу и становится самим лицом: злым, хитрым, подозрительным. Иногда можно встретить молодых девушек и женщин с такими лицами. И не спасает уже природная миловидность. Ты слышала выражение: «После тридцати лет человек сам отвечает за свое лицо». Имеется в виду совсем не уход за кожей и посещение косметических кабинетов. Какой человек — добрый или злой, глупый или умный,— такое и лицо. Так что смотри, как бы не приклеилось к твоему лицу неприятное выражение... Тогда уж никакая фея не поможет. Трудно это — сделать плохого человека хорошим. Гораздо труднее, чем научить маленькую Золушку ухаживать за своим лицом и правильно относиться к косметике...

— Наверное, об этом вы мне сейчас и расскажете...

— К сожалению, Золушка, в другой раз... залетела я к тебе всего на минутку. По пути. Чтобы передать сундучок. Готовясь к переходу на зимнее время, займись-ка ты его содержимым.

Золушкин сундучок

Наверняка в твоем доме есть шерстяные свитера и кофточки, из которых ты уже выросла, или они вытерлись на локтях и под мышками. С помощью кусочков мягкой кожи, вельвета или другой подходящей ткани такого же или контрастного цвета можно не только починить вещь, но и сделать ее модной. Вырежь из кожи или другого материала заплатки в форме элипса, круга, сердечек, листочков и пришей их с учетом износа на локти.

Пуловер с V-образным вырезом, который стал тебе тесноват, ты можешь превратить в кофточку на застежке. Распори боковой шов и шов рукава примерно на 25 см (считая от подмышки, где швы встречаются). Приметай к ним полоску кожи или плащевки размером 20×20, прострочи на машинке и заделай распоротый шов. Разрежь пуловер спереди по центру и пришей к каждой полоске бейку из отделочного материала шириной 3 см. Прометай петли и пришей пуговицы. Кофта готова.

Не стреляйте в радугу

Эту книгу вначале надо смотреть. Но смотреть страшно. Страшно потому, что каждая фотография этой книги — документ жестокости против детства. На снимках израненные дети, обожженные напалмом, дети, потерявшие родителей, дети-инвалиды. На снимках изображены голод, болезни, нищета, эксплуатация детского труда. Фотографии и документы изобличают расизм, апартеид, геноцид, насилие. Документы, фотографии обличают фашизм и неофашизм. И все это несет детству злейший его враг — империализм.

В 1959 году Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию прав ребенка. В ней десять принципов, которые гарантируют каждому появившемуся на свет право на жизнь, улыбку, счастье. А как в жизни?

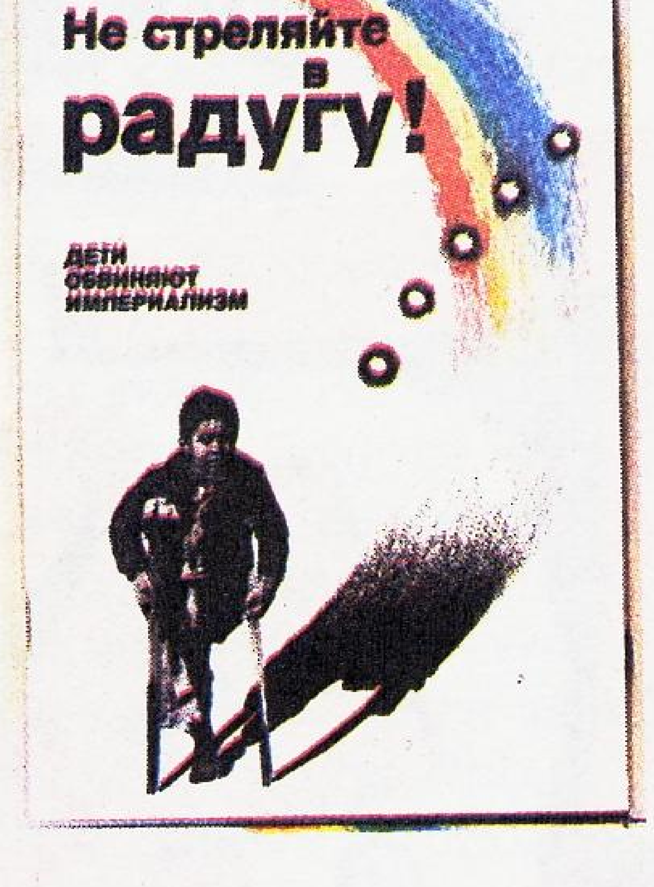
Только в странах социализма Декларация прав ребенка выполняется успешно, зато там, где правит капитал, декларация — всего лишь пустая бумажка.

Вместе со взрослыми в борьбе за права детей, в борьбе за мир участвуют самые юные жители планеты. В 1983 году в Луанде, столице Народной Республики Ангола, заседал необычный Международный трибунал. На нем присутствовали только дети. На трибуну поднимались ребята из Никарагуа и Гватемалы, из Анголы и Мозамбика. На трибуну поднимались палестинские дети, которые до сих пор лишены самого дорогого — родины. Они говорили о себе, о своих ранах и бедах.Они клеймили позором империализм, и прежде всего американский.

Журналист «Пионерской правды» Игорь Афанасьев собрал уникальные фотодокументы, цифры и факты и составил эту книгу-обвинение. Художник Евгений Илатовский и художественный редактор Надежда Рудакова вложили много сердца в ее оформление.

В дни XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов эту книгу можно было увидеть в руках делегатов на Международном трибунале, в Детском центре. Она выпущена на русском, французском, испанском и английском языках. Закончился фестиваль, но борьба за права детей, за мирное небо над головой продолжается. И в этой борьбе книга «Не стреляйте в радугу!» — грозное оружие.

С. СЛАВИН



СОДЕРЖАНИЕ

Мир — детям, мир — планете! — Фотография ТАСС ... II обл.
Обращение участников слета юных борцов за мир к делегатам XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов ... 1
Эхо фестиваля. — Фотографии М. Вылегжанина и В. Гусева ... 2, 36
Если хочешь быть счастливым. — А. Масс ... 3
Здравствуй, отряд! — В. Крапивин. Продолжение. Рисунки Е. Медведева ... 6
Летопись «Пионера» ... 11
Книги. — Повесть А. Яковлева. Продолжение. Рисунки А. Ивашенцевой ... 12
Сбор рябины. — Стихотворение А. Сымонович; **Зима идет.** — Стихотворение В. Войцеховского ... 21
Отряд говорит с отрядом. — Рисунки А. Вовиковой ... 22
Дерзость воображения. — Л. Разгон. Рисунки Л. Хайлова ... 24
После «Тихой Люды». — Рисунки Л. Хачатряна ... 33
«Кораблик» ... 38
Малая пионерская энциклопедия
Ленинское задание. — Фотография М. Вылегжанина ... 40
Кругосветное путешествие «Пионера»
Под звездами балканскими. — О. Тихомиров ... 41
Зимняя сказка. — Стихотворение М. Алечкович ... 46
Фиолетовый цвет. — Рассказ А. Глебова. Рисунок В. Дудкина ... 47
На научной волне ... 50
Марк Твен сел однажды за письменный стол... — Е. Великанова ... 54
Талантливый зритель. — З. Корогодский. Фотографии М. Вылегжанина ... 56
Семена добра. — В. Пальваль. Рисунок А. Борисова ... 59
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — Рисунок Н. Доброхотовой ... 60
100 советов Золушке. — Рисунки А. Вовиковой ... 62
Не стреляйте в радугу. — С. Славин ... 64
Переменка ... III обл.

На обложке:
На XII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве. — Фотография М. Вылегжанина.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), **В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, И. Н. НИКИТИН, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела литературы и искусства), **Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **В. П. ДУДКИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1985.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 02.09.85.
Подписано к печати 17.09.85. А 14602. Формат $84\times60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 650 000 экз. Изд. № 2437. Заказ № 1506.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Сегодня на нашей «Переменке» присутствует УЧИТЕЛЬ! Конечно, на обычных переменках учителя бывают каждый день. Но на нашу мы пригласили учителя впервые. Пригласили, чтобы посмотреть на школьные дела глазами учителя.

*У нас в гостях — учительница английского языка 30-й московской школы, член общественной комиссии Комитета советских женщин **Людмила Сергеевна КАМЕНСКАЯ.** От имени учеников с ней беседует наш корреспондент **Марина Потоцкая.***

— Людмила Сергеевна, какие ученики вам больше нравятся? Тихие, послушные или...

— Или! Я сама когда-то вертелась и ерзала так, что бабушке без конца приходилось мне штопать школьную форму! Я люблю ребят живых и обязательно добрых. Дети-друзья — вот кто каждому учителю нравится!

— Вот и расскажите о своих друзьях. Как они у вас появились. И когда.

— Двадцать лет назад. Тогда я пришла работать в свою тридцатую школу. Пришла с удовольствием и некоторой робостью. Сначала мы привыкали: ребята ко мне, я к ним. Потом... Потом однажды на уроке во втором классе девочка подняла руку и говорит: «Людмила Сергеевна, я вам принесла попробовать свое любимое пирожное!» И в самом деле, достает со дна портфеля нечто бесформенное, завернутое в газету...

— И вы попробовали?

— Конечно. Это же человек от всей души принес! Был у меня один ученик. Он всегда на переменках подбегал ко мне с таким выражением лица, что я пугалась: «Что такое?! Что случилось?!» — «Ничего. Я просто поздороваться» Сейчас этот мальчик стал детским врачом, работает в нашем районе и, если встречает меня на улице, точно так же подбегает, и я так же пугаюсь...

Знаете, мне иногда кажется, что мир наполовину состоит из учеников нашей школы. Даже когда я в составе делегации Комитета советских женщин приехала в Индию, в гостинице меня уже поджидал... наш ученик, журналист-международник! И в школе работают учителями бывшие ученики...

— А как подружиться с учителем? Мы-то общаемся с вами в основном на уроках...

— Но есть же сборы, вечера, походы в театры, на выставки... И, конечно, «трудовые десанты» в подшефный колхоз! Вот уж где учителя и ученики вместе преодолевают трудности, вместе смеются над всякими веселыми неожиданностями!.. В колхозе мы из привезенных с собой припасов всегда устраивали складчину. Но одна девочка решила съесть свой салат со сметаной в одиночку, когда все уснут. У нас были двухэтажные кровати, девочка спала надо мной, банка у нее в руках перевернулась, и... И я проснулась в сметанном соусе. Наутро беседа о том, что плохо быть жадной и следует делиться с товарищами, не понадобилась.

— Грустный вопрос — обижались ли вы когда-нибудь на своих учеников?

— Все бывает. Мой сын был еще маленьким. Как-то утром до школы я торопилась отвести его в детсад и в спешке надела свитер задом наперед. Карманы получились на спине. Но я, ничего не замечая, стала вести урок. Чувствую, что-то не так: хихикают, шепчутся... Наконец перед самым звонком кто-то поднял руку: «Людмила Сергеевна, вы свитер неправильно надели!» Вот тут я на них обиделась: «Какие же вы друзья? Почему сразу не сказали?..»

— Серьезный вопрос: что значит любить свою школу?

— Как-то в коридоре во время уроков я встретила нашего бывшего ученика, молодого папу. Его послали гулять с малышом, и он пришел гулять... в свою старую школу! И очень многие «бывшие дети» приходят к нам и 1 сентября, и в День учителя, и просто так. Значит, до сих пор не стали посторонними! Значит, во взрослой жизни осталось у них место для школы... И это замечательно!

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

ISSN 0130—8009

Начало на 36-й странице.

тогда голосовала за фестиваль. И вот через много лет я воочию вижу красочный и могучий форум молодежи. И рядом — дети. Очень важно, чтобы с юных лет ребята берегли все живое на земле, берегли мир и хорошо знали, кто их друг, а кто — враг».

Мамлакат Нахангова,
пионерка 30-х годов,
первая среди юных ленинцев
удостоенная ордена Ленина.

«Как много замечательных детских рисунков на международной детской выставке «Я вижу мир»! Сколько в них света, добра! Хочу, чтобы в руках у детей были кисти и карандаши, но никогда — автоматы и винтовки».

Херлуф Бидструп,
лауреат международной
Ленинской премии
«За укрепление мира
между народами», художник.

«Фестиваль — это великолепно! Этого слова достаточно, чтобы понять, как мне все нравится в Детском центре. Я встретился с десятками ребят из разных стран. Выступал перед пионерскими вожатыми и учителями. И говорил об одном — о мире для детей на планете».

Анатолий Алексин,
лауреат Государственной
премии СССР
и премии
Ленинского комсомола.

«Я представлял на фестивале детскую организацию Кубы, которая насчитывает 1 миллион 818 тысяч детей, работал в Детском центре, мне понравилось абсолютно все: и митинги, и дискуссии, и «круглые столы», выставки, концерты, а главное, встречи, встречи, встречи с новыми друзьями. Здесь, в Москве, мы воочию видели, что советские дети окружены огромным вниманием взрослых. XII Всемирный был в гостях у детей Страны Советов. На митинге в защиту мирного неба для всех детей планеты молодежь мира сказала решительное «Нет войне!». Мы еще с большей силой будем бороться за счастье детей планеты».

Элса Агуэро Эсковар,
вице-президент
пионерской организации Кубы
имени Хосе Марти.

Цена 30 коп. Индекс 70694.